

МИНОБРНАУКИ РОССИИ

**Известия
Юго-Западного
государственного
университета
Серия: Лингвистика и педагогика**

Научный журнал

Том 13 № 1 / 2023

**Proceedings
of the Southwest
State University
Series: Linguistics and Pedagogics**

Scientific Journal

Vol. 13 № 1 / 2023

**Известия Юго-Западного
государственного университета.
Серия: Лингвистика и педагогика**

**(Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta.
Seriya: Lingvistika i Pedagogika)**

Научный рецензируемый журнал

Основан в 2011 г.

Цель издания – публичное представление научной общественности научных результатов фундаментальных, прикладных, проблемно-ориентированных научных исследований в таких отраслях, как русский язык, теория языка, сравнительно-историческое типологическое и сопоставительное языкознание, теория и методика профессионального образования, общая психология, психология личности, история психологии, социальная психология.

В журнале публикуются оригинальные работы, обзорные статьи, рецензии и обсуждения, соответствующие тематике издания.

Публикация статей в журнале для авторов бесплатна.

Целевая аудитория: научные работники, профессорско-преподавательский состав образовательных учреждений, экспертное сообщество, молодые ученые, аспиранты, заинтересованные представители широкой общественности.

Журнал придерживается политики открытого доступа. Полнотекстовые версии статей доступны на сайте журнала, научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU.

Журнал включен в перечень ведущих научных журналов и изданий ВАК Минобрнауки России, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора наук, кандидата наук по следующим научным специальностям:

Филологические науки: 5.9.5; 5.9.8

Педагогические науки: 5.8.7

Психологические науки: 5.3.1

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Емельянов Сергей Геннадьевич, д-р технических наук, профессор, ректор, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (г. Курск, Российская Федерация)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Степыкин Николай Иванович, доктор филологических наук, доцент; Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Российская Федерация)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Абрамов Валерий Петрович, академик Академии педагогических и социальных наук, академик Российской академии естественных наук, доктор филологических наук, профессор; Кубанский государственный университет (г. Краснодар, Российская Федерация)

Боженкова Раиса Константиновна, доктор филологических наук, профессор; МГТУ им. Н.Э. Баумана (г. Москва, Российская Федерация)

Боженкова Наталья Александровна, доктор филологических наук, профессор; Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина (г. Москва, Российская Федерация)

Василенко Татьяна Дмитриевна, доктор психологических наук, профессор; Курский государственный медицинский университет (г. Курск, Российская Федерация)

Криволапова Елена Михайловна, доктор филологических наук, профессор; Курский государственный университет (г. Курск, Российская Федерация)

Молчанова Людмила Николаевна, доктор психологических наук, профессор; Курский государственный медицинский университет (г. Курск, Российская Федерация)

Никишина Вера Борисовна, доктор психологических наук, профессор; Российский национальный исследовательский медицинский университет имени Н.И. Пирогова (г. Москва, Российская Федерация)

Пищальникова Вера Анатольевна, доктор филологических наук, профессор; Московский государственный лингвистический университет (г. Москва, Российская Федерация)

Подымова Людмила Степановна, доктор педагогических наук, профессор; Московский педагогический государственный университет (г. Москва, Российская Федерация)

Попова Нина Васильевна, доктор педагогических наук, профессор; Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Скобликова Татьяна Владимировна, д-р педагогических наук, профессор; Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Российская Федерация)

Степанова Надежда Сергеевна, доктор филологических наук, доцент; Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Российская Федерация)

Томаков Владимир Иванович, доктор педагогических наук, профессор; Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Российская Федерация)

Шаклеин Виктор Михайлович, академик РАН, доктор филологических наук, профессор; Российский университет дружбы народов (г. Москва, Российская Федерация)

Якушкина Татьяна Викторовна, доктор филологических наук, доцент; Российский государственный гидрометеорологический университет (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Учредитель и издатель:

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»

Адрес учредителя, издателя и редакции

305040, г.Курск, ул. 50 лет Октября, д. 94

Телефон: +7(4712) 22-25-26,

Факс: +7(4712) 50-48-00.

E-mail: rio_kursk@mail.ru

Наименование органа, зарегистрировавшего издание:

Журнал зарегистрирован Федеральной службой

по надзору в сфере связи, информационных

технологий и массовых коммуникаций

(ПИ №ФС77-80884 от 21.04.21).

ISSN 2223-151X (Print)

Сайт журнала: <https://swsu.ru/izvestiya/serieslingva/>

© Юго-Западный государственный университет, 2023

Материалы журнала доступны
под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License

Типография:

Полиграфический центр

Юго-Западного государственного

университета, 305040, г. Курск,

ул. 50 лет Октября, д. 94

Подписка и распространение:

журнал распространяется

по подписке.

Подписной индекс журнала 44292

в объединенном каталоге

«Пресса России».

Периодичность: четыре выпуска в год

Свободная цена

Оригинал-макет подготовлен Е.Г. Анохиной

Подписано в печать 15.04.2023

Дата выхода в свет 09.08.2023. Формат 60x84/8.

Бумага офсетная. Усл.печ.л. 21,3.

Тираж 1000 экз. Заказ27.

16+

Proceedings of the Southwest State University

Series: Linguistics and Pedagogics

Peer-reviewed scientific journal

Published since 2011

The purpose of the publication is to publicly present to the scientific community the scientific results of fundamental, applied, problem-oriented research in such fields as the Russian language, language theory, comparative historical typological and comparative language knowledge, theory and methodology of vocational education, general psychology, personality psychology, history of psychology, social psychology.

The journal publishes scientific articles, critical reviews, reports and discussions in the above mentioned areas.

All papers are published free of charge.

Target readers are scientists, university professors and teachers, experts, young scholars, graduate and post-graduate students, stakeholders and interested public.

The Editorial Board of the journal pursues open access policy. Complete text of the articles are available at the journal web-site and at eLIBRARY.RU.

The journal is included into the Register of the Top Scientific Journals of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation as a journal recommended for the publication of the findings made by the scientists working on a doctoral or candidate thesis in the following areas:

Philological Sciences: 5.9.5; 5.9.8

Pedagogical Sciences: 5.8.7

Psychological Sciences: 5.3.1

EDITOR-IN-CHIEF

Sergey G. Yemelyanov, Doctor of Engineering, Rector of the Southwest State University
(Kursk, Russian Federation)

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Nikolay I. Stepykin, Doctor of Philological Sciences, Associate Professor;
Southwest State University (Kursk, Russian Federation)

EDITORIAL BOARD

Valery P. Abramov, Doctor of Philological Sciences, Professor; Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Raisa K. Bozhenkova, Doctor of Philological Sciences, Professor; Bauman Moscow State Technical University (Moscow, Russian Federation)

Natalia A. Bozhenkova, Doctor of Philological Sciences, Professor; Pushkin State Russian Language Institute (Moscow, Russian Federation)

Tatyana D. Vasilenko, Doctor of Psychological Sciences, Professor; Kursk State Medical University (Kursk, Russian Federation)

Elena M. Krivolapova, Doctor of Philological Sciences, Professor; Kursk State University (Kursk, Russian Federation)

Lyudmila N. Molchanova, Doctor of Psychological Sciences, Professor; Kursk State Medical University (Kursk, Russian Federation)

Vera B. Nikishina, Doctor of Psychological Sciences, Professor; Pirogov Russian National Research Medical University (Moscow, Russian Federation)

Vera A. Pischalnikova, Doctor of Philological Sciences, Professor; Moscow State Linguistic University (Moscow, Russian Federation)

Lyudmila S. Podymova, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor; Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russian Federation)

Nina V. Popova, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor; Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (St. Petersburg, Russian Federation)

Tatiana V. Skoblikova, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor; Southwest State University (Kursk, Russian Federation)

Nadezhda S. Stepanova, Doctor of Philological Sciences, Associate Professor; Southwest State University (Kursk, Russian Federation)

Vladimir I. Tomakov, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor; Southwest State University (Kursk, Russian Federation)

Victor M. Shaklein, Doctor of Philological Sciences, Professor; RUDN University (Moscow, Russian Federation)

Tatiana V. Yakushkina, Doctor of Philological Sciences, Associate Professor; Russian State Hydrometeorological University (Saint Petersburg, Russian Federation)

Founder and Publisher :
“Southwest State University”

**Official address of the Founder, Publisher
and Editorial Office**

50 Let Oktyabrya str., 94, Kursk 305040,
Russian Federation

Phone: +7(4712) 22-25-26,

Fax: +7(4712) 50-48-00.

E-mail: rio_kursk@mail.ru

The Journal is officially registered by:

The Federal Supervising Authority in the Field
of Communication, Information Technology and Mass media
(PI №FS77-80884 of 21.04.21).

ISSN 2223-151X (Print)

Web-site: <https://swsu.ru/izvestiya/serieslingva/>

Printing office:

Printing Center

of the Southwest State University,
50 Let Oktyabrya str., 94, Kursk 305040,
Russian Federation

Subscription and distribution:

the journal is distributed by subscription.
Subscription index 44292 in the General
Catalogue “Pressa Rossii”

Frequency: Quarterly

Free-of-control price

Original lay-out design Elena G. Anohina

16+

© Southwest State University, 2023

Publications are available in accordance with
the Creative Commons Attribution 4.0 License

Sent to the printing 15.04.2023.

Release date 09.08.2023. Format 60x84/8.

Offset paper. Printer's sheets: 21,3.

Circulation 1000 copies. Order 27.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ.....	8
Тенденции употребления антропонимов в медиатекстах (на примере газеты «Курская правда»).....	8
<i>Беспалова Е. А., Свеженцева А. С.</i>	
Многофункциональность вестигальной лексики в художественном портрете В.А. Гиляровского (на материале автобиографических повестей «Мои скитания» и «Люди театра»)	17
<i>Летапурс Т.В., Малыхина Т. М.</i>	
Фразеологизмы и пословицы с компонентом-фитонимом в английской лингвокультуре	29
<i>Ван Ци</i>	
Способы нейтрализации гендерной отнесенности фразеологических единиц (на материале медиатекстов).....	37
<i>Беспалова Е. А.</i>	
Роль эвфемизмов в современном политическом дискурсе.....	45
<i>Кондратенко Е.Н.</i>	
Политкорректная шутка: миф или реальность? (структурный анализ одного стендап-шоу)	52
<i>Косиченко Е. Ф., Попова Г. В.</i>	
Фразеологизмы и паремии с компонентом-онимом как отражение национальной культуры	62
<i>Лазарева Я. В.</i>	
Исследование изменений языковой способности на основе данных вербального ассоциативного эксперимента.....	70
<i>Степыкин Н. И.</i>	
Экспериментальное исследование образа цветообозначения <i>синий</i> в языковом сознании носителей русской культуры.....	80
<i>Таныгина Е. А.</i>	
Неологизмы периода пандемии COVID-19 в современной британской прессе	98
<i>Шатохина О. А.</i>	
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ.....	106
Лингводидактическое тестирование в цифровой среде как инструмент обучения и контроля формирования языковой компетенции инофонов.....	106
<i>Ковалева Т. В., Амелина И. О.</i>	
«Северных стран соловей»: о вокальной школе Генриетты Ниссен-Саломан	121
<i>Кирносова Е. Н. , Моисеева В. А., Тапия Саманьего С.</i>	
Геймификация как новая образовательная технология в современном высшем образовании	136
<i>Чеботарева И.Н., Чистилина Д.О., Лясковец А.В.</i>	
Работа над дыханием и звукообразованием с начинающими певцами	149
<i>Шенгелия С. В., Моисеева В. А.</i>	
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ.....	156
Исследование факторов, формирующих установку работников строительства на небезопасное поведение в трудовой деятельности.....	156
<i>Томаков В. И., Томакова И. А.</i>	
Особенности социальной ситуации развития ребенка при аллергическом заболевании.....	174
<i>Василенко Т.Д., Блюм А.И., Богомазов А.Д.</i>	
К сведению авторов.....	183

CONTENT

LINGUISTICS.....	8
Trends in the Use of Anthroponyms in Media Texts (on the Example of the Newspaper «Kurskaya Pravda»).....	8
<i>E. A. Bespalov, A. S. Svezhentseva</i>	
The Multifunctionality of Vestial Vocabulary in the Artistic Portrait of V.A. Gilyarovsky (based on the Autobiographical Novels "My Wanderings" and "People of the Theater").....	17
<i>T.V. Letapurs, T.M. Malykhina</i>	
Idioms and Proverbs With a Plant Component in English Language and Culture.....	29
<i>Wang Qi</i>	
Ways to Neutralize Gender Attribution of Phraseological Units (Based on Media Texts).....	37
<i>E. A. Bespalova</i>	
The role of Euphemisms in Modern Political Discourse.....	45
<i>E.N. Kondratenko</i>	
A Politically Correct Joke: Myth or Reality? (Structural Analysis of a Stand-up Comedy Show).....	52
<i>E.F. Kosichenko, G.V. Popova</i>	
Names Components as Part of Idioms and Proverbs: Language and Culture Peculiarities.....	62
<i>Yana V. Lazareva</i>	
Study of Changes in Language Ability Based on Data from a Word Association Test.....	70
<i>Nikolay I. Stepykin</i>	
The Experimental Study of the Image of Russian Color Term Blue in the Consciousness of Russian Culture Bearers.....	80
<i>Elena A. Tanygina</i>	
Neologisms of the COVID 19 Pandemic Period in the Modern British Press.....	98
<i>Olga A. Shatokhina</i>	
PEDAGOGICAL SCIENCE.....	106
Linguodidactic Testing in the Digital Environment as a Tool for Teaching and Controlling the Formation of Language Competence of Foreign Speakers.....	106
<i>Tatiana V. Kovaleva, Irina O. Amelina</i>	
«The Nordic Countries Nightingale»: about Henrietta Nissen-Saloman's Vocal School.....	121
<i>Elena N. Kirnosova, Valeria A. Moiseeva, Cecilia Tapia Samaniego</i>	
Gamification as a New Educational Technology in Modern Higher Education.....	136
<i>Irina N. Chebotareva, Daria O. Chistilina, Andrei V. Liaskovets</i>	
The Work on Breathing and Sound Formation with Aspiring Singers.....	149
<i>Svetlana V. Shengelia, Valeria A. Moiseeva</i>	
PSYCHOLOGY.....	156
Investigation of the factors forming the attitude of construction workers to unsafe behavior in work.....	156
<i>Vladimir I. Tomakov, Irina A. Tomakova</i>	
Features of the Social Situation of a Child's Development with an Allergic Disease.....	174
<i>Tatiana D. Vasilenko, Anna I. Blum, Alexey D. Bogomazov</i>	
К сведению авторов.....	183

Оригинальная статья / Original article

УДК 811.161.1

<https://doi.org/10.21869/2223-151X-2023-13-1-8-16>

Тенденции употребления антропонимов в медиатекстах (на примере газеты «Курская правда»)

Е. А. Беспалова¹ ✉, А. С. Свеженцева¹

¹Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: kbespalova@yandex.ru

Резюме

В статье рассматриваются антропонимические модели, по которым происходит именование референта в газетных текстах разных десятилетий. Цель работы – выявление тенденций употребления антропонимов в медиатекстах на основе сопоставления данных об их использовании в региональной газете «Курская правда» в различные временные периоды (1990, 2000, 2010, 2020 годы). В работе применяются такие методы исследования, как метод сплошной выборки, наблюдение над языковым материалом, систематизация, анализ, обобщение.

Анализируются особенности использования в медиатекстах однокомпонентных, двухкомпонентных и трехкомпонентных антропонимов в полной и сокращенной форме. Отмечено, что наиболее частотны второй и третий их виды, соотношение которых с течением времени меняется.

Выявлены две основные тенденции в употреблении антропонимов в газетных текстах: значительное сокращение использования трехкомпонентного антропонима, включающего инициалы и фамилию и активно использовавшегося в советской печати, и явный переход на употребление двухкомпонентного антропонима, состоящего из полного имени и фамилии, что выступает одним из проявлений демократизации языка, средством создания более современного образа референта.

Показано, что нетипичное для советской медиакультуры двухкомпонентное именование (имя и фамилия) из деловой и политической сферы со временем перешло в медийную и нашло отражение в языке курской прессы; постепенно данный способ номинации стал основным; используя данную модель антропонима, авторы публикаций участвуют в формировании концепции современного именования, транслируя складывающиеся тенденции и распространяя их в социуме.

Изучение особенностей употребления антропонимов в медиаречи вносит вклад в развитие современной антропонимики, важно в плане накопления данных об актуальном состоянии языка СМИ.

Ключевые слова: антропоним; антропонимическая модель; медиатекст; газета «Курская правда».

Конфликт интересов: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Беспалова Е. А., Свеженцева А. С. Тенденции употребления антропонимов в медиатекстах (на примере газеты «Курская правда») // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2023. Т. 13, № 1. С. 8-16. <https://doi.org/10.21869/2223-151X-2023-13-1-8-16>.

Статья поступила в редакцию 09.01.2023 Статья подписана в печать 17.02.2023

Статья опубликована 15.04.2023

© Беспалова Е.А., Свеженцева А.С., 2023

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика / Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics. 2023; 13(1): 8-16

Trends in the Use of Anthroponyms in Media Texts (on the Example of the Newspaper «Kurskaya Pravda»)

Ekaterina A. Bespalova¹ ✉, Anna S. Svezhentseva¹

¹Southwest State University
50 let Oktyabrya 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: kbespalova@yandex.ru

Abstract

The article examines the anthroponymic models by which the referent is named in newspaper texts of different decades. The purpose of the work is to identify trends in the use of anthroponyms in media texts based on a comparison of data on their use in the regional newspaper Kurskaya Pravda in various time periods (1990, 2000, 2010, 2020). The work uses such research methods as the continuous sampling method, observation of language material, systematization, analysis, generalization.

The features of the use of one-component, two-component and three-component anthroponyms in full and abbreviated form in media texts are analyzed. It is noted that the second and third types are the most frequent, the ratio of which changes over time.

Two main trends in the use of anthroponyms in newspaper texts have been identified: a significant reduction in the use of a three-component anthroponym, including initials and surname and actively used in the Soviet press, and a clear transition to the use of a two-component anthroponym, consisting of a full name and surname, which is one of the manifestations of the democratization of language, a means of creating a more modern image of the referent.

It is shown that two-component naming (first name and last name), atypical for Soviet media culture, from the business and political sphere eventually passed into the media and was reflected in the language of the Kursk press; gradually this method of nomination became the main one; using this model of anthroponym, the authors of publications participate in the formation of the concept of modern naming, broadcasting emerging trends and spreading them in society.

The study of the peculiarities of the use of anthroponyms in the media language contributes to the development of modern anthroponymy, it is important in terms of accumulating data on the current state of the media language.

Keywords: anthroponym; anthroponymic model; media text; Kurskaya Pravda newspaper.

Conflict of interest: The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Bespalova E. A., Svezhentseva A. S. Trends in the Use of Anthroponyms in Media Texts (on the Example of the Newspaper «Kurskaya Pravda»). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*. 2023, 13(1): 8–16. (In Russ.). <https://doi.org/10.21869/2223-151X-2023-13-1-8-16>.

Received 09.01.2023

Accepted 17.02.2023

Published 15.04.2023

Введение

Язык СМИ в целом отражает господствующую в обществе идеологию, является одним из средств формирования общественного мнения, представлений о происходящих событиях и их участниках. Частично такие представления складываются посредством определенного именования действующих лиц. Проблемы антропонимики выступают неотъемлемым компонентом «языковой картины мира» [1, с. 3], рассмотрение их на материале медиатекстов позволяет выявить

общезыковые тенденции, что обуславливает актуальность данной работы.

Форма употребления антропонима является одним из характерных средств подачи газетного материала, влияющим на стилистику публикации и создание имиджа издания в целом. Она может меняться под воздействием общих языковых процессов [2; 3; 4] и общественных преобразований.

Для публицистической сферы свойственно использование русского антропонимического трехчлена «фамилия –

имя – отчество», который «функционирует в нескольких видах (однокомпонентном, двухкомпонентном, трехкомпонентном), допускает многочисленные варианты» [5]. Сопутствующие антропонимам компоненты, уточняющие именование референта, получают в исследованиях различные наименования: «слова-сопроводители» (О. А. Давыдова [5], вслед за ней – другие исследователи: Э. А. Каминская [6], Н. Г. Рогозинникова [7]), «дескриптивные указатели» (Л. А. Артемова [8]); к ним относят названия должностей, социальных ролей и статуса, профессиональной принадлежности и т.п.

Целью данной работы является выявление тенденций употребления антропонимов в медиатекстах на основе сопоставления данных об их использовании в областной газете «Курская правда» в разные временные периоды.

Эмпирическим материалом для проведения данного исследования послужили публикации (собственно журналистские тексты) региональной общественно-политической газеты «Курская правда», составляющие содержание отдельных номеров за 1990 г. (№ 244), 2000 г. (№ 143), 2010 г. (№ 115) и 2020 г. (№ 75), из которых методом сплошной выборки были отобраны использованные в них антропонимы (более 400 словоупотреблений).

Результаты и обсуждение

Анализ выпуска № 244 за 1990 г.

Номер [9] был подготовлен и опубликован еще во время существования Советского Союза, т.е. относится к советскому периоду развития отечественной журналистики, отражает его реалии, что в полной мере проявляется в его содержании.

В данном выпуске наиболее широко представлена антропонимическая модель, включающая инициалы и фамилию (т.е. трехкомпонентный антропоним с сокращением имени и отчества). Сюда относятся многочисленные наименования офи-

циальных лиц с указанием занимаемой должности: это представители власти как на общероссийском уровне (Президент СССР М. С. Горбачев, Председатель Верховного Совета СССР А. И. Лукьянов, Председатель Совета министров СССР Н. И. Рыжков, первый заместитель Председателя Верховного Совета РСФСР Р. И. Хасбулатов, министр печати и массовой информации РСФСР М. Н. Полторанин, министр РСФСР по связям, информатике и космосу В. Б. Булгак и др.), так и на региональном (председатель Золотухинского райисполкома И. В. Карнаухих, председатель Курского горисполкома А. В. Дегтярев, председатель областного Совета народных депутатов А. И. Селезнев, председатель исполкома Дмитриевского сельсовета Е. А. Танков и др.). По данной антропонимической модели построены именованья различных руководящих работников (начальник Фатежского районного отдела статистики Л. В. Шульгина, директор средней школы № 38 г. Курска Г. Т. Евдокимова, директор филармонии И. Н. Барбашин, начальник областного управления культуры П. И. Надеин, главный художник Курского областного театра кукол А. Я. Семенович и др.) и рядовых граждан (квалифицированный молодой специалист О. А. Столяров, пилот-инструктор В. Е. Коротынский, солистка хора народного ансамбля песни и танца Л. А. Балахнина, бригадир Е. Н. Третьяков, пахари колхоза Е. А. Чуйков, А. Я. Брусенцов, курянка В. Н. Зиновьева и др.). Такая подача антропонима характерна для информационных материалов.

В аналитических статьях и очерках используется следующий прием: после введения в текст трехкомпонентного антропонима (инициалы, фамилия) далее в тексте используются другие формы номинации референта, в частности, собственно русский вариант именования по имени и отчеству: И. В. Селиванов – Игорь Владимирович, Л. В. Винцкевич – Леонид Владиславович, И. С. Алешина –

Ирина Сергеевна, Е. Н. Третьяков – Евгений Николаевич, Е. И. Андреев – Евгений Иванович.

Трехкомпонентные антропонимы, содержащие полные имена, отчества и фамилии, встречаются достаточно редко, в основном, когда речь идет о какой-либо житейской ситуации, трудовой деятельности жителей области (строитель колхоза Иван Федорович Жегулин, бригадир моторного цеха Владимир Акимович Быстров), при этом возможна вариация с обратным расположением компонентов (Шамрай Артем Романович).

В некоторых публикациях представлены многообразные варианты именования одного и того же референта: лесник Александр Петрович Харченко – А. П. Харченко – Александр Петрович – Харченко.

Помимо названной модели двухкомпонентного антропонима «имя + отчество», в материалах газеты представлен вариант «имя + фамилия», при этом частотнее в выпуске 1990 г. вариант с инициалом имени. Такая модель используется для именования курских журналистов – авторов публикаций (Л. Гаврилова, В. Боровиков, В. Бартенев, Т. Грива; фото Н. Шахова, В. Лобова); при этом показательно, что в публикуемом материале ТАСС используется двухкомпонентная модель антропонима (Максим Князьков, Владислав Леганцов, Николай Семененко; такой же формат подписи использовала курская журналистка Тамара Антипенко), на него позже перейдет большинство курских журналистов, в чем отразится тенденция времени. Употребляется данная модель в неофициальной ситуации для номинации людей творческих профессий (вокалистка Н. Пикуль, пианист В. Хмелевской, эстрадно-цирковая группа Г. Чебанова, артист опереточного жанра Ю. Бурых) и различных специальностей (рабочий В. Киселев, токарь АПЗ-20 А. Денисов), представителей молодежи (студенты А. Праведников, Е. Колесникова, Н. Струнина; учащийся СПТУ-13 В. Королев).

Модель «имя + фамилия» в публикациях 1990 г. малочастотна. Помимо номинации журналистов, она встречается только при упоминании курянина Серафима Саровского и при описании международного положения (иранский посол Хусейн Ала, лидер Наваз Шариф, бывший премьер-министр Беназир Бхутто, президент Ирака Саддам Хусейн, министр иностранных дел Тарик Азиз), что подчеркивает ее нетипичность для советской медиакультуры.

Употребление однокомпонентного антропонима – фамилии встречается редко, может быть обусловлено сухим изложением фактов (депутат Ковалев) или связано с отрицательной оценкой референта (при описании преступления фигурируют Журавлев, Фомичев, Мосолов). Также с данным номере газеты наблюдаем использование сопроводителя т. (товарищ), на тот момент уже выходящего из употребления (т. Парфенов, т. Сидоров). Антропоним-имя встречается единожды в религиозном контексте (ректор духовного училища игумен Иоанн).

Анализ выпуска № 143 за 2000 г.

Данный номер газеты [10] создан уже в новых российских условиях. В 2000 г. наблюдаем перераспределение соотношения между антропонимами разных типов: на первый план (еще не так значительно, как в более поздних выпусках газеты) выходят двухкомпонентные антропонимы.

Официальные лица по-прежнему именуются посредством использования трехкомпонентного антропонима с инициалами: губернатор А. В. Руцкой, глава г. Курска С. И. Мальцев, глава города Курчатова В. М. Михальчев, глава сельсовета И. П. Лепин, председатель «Рассвета» Г. В. Апальков, председатель «Сельских зорь» А. Г. Яковлев, начальник ГК УФПС В. И. Вырожемский, председатель акционерного общества «Победа» С. В. Григоров и т.д. Однако начинают встречаться примеры именования официальных лиц антропонимом из двух

компонентов – с инициалом имени (премьер-министр М. Касьянов, Г. Греф, губернатор Курской области А. Руцкой) и полным именем (единичный случай Герман Греф).

В целом модель антропонима из двух компонентов становится более популярной, но употребляется чаще в отношении неофициальных лиц. Модель «имя (инициал) + фамилия» употребляется при указании авторства публикации (Н. Уткин, О. Локтева, Н. Терентьев, И. Зиборов, И. Салтык, В. Бессарабов, В. Савенков, А. Ошеров; фото А. Шмакова, В. Викторова, В. Сахн-Вальда), при перечислении учеников тренера (воспитанники А. Палагушин, Ю. Светенкова, Е. Волкова, А. Ситников). Некоторые курские журналисты используют полный вариант имени (Тамара Грива, Вадим Белый, главный редактор Евгений Котяев). Другие примеры употребления двухкомпонентного полного антропонима связаны с неофициальными лицами, в частности, со спортсменами (спортивный инструктор Владимир Епин, Евгений Борзыкин, Андрей Рязанцев, Денис Кондаков, Роман Щепихин, новобранец «Авангарда» Владимир Мельник, легкоатлет Павел Потапович), с молодыми людьми (15-летний Сергей Балакин, Антон Погребельный); среди них нет наименований политиков, но есть руководители организаций (директор Курского филиала компании «Межрегионгаз» Владимир Кострикин, генеральный директор АО «Русь» Александр Локтионов).

Русский вариант антропонима («имя + отчество») встречается при последующем введении в текст после официального именовании: губернатор А. В. Руцкой – Александр Владимирович, главный бухгалтер АО «Беловское» Т. В. Бабичева – Таисия Васильевна, Герой Советского Союза Н. Е. Ашурков – Никита Егорович, заместитель министра образования РФ В. А. Болотов – Виктор Александрович, председатель А. Г. Яковлев – Анатолий Григорьевич, начальник Черемисинов-

ской станции по борьбе с болезнями животных Ю. Н. Коровяков – Юрий Николаевич; такой вариант обычно используется в интервью, очерке или проблемной статье.

Трехкомпонентный вариант русского антропонима без сокращений встречается достаточно редко, в текстах жанров, требующих полно представить референта: в прошлом шофер пятитонки Белосова Раиса Николаевна (письмо от лица читательницы), начальник отдела краткосрочных операций и расчетов Курского филиала Банка Москвы Светлана Евгеньевна Похомова (во вступительной части перед интервью), ректор РОСИ Владимир Николаевич Петров (реплика в интервью), заведующая молочнотоварной фермой Зоя Алексеевна Извекова (портретный очерк), депутат Государственной Думы Александр Николаевич Михайлов (текст благодарности).

Использование в анализируемом номере газеты однокомпонентных антропонимов-фамилий (Подольяк, Борзыкин, Гершун, Щепихин, Зидан, Клойверт, Рогачев, Лукошкин) и имени (Павел) обусловлено тематически и жанрово: это происходит в публикации репортажной спортивной стилистики.

Анализ выпуска № 115 за 2010 г.

Номер газеты 2010 г. [11] демонстрирует главную тенденцию – антропонимическая модель «имя + фамилия» теперь используется для именовании официальных лиц как на государственном, так и на региональном уровнях: Дмитрий Медведев, Александр Лукашенко, президент Польши Ляех Качиньский, премьер Владимир Путин, заместитель Председателя Правительства РФ Виктор Зубков, министр сельского хозяйства России Елена Скрынник, министр финансов России Алексей Кудрин; полпред в Южном округе, в Северо-Кавказском Дмитрий Козак, Александр Хлопонин; губернатор Санкт-Петербурга Валентина Матвиенко, спикер Совета Федерации Сергей Миронов, губернатор Курской области Алек-

сандр Михайлов, губернатор Воронежской области Алексей Гордеев, председатель областной Думы Александр Кичигин и т.д. Полный двухкомпонентный антропоним употребляется как для номинации лиц руководящих должностей самой разной направленности (глава Газпрома Алексей Миллер, президент Торгово-промышленной палаты Евгений Примаков, ректор МГУ Виктор Садовничий, генеральный прокурор Юрий Чайка, председатель Избирательной комиссии области Галина Заика), политических деятелей (лидер КПРФ Геннадий Зюганов, лидер ЛДРП Владимир Жириновский, «единоросс» Олег Морозов, депутат Госдумы Алексей Волков), так и для именованья людей разных сфер деятельности (священник Олег Чебанов, вратарь Илья Ильин, главный тренер «Авангарда» Александр Игнатенко, судья Надежда Наумова, адвокат Андрей Косенков, авиационный эксперт Эдмунд Клих, поэтесса Лидия Шелест, художница Елена Широких, искусствовед Луиза Каркавцева, пианист Георгий Войлочников и т.д.), в том числе без указания рода деятельности (курянин Николай Изюмченко, житель села Тарасово Медвенского района Алексей Самсонов).

Показательно, что двухкомпонентная модель начинает употребляться в отношении педагогов (ранее традиционно именуемых по «имени-отчеству»): преподаватель русского языка и литературы курского педагогического колледжа Виктория Григорьева, система Леонида Занкова, учительница русского языка и литературы в Медвенском районе Валентина Коршикова, Ольга Лисенкова, учитель английского и немецкого языков Зоринской средней школы Елена Иванникова, учитель Вадим Шеховцов). Анализируемый выпуск газеты хронологически связан с Днем учителя; в текстах публикаций, помимо нового варианта «имя + фамилия» находим и другие формы именованья: по имени и отчеству (Виктория Михайловна, Елена Сергеевна, Валенти-

на Дмитриевна, Вадим Михайлович), по имени (Ольга), по фамилии (Шеховцов).

Кроме того, обращает на себя внимание использование исключительно двухкомпонентной модели антропонима при указании автора публикации: Наталья Гладилина, Сергей Цветков, Юрий Моргунов, Тамара Антипенко, Моисей Дворецкий, Екатерина Машошина.

Немногочисленны примеры употребления других видов антропонимов. Встречаются трехкомпонентные антропонимы как с инициалами (префект ЮАО г. Москвы Г. В. Смолеевский), так и в полной форме (Герой Советского Союза Моисей Лейвикович Спивак, народный художник РФ Василий Иванович Ерофеев), двухкомпонентные с инициалами (А. Корелли, В. Моцарт, Д. Фостер, П. Маккартни), антропонимы из одного компонента – фамилии (рассказы Чехова и Зощенко, Кудрин, Лужков) или имени (при описании семейной ситуации – Юрий, Евгений).

В разделе криминальной хроники активизируются антропонимы специфической модели – «с инициальными аббревиатурами или сокращенными вариантами имени» [8, с. 66], в нашем случае это сокращение фамилии до первой буквы: Д., 20-летний В., 24-летний М., 22-летний К., покупательница Л.

Анализ выпуска № 75 за 2020 г.

Последний из рассматриваемых выпусков газеты [12] утверждает отмеченную выше тенденцию: двухкомпонентная модель антропонима является теперь однозначно приоритетной и становится уже привычной: около 70 % именованья построены по ней. Так именуется большинство референтов: глава региона Роман Старовойт, заместитель губернатора Юрий Князев, мэр Виктор Карамышев, председатель Курского городского собрания Алла Чертова, главный врач больницы Дмитрий Поляков, протоиерей Александр Ткаченко, депутат Госдумы РФ Татьяна Воронина, курянки Виолетта Соловьева и Мария Егорова и т.д.

Трехкомпонентные антропонимы становятся редкими: пример употребления с инициалами находим лишь в тексте документов (постановление и распоряжение подписывает Р. В. Старовойт) и в названии больницы (имени Н. А. Семашко), полный вариант – при упоминании героев и участников войны (Герой Советского Союза Михаил Алексеевич Булатов, Федосья Николаевна Кононова).

Малочисленны антропонимы из одного компонента-фамилии (Воронина,

Эльмурзаев, Максимов), имена отдельно не встречаются.

В разделе криминальной хроники (так же, как и в номере 2010 г.) используется вариант сокращения фамилии до одной буквы: соучастники преступления Б., Д.

Проведенный анализ употребления антропонимов в газетных текстах разных временных периодов позволяет сравнить полученные данные (табл. 1.) для их обобщения и систематизации.

Таблица 1. Процентное соотношение антропонимов разных видов в публикациях газеты «Курская правда»

Table 1. The percentage of anthroponyms of different types in the publications of the newspaper «Kurskaya Pravda»

Год выпуска	Антропоним из одного компонента		Антропоним из двух компонентов			Антропоним из трех компонентов	
	фамилия	имя	имя, фамилия	инициал (имя), фамилия	имя, отчество	имя, отчество (второе имя), фамилия	инициалы, фамилия
1990	11	1	12	27	10	7	32
2000	17	5	14	25	16	4	19
2010	13	6	46	7	20	6	2
2020	15	-	68	8	1	3	5

Выводы

Сопоставление данных позволяет выявить две отчетливые тенденции в употреблении антропонимов в медиатекстах: (1) значительное сокращение использования трехкомпонентного антропонима, включающего инициалы и фамилию и активно использовавшегося в советской печати (*М. С. Горбачев, Р. И. Хасбулатов, А. И. Селезнев*), и (2) явный переход на употребление двухкомпонентного антропонима, состоящего из полного имени и фамилии, произошедший, вероятно, под влиянием практики зарубежных СМИ и выступающий одним из проявлений демократизации языка, средством создания «более популярного, демократического образа» референта [13,

с. 55] (*Дмитрий Медведев, Александр Михайлов, Роман Старовойт*).

«Наиболее информативная форма» русского антропонима [5] – фамилия – отдельно употребляется реже других вариантов. Более популярна трехкомпонентная модель с использованием инициалов (такой вариант был наиболее частотным в выпуске «Курской правды» 1990 г.) или полным именем и отчеством.

Двухкомпонентное именование (полное имя и фамилия), нетипичное для советской медиаккультуры, начало распространяться в России «в деловых и политических кругах» в 1990-е годы (ранее встречалось только в артистической среде) [14]. Постепенно этот процесс нашел отражение в языке СМИ, в частности, в региональной прессе, и со временем данный способ номинации стал основным.

Используя данную модель антропонима, авторы медиатекстов участвуют в формировании концепции современного именования, транслируя складывающиеся тенденции и распространяя их в социуме.

Слова-сопроводители антропонимов, именующих официальных лиц, позволяют на вербальном уровне проследить изменения в обозначении их должностей и

статуса – от советского до современного периода.

Формы подачи антропонимов в газете «Курская правда» меняются на протяжении времени, что отражает общеязыковые тенденции, позволяет официальной газете Курской области идти в ногу со временем, избирая адекватные современным коммуникативным условиям средства организации медиатекста.

Список литературы

1. Шеминова Н. В. Особенности функционирования антропонимов в современной испанской прессе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2006. 24 с.
2. Степыкин Н. И. Способы структурно-содержательного моделирования лингвокультурного концепта: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2011. 24 с.
3. Степыкин Н. И. Потенциал применения формализованных параметров для моделирования речевого действия // Научный диалог. 2021. № 8. С. 112-127. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-8-112-127>.
4. Попова Г. В. Система ценностных характеристик современного любовного романа // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2014. № 4. С. 29-37.
5. Давыдова О. А. Антропонимы на страницах современной публицистики. URL: http://gramota.ru/biblio/magazines/gramota/kultura/28_78.
6. Каминская Э. А. Антропонимы на страницах современной прессы // Актуальные проблемы культуры современной русской речи: материалы XV Всероссийской научной конференции с международным участием. Армавир, 2021. С. 76-81.
7. Рогозинникова Н. Г. Антропонимическая формула и ее стилистические функции в СМИ // Иностранные языки в Узбекистане. 2019. № 6(29). С. 63-77.
8. Артемова Л. А. Особенности функционирования антропонимов в газетных текстах различных жанров (на примере немецкой прессы) // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2007. № 2, (ч. 2). С. 66-74.
9. Курская правда. № 244 (20624). 24 октября 1990 г.
10. Курская правда. № 143 (22757). 6 июля 2000 г.
11. Курская правда. № 115 (25072). 5 октября 2010 г.
12. Курская правда. № 75 (26593). 23 июня 2020 г.
13. Зыкова И. В. Способы конструирования гендера в английской фразеологии. М.: Едиториал УРСС, 2003. 232 с.
14. Антропонимика // Энциклопедия «Кругосвет». URL: https://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/.

References

1. Sheminova N. V. *Osobennosti funkcionirovaniya antroponimov v sovremennoj ispanской presse*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [Features of the functioning of anthroponyms in the modern Spanish press. Cand. philol. sci. abstract diss.]. Voronezh, 2006. 24 p.
2. Stepykin N. I. *Sposoby strukturno-soderzhatel'nogo modelirovaniya lingvokul'turnogo koncepta*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [Methods of structural and content modeling of a linguocultural concept. Cand. philol. sci. abstract diss.]. Moscow, 2011. 24 p.

3. Stepykin N. I. Potencial primeneniya formalizovannykh parametrov dlya modelirovaniya rechevogo dejstviya [The potential of using formalized parameters for modeling speech action]. *Nauchnyj dialog = Scientific Dialogue*, 2021, no. 8, pp. 112-127. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-8-112-127>.
4. Popova G. V. Sistema cennostnykh harakteristik sovremennogo lyubovnogo romana [The system of value characteristics of a modern love novel]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*, 2014, no. 4, pp. 29-37.
5. Davydova O. A. Antroponimy na stranicah sovremennoj publicistiki [Anthroponyms on the pages of modern journalism]. Available at: http://gramota.ru/biblio/magazines/gramota/kultura/28_78.
6. Kaminskaya E. A. [Anthroponyms on the pages of the modern press]. *Aktual'nye problemy kul'tury sovremennoj russkoj rech. Materialy XV Vserossijskoj nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem* [Actual problems of culture of modern Russian speech. Materials of the XV All-Russian Scientific Conference with international participation]. Armavir, 2021, pp. 76-81 (In Russ.).
7. Rogozinnikova N. G. Antroponimicheskaya formula i ee stilisticheskie funkicii v SMI [The anthroponymic formula and its stylistic functions in the media]. *Inostrannye yazyki v Uzbekistane = Foreign Languages in Uzbekistan*, 2019, no. 6(29), pp. 63-77.
8. Artemova L. A. Osobennosti funkcionirovaniya antroponimov v gazetnykh tekstah razlichnykh zhanrov (na primere nemeckoj pressy) [Features of the functioning of anthroponyms in newspaper texts of various genres (using the example of the German press)]. *Vestnik VGU. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya = Bulletin of the VSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2007, no. 2, pt. 2, pp. 66-74.
9. *Kurskaya pravda*, no. 244 (20624). 24 oktyabrya 1990 g.
10. *Kurskaya pravda*, no. 143 (22757). 6 iyulya 2000 g.
11. *Kurskaya pravda*, no. 115 (25072). 5 oktyabrya 2010 g.
12. *Kurskaya pravda*, no. 75 (26593). 23 iyunya 2020 g.
13. Zyкова I. V. Sposoby konstruirovaniya gendera v anglijskoj frazeologii [Ways of constructing gender in English phraseology]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2003. 232 p.
14. Antroponimika [Anthroponymy]. Enciklopediya "Krugosvet" [Encyclopedia "Circumnavigation"]. Available at: https://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/.

Информация об авторах / Information about the Authors

Беспалова Екатерина Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: kbespalova@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-7218-0635, Researcher ID: ABG-7397-2021

Ekaterina A. Bespalova, Cand. of Sci. (Philological), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: kbespalova@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-7218-0635, Researcher ID: ABG-7397-2021

Свеженцева Анна Сергеевна, студент кафедры теоретической и прикладной лингвистики, Юго-Западный государственный университет, Курск, Российская Федерация, e-mail: pushistaayaanka@yandex.ru

Anna S. Svezhentseva, Student of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: pushistaayaanka@yandex.ru

Оригинальная статья / Original article

УДК 81'373

<https://doi.org/10.21869/2223-151X-2023-13-1-17-28>**Многофункциональность вестияльной лексики в художественном портрете В.А. Гиляровского (на материале автобиографических повестей «Мои скитания» и «Люди театра»)**Т.В. Летапурс¹ ✉, Т.М. Малихина²

¹Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

²Курский государственный университет
ул. Радищева, д. 33, г. Курск 305001, Российская Федерация

✉ e-mail: e-mail: lietaurs@mail.ru

Резюме

Журналистское наследие В.А. Гиляровского изучено достаточно подробно, в меньшей мере внимание ученых было приковано к его автобиографической прозе – повестям «Мои скитания» и «Люди театра», авторской манере, выражению индивидуального видения мира и человека. В статье рассматриваются языковые и стилистические особенности портрета В.А. Гиляровского и выявляется своеобразие вестияльной лексики, ее функции в описании внешности героев разных социальных слоев.

Цель исследования – изучить тематику и проблематику автобиографической прозы, провести лингвистический анализ портретных описаний в повестях «Мои скитания» и выявить специфику и функции вестияльной лексики.

В исследовании акцент был сделан на осмысление особенностей стиля писателя, специфики его портретов, этнолингвистический и этимологический аспект лексики одежды.

В результате анализа выявлено, что в автобиографической прозе В.А. Гиляровского основной вид портрета – социально-исторический, описательно-бытовой. Исходя из художественных задач, писатель не стремится к постижению психологии героев или их редкой индивидуальности. Авторский комментарий в портрете отсутствует. Принципы внешнего изображения становятся основополагающими. «Мужское» видение окружающих людей ведет к отсутствию положительной или отрицательной экспрессии, экзальтации чувств или сентиментальности. Гражданский мундир, сюртук, фрак, ливрея в портретах имеют не только описательную функцию, «визуализируя» героя, но и выявляют должность героя, определяют его личностное отношение к собственному положению в обществе. Мундир, шинель, фуражки, сапоги представляют форменную одежду, где определения подчеркивают материал, знаки отличия, фасон и детали одежды; награды. Данная лексика также носит исторический и архаический характер, позволяя читателю представлять особенности костюма XIX века, погрузиться в мир, интересный, неизвестный, подчас патриархальный, что способствует пониманию среды, ее иерархичности и в то же время живописной разнообразности.

Женские портреты с вестияльной лексикой единичны; они выполняют описательную функцию, функцию социальной характеристики. Законодательное предписание в ношении служебного и партияльного платья соблюдается лицами официальными, служащими героями.

На изменение моды, связанной не только с эстетическими, но и идейно-политическими воззрениями революционной молодежи, с ее стремлением к демократизации облика, указывает портрет ссыльных, в котором преобладает лексика народной одежды, в частности, облика городских рабочих. Вместе с тем аксессуары подчеркивают «субкультуру» нигилистов.

Ключевые слова: художественный портрет; вестияльная лексика; жанрово-стилевые особенности; специфика и функции вестияльной лексики в художественном тексте.

Конфликт интересов: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Летапурс Т.В., Малихина Т.М. Многофункциональность вестияльной лексики в художественном портрете В.А. Гиляровского (на материале автобиографических повестей «Мои скитания» и «Люди театра») // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2023. Т. 13, № 1. С. 17-28. <https://doi.org/10.21869/2223-151X-2023-13-1-17-28>.

Статья поступила в редакцию 27.12.2022 Статья подписана в печать 08.02.2023

Статья опубликована 15.04.2023

© Летапурс Т.В., Малихина Т.М., 2023

The Multifunctionality of Vestial Vocabulary in the Artistic Portrait of V.A. Gilyarovsky (based on the Autobiographical Novels "My Wanderings" and "People of the Theater")

Tat'yana V. Letapurs¹ ✉, Tat'yana M. Malykhina²

¹Southwest State University
50 let Oktyabrya 94, Kursk 305040, Russian Federation

²Kursk State University
33, Radishcheva Str., Kursk 305001, Russian Federation

✉ e-mail: lietaurs@mail.ru

Abstract

The journalistic legacy of V.A. Gilyarovsky has been studied in sufficient detail, to a lesser extent, the attention of scientists was riveted to his autobiographical prose - the stories "My Wanderings" and "People of the Theater", the author's manner, the expression of an individual vision of the world and man. The article deals with the linguistic and stylistic features of the portrait of V.A. Gilyarovsky and reveals the originality of the vestial vocabulary, its function in describing the appearance of heroes of different social strata.

The purpose of the study is to study the themes and problems of autobiographical prose, to carry out a linguistic analysis of portrait descriptions in the stories "My Wanderings" and to identify the specifics and functions of the vestial vocabulary. In the study, the emphasis was placed on understanding the features of the writer's style, the specifics of his portraits, the ethnolinguistic and etymological aspect of the clothing vocabulary.

As a result of the analysis, it was revealed that in the autobiographical prose of V.A. Gilyarovsky, the main type of portrait is socio-historical, descriptive and everyday. Based on artistic tasks, the writer does not strive to comprehend the psychology of the characters or their rare individuality. There is no author's commentary in the portrait. The principles of the external image become fundamental. The "masculine" vision of the surrounding people leads to a lack of positive or negative expression, exaltation of feelings or sentimentality.

Civil uniform, frock coat, tailcoat, livery in portraits have not only a descriptive function, "visualizing" the hero, but also reveal the position of the hero, determine his personal attitude to his own position in society. Uniform, overcoat, caps, boots represent uniforms, where the definitions emphasize the material, insignia, style and details of clothing; awards. This vocabulary is also of a historical and archaic nature, allowing the reader to imagine the features of the costume of the 19th century, to immerse themselves in an interesting, unknown, sometimes patriarchal world, which contributes to understanding the environment, its hierarchy and, at the same time, picturesque diversity.

Female portraits with vestial vocabulary are rare; they perform a descriptive function, a function of social characterization. The legal requirement to wear official and particular dress is observed by officials who serve as heroes.

The change in fashion, associated not only with the aesthetic, but also with the ideological and political views of the revolutionary youth, their desire to democratize their appearance, is shown by the portrait of the exiles, where the vocabulary of folk clothes, in particular, the appearance of urban workers, prevails. At the same time, accessories emphasize the "subculture" of nihilists.

Keywords: artistic portrait; vestial vocabulary; genre and style features; specifics and functions of vestial vocabulary in a literary text.

Conflict of interest: The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Letapurs T.V., Malykhina T.M. The Multifunctionality of Vestial Vocabulary in the Artistic Portrait of V.A. Gilyarovsky (based on the Autobiographical Novels "My Wanderings" and "People of the Theater"). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*. 2023, 13(1): 17–28 (In Russ.). <https://doi.org/10.21869/2223-151X-2023-13-1-17-28>.

Received 27.12.2022

Accepted 08.02.2023

Published 15.04.2023

Введение

Отечественная критика в силу многих причин, в большей степени политических, идеологических, оказалась весь-

ма несправедлива ко многим писателям XIX века, поместив их в третьеразрядные авторы, увлекшись творчеством гениев или весьма скандальных фигур. И если

В.А. Гиляровский заслуженно стал называться одним из родоначальников новой журналистики, то его автобиографические книги остались в тени произведений М. Горького и других писателей «стыка» веков, с которыми его роднила тема босячества и скитаний. Безусловно, о В.А. Гиляровском писали в советскую эпоху [1, 2, 3, 4], к последним юбилеям появились новые российские исследования о его творчестве [5-11], но, наш взгляд, книги замечательного писателя вполне заслуживают более пристального внимания и углубленного анализа не только с литературоведческой, но и с языковой, и стилистической точки зрения.

Художественный портрет в русской классической прозе XIX века, как и в русской живописи, в разных жанрах – от рассказа, новеллы до романа-эпопеи – достиг невиданных высот. Это связано прежде всего с методом критического реализма, который чрезвычайно расширил рамки изображения человеческой личности, стремясь к многостороннему ее освещению, постижению сложного переплетения внутренних и внешних факторов ее формирования, «диалектики души», выявлению типических черт человека, носителя образа мышления определенной среды или национального сознания в целом.

Классификация портрета в литературоведении соединяет особенности содержания характеристики внешности героя, особенности формы воплощения и роль описания в художественном целом текста.

Портрет писателей второй половины XIX века включает все виды: описательно-живописный, описательно-бытовой, социально-исторический, социально-психологический, натуралистический, импрессионистский, символический. Причем в портрет входит использование различных приемов: детализации, авторской характеристики, самопрезентации героя, противо-

поставления, контраста, динамики или статики, пространственно-временного состояния и многих других.

Тип героя нагляднее всего проявляется в костюмах героев, в деталях гардероба, аксессуарах, что позволяет читателю понимать особенности эпохи, определенного исторического периода, специфику образа жизни, быта, труда, отдыха, а также моды, эстетических предпочтений, религиозных воззрений, морально-этических ценностей. В случае ярко выраженной неповторимости, подчеркивания индивидуальности героя портрет становится акцентацией черт «белой вороны», выделением в портрете редкого, своеобразного, уникального.

Повести «Мои скитания» и «Люди театра» тесно связаны: в центре – судьба одного героя, открывающего жизнь России, ее народа, высших сословий, познающего труд, взаимоотношения людей, их мораль, культуру, язык. При этом его хождение в народ, в российскую армию, а потом в искусство сопряжено с взрослением, становлением личности, постижением смысла бытия русского и нерусского человека. Многообразный и колоритный мир героев книг В.А. Гиляровского невозможно представить в одной статье, поэтому автобиографическим повестям писателя мы посвятили три статьи, в каждой из которых дано исследование лексики того или иного портрета, который тематически условно определен как портрет бытовой, официальный, армейский, театральный, портрет людей социальных низов.

Море человеческих характеров народной среды, в которое окунулся сбегавший из дома вчерашний гимназист, осмыслено автобиографическим героем с впечатлительностью, не замутненной привычкой, с любопытством молодости, жадностью познания незнакомой жизни и поведения людей. Отсюда его пейзажи, портреты, интерьеры, описания вещей,

детализация столь ярки, выразительны, индивидуальны. Внутренняя душевная чистота и до определенного времени наивность не позволили создать строгую социально-обличительную контрастную картину, которая отразилась бы в языке средствами идеологической антонимии, отрицательной оценочной лексики и другими средствами противопоставления, чем грешили многие его современники.

Портреты Гиляровского в силу тематики произведений носят социально-исторический и описательно-бытовой, подчас натуралистический характер, но, воплощая его стремление к лаконизму, обладают поразительной сущностной характеристикой, которая всегда соответствует его художественным задачам создания характера и ситуации. Писателя никогда нельзя упрекнуть в излишестве, «украшательстве», отсутствии вкуса, крайней эстетизации или наоборот – антиэстетизации, хотя и страшного, и ужасного, и безобразного в его текстах предостаточно.

Если соматическая лексика в портрете не отражает историческую специфику, поскольку человеческое тело не подвергается эволюционным изменениям, то лексика вестигальная, напрямую связанная с конкретным временем, явлениями национального образа жизни, культуры, моды, эстетическими идеалами, проявлением индивидуальности личности, может становиться исторической и архаичной. Рассмотрим вестигальную лексику и ее функциональную роль в художественных портретах В.А. Гиляровского из автобиографических повестей, поставив своей целью осмысление специфики портрета, его языка, и в частности лексики одежды.

Результаты и обсуждение

Детство Володи Гиляровского может быть соотнесено с детством другого мальчика – Васи, сына судьбы из рассказа В.Г. Короленко «Дети подземелья» [12], который о своем автобиографическом герое замечает, что он, несмотря на при-

надлежность к приличному обществу, все время проводил на улице с детьми бедноты. Тесное знакомство с жизнью народа не просто расширило границы опыта, но позволило глубоко впитать язык, культуру, моральные ценности, словом, русское национальное миропонимание.

Володя рос в далекой и глухой российской провинции, суровой Вологде, ставшей местом ссылки и для народников, и всех новоявленных революционеров, в большей степени представителей русского студенчества. Но пока он не стал понимать воззрения молодого поколения семьи, его воспитанием занимались дед, мать, вскоре умершая, отец, мачеха и ее сестры. Новая родня была аристократическая, а посему первые детские впечатления мальчика, привыкшего к воле усадьбы, лесов и полей, были связаны со строгим этикетом и «муштрой» тетушек, которым претила «неотесанность» Володи.

Крепостные отношения ушли, а уклад остался. Именно мальчик видит, как пожилой слуга воплощает его в жизнь: «За столом прислуживал бывший крепостной, одновременно и повар, и столовый лакей, плешивый Афрах. Какое это имя и было ли у него другое, я не знаю. В кухне его звали Афрахий Петрович. Афрах, стройный, с седыми баками, в коломенковой ливрее, чистый и выложенный, никогда ни слова не говорил за столом... Я не заметил, как бесшумный Афрах стал убирать тарелки, и его рука в нитяной перчатке уже потянулась за мной...» [13, с. 23].

Любители чтения вспомнят, что такое ливрея, а вот, что такое коломенковая, – вряд ли, тем более что в русском языке это слово имеет несколько форм правописания.

Итак, значение слова «ливрея»:

– ливрея, и.ж. Одежда с галунами и шитьем для швейцаров, лакеев, кучеров. Лакей (в ливрее); [прил. ливрейный, ая, ое [14, с. 326];

– ливрея – одежда, которая в XV в. во Франции выдавалась чиновникам из казны для торжественных случаев; одежда челяди, выдержанная в геральдических цветах господина. Со временем название стало применяться к одежде особого покроя на пуговицах, обшитой галуном, для швейцаров, лакеев и пр. [15, с. 205];

– ливрея (франц. *livree*) – форменная одежда швейцаров, лакеев, обслуживающего персонала; обычно отделана галунами. В средние века эту одежду делали из материалов геральдических цветов; она состояла из фрачного пиджака, брюк до колен, чулок и туфель. Л. носили также солдаты до того, как была введена униформа в современном ее понимании; цвет солдатской Л. соответствовал цвету одежды командира военного подразделения [16].

М. Фасмер возводит это название к французскому слову *livree* и указывает его первоначальное значение – ‘выдаваемая государством и высшим дворянством одежда для свиты’, от *livrer* ‘выдавать’, латин. *liberare* ‘освобождать, отпускать, выдавать’ [17, с. 492–494].

В доме Разнатовских традиция одевать слуг в специальную одежду не была связана с их особым тщеславием. Уместно будет вспомнить тот факт, что в «Уставе о службе» регламентировался и внешний вид слуг. В «Энциклопедическом словаре» (Ф.А. Брокгауз и И.А. Эфрон) в статье о ливрее можно прочитать о наказании тех дворян, которые не следуют правилам: «Одевающий своих слуг в Л., не соответствующую его чину, подвергается штрафу до 300 или 500 р., а в третий раз – аресту от 3 недель до 3 месяцев (ст. 1416 Улож. о наказ., изд. 1885 г.). В учреждении Императорской Фамилии (ст. 119) существуют особые правила о Л. придворных, т.е. для слуг членов Императорской фамилии» [18, с. 657].

Следовательно, вышколенный десятилетиями Афраф был одет по «закону», несмотря на приобретенную свободу, и был все также чист и вылощен, как и требовало звание столового лакея.

Его ливрея была из особой коломянковой ткани, название которой стало архаизмом:

– коломянковый–коломёнок, нка, м. и (устар.) коломянка, и, ж. Прочная и мягкая льняная ткань [14, с. 284]. Коломянк (коломёнка, каламянк, коломёнок,, каламёнок <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%BC%D1%8F%D0%BD%D0%BA%D0%B0> - cite_note-автоссылка 1-3)– ‘плотная гладкая ткань полотняного переплетения из льна, иногда с добавлением пеньки’ [19, с. 136–137, 20].

В «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера находим лексему коломенка в значении ‘гладкая пеньковая или льняная ткань’, которую он возводит к лат. *camelaucium* через немецкий (нем. *Kalamank*, *Kalmank*) и голландский (нидерл. *Kalamink*) языки; ср. камилавка ‘головной убор монахов и священников’, др.-русс. Камилавка [17, с. 174, 294].

В «Полном церковно-славянском словаре» под редакцией протоиерея Г. Дьяченко лексема камилавка возводится к греч. *χαμηλαύχιον* *отъχαυμα* – ‘жар’ и *ελαύνω* – ‘укрощаю’, т.е. ‘шапка, укрощающая жар или защищающая от жара’ [17, с. 243]. Дело в том, что льняная ткань способна понижать температуру тела на 3-4 градуса, благодаря своей способности «дышать». В холодное время года льняные ткани наоборот удерживают тепло, создавая вокруг тела своеобразную оболочку. Лен обладает антисептическим действием, он полезен для кожи и здоровья человека.

В словаре В.И. Даля представлены два определения:

1) коломянка— «полосатая пёстрая шерстяная домотканина, напанёвы, запасли». В XIX-XX веках в Томской и Псковской губерниях женщины носили коломенчатые юбки из восьми полос шерстяной полосатой домотканины [22, с. 140];

2) каламёнок (коломянка) — одноцветная ткань из льна или пеньки; белёная гладкая пеньковая или льняная ткань, белёная или суровая, похожая на демикотон (во второй половине XIX века в официальных документах и в художественной литературе уже не пестрая) [22, с. 76].

Пенька для современного городского человека также предмет загадочный, его значение отражено в «Толковом словаре русского языка» под редакцией С.И. Ожегова: 'грубое прядильное волокно из конопли'. Конопатить щели пенькой [14, с. 498].

Безусловно, в вологодском льняном крае одежда из льна не в диковину. Следует обратить внимание на тот факт, какой вариант названия выбирает Гиляровский: не каламянка, коломянка, каламёнок, а коломёнок, коломенковая ливрея, поскольку северный диалектный говор предполагает оканье.

Мир гимназии расширяет представление читателя о том, как выглядели ученики и их наставники. Портретные характеристики учителей даны с известной долей юмора, иронии и даже сатиры, что и понятно, поскольку большинство из них представляли известные типы чиновников от образования: ни любви к детям, ни педагогического рвения и старательности никто не проявлял. К тому же скука, муштра, выслуживание перед начальством, подчас жестокая порка детей, их униженное положение превращали гимназию в место, где учеба не в радость, а в наказание, где хотелось развлечься и пошалить, чем периодически и занимались Володя Гиляровский и его друг Дмитрий Андреев: «Первые силачи в классе и пер-

вые драчуны, мы вечно ходили в разорванных мундирах, дрались всюду и писали злые шутки на учителей. Все преступления нам прощались, но за эпиграммы нам тайно мстили, придираясь к рваным мундирам» [13, с. 43-44].

Володю порча одежды не смущала: это реальность — есть одежда целая, но ей свойственно рваться, — что тут поделаешь, и расстраиваться нечего. Когда он в отместку за порку разрисовал охрой шинель соседа, чья кляуза стояла мальчику наказания, то испытал некоторое удовлетворение, что его не поймали, а следы мести были видны, хотя краску и оттирали старательно. В портрете «старого бритого чиновника», отца Кости, из-за которого и пострадал герой, дан типичный для провинциального бедного человека «комплект» одежды: фризовая шинель и засаленный форменный картуз.

Архаизм «фризовая» означает ткань, из которой сшито форменное платье чиновника. В «Этимологическом словаре» М. Фасмера указано, что

фриз— это 'шерстяная ткань с длинным ворсом', фризový, прилаг. Из нов.-в.-н. Fries — то же, первонач. «фризская ткань», франц. frise, ср.-лат. pannifrisii, vestimentade Frisarumprovincia (Клюге-Гётце 175; М.— Любке 302) [23, с. 207].

Официальное существование русского мужчины XIX века было связано с мундиром, фракком, сюртуком. Их носили все, кто принадлежал к государственной системе, кто часто бывал в официальной ситуации общения, в том числе и гимназисты. В тексте Гиляровского будничность жизни, простое бытие людей вытесняло напыщенную парадность. Он ее презирал, над ней смеялся, ему было ближе естественное одеяние людей, пусть и не всегда эстетически приятное: «Кроме Камбалы, человека, безусловно, доброго и любимого нами, нельзя не вспомнить двух учителей, которых мы все не любили. Это были чопорные и важные ино-

странцы, совершенно непохожие на всех остальных наших милых чиновников, в засаленных синих сюртуках и фраках, редко бритых, говоривших на «о». Влетало нам от них иногда: и легкие подзатыльники, и наказания в виде стояния на коленях. Но все это делалось просто, мило, по-отечески, без злобы и холодности. Учитель французского языка м-р Ранси, всегда в чистой манишке и новом синем фраке, курчавый, как пудель, – говорят, был на родине парикмахером. Его терпеть не могли. Немец Робст ни слова не знал по-русски, кроме: «Пошел, на уколь, свинь рюски», и производил впечатление самого тупоголового колбасника» [13, с.41].

Разорванный гимназический мундир, засаленный синий мундир небогатых учителей противопоставлены лоску форменного платья тех учителей, которые чисты одеждой, но несостоятельны как люди. Неслучайно это формальное стремление к показному благополучию директора и его заместителя превращается в комедию: «...к экзаменам приехал попечитель округа кн. Ливен. Железной дороги не было, и по телеграфу заблаговременно, т. е. накануне приезда, узнало начальство о его прибытии. Пошли мытье и чистка. Нас выстраивали в классе и осматривали пуговицы. Мундиры с красными воротниками с шитьем за год перед этим отменили, и мы ходили в черных сюртуках с синими петлицами. Выстроили нас всех в актовом зале. Осмотрели маленьких. Подошли к шестому и седьмому классам директор с инспектором и заволновались, зажестикуютировали. И смешно на них, маленьких да пузатеньких, было смотреть перед строем рослых бородатых юношей. Бородатые были и в младших классах. Так, во втором классе был старожил Гудвил, более похожий по длинным локонам и бородище на соборного дьякона. Инспектора звали «Тыквой» за его лысую голову. И посыпались

угрозы выгнать, истолочь в порошок, выпороть и обрить на барабане всякого, кто завтра на попечительский смотр не обрется и не острижется. Приехал попечитель, длинный и бритый. И предстали перед ним старшие классы, высокие и бритые – в полумасках. Загорелые лица и белые подбородки и верхние губы свежесобритые... Смешные физиономии были» [13, с. 42].

Директор, кстати сказать, вызывает у наблюдательного Володи интересные ассоциации, превращаясь в своем мундире, надетом на объемное тело, в синий шар: «Шаги смолкли, и в открытой двери появился сначала синий громадный шар с блестящими пуговицами, затем белая-белая коротенькая ручка и, наконец, синий шар сделал какое-то смешное движение, пролез в дверь и, вместе с ним, появилась добродушная физиономия с длинным утиным носом и едва заметными сонными глазками» [13, с.34]. Наличие всех пуговиц, надраенных до блеска, – та деталь, которую подчеркивает Гиляровский не раз. В русской традиции лишь «голь перекатная» позволяет ходить, открывая тело: для всех обязательны пояса, ремни, кушаки, покрытая голова, перчатки у высших сословий, застегнутые пуговицы под горло даже у детей, заплатки на дырах у бедняков. Все это носило печать социальную (порядок иерархии, дисциплина), религиозно-нравственную (уважение к окружающим, когда целая и чистая одежда говорят о благополучии и трудовом существовании человека; соблюдение религиозных заповедей, когда тело закрыто и не может быть объектом вожделения или наоборот презрения, когда человек болен, убог, нищ).

Учеба мало интересовала юного Гиляровского, он нашел более занимательные увлечения – охоту и цирк, которые сформировали физическую выносливость, ловкость, смелость и сообразительность. Отставание по предметам привело к зна-

комству со студентами, которые стали его репетиторами, а затем подросток, еще мало понимая всю суть разговоров революционной молодежи, проникся уважением к этим неординарным людям. Ссылные, конечно, были в диковинку для большинства старорежимных вологодских обывателей. Взгляд Володи также выделяет новый «стиль» народовольцев. Их портрет сугубо описательный, как и большинство портретов Гиляровского в этой книге. Подчеркнуто стремление молодых людей быть свободными в выборе одежды: она не бывшая форменная студенческая или сословно-обывательская. Это демократическая одежда, которая близка к народной – красные рубахи, поддевки, смазные сапоги у юношей, у девушек – тоже красные рубахи-косоворотки, черные маленькие шляпки, вроде кучерских. То обстоятельство, что и мужчины, и женщины носят рубахи, а последние еще и коротко стригут волосы, создает «кастовое» единство «своих», которые отличаются от всех остальных нарочитым пренебрежением к установленным правилам ношения одежды. У девушек – короткие черные юбки, у них своя «нигилистская» мода, а не общепринятая погоня за французской. К этому особому стилю добавляются очки синие или дымчатые, которые носят все, широкополые шляпы у юношей. Несколько странно для современного читателя вооружение самодельными дубинами – «лучшими считались можжевеловые, которые добывали в дремучих домшинских лесах» [13, с. 25]. Объяснение этому факту мы найдем в портрете полицмейстера, полковника А. Д. Суворова, бывшего кавалериста. Этот страстный охотник, лошадиник и театральный популяризатор попал в оказию: направляясь зимой вьюжной ночью через реку Вологду на спектакль, встретился с волком, который запрыгнул к нему в сани. Ловко схватив зверя за уши, он привез его на двор театра, отдал полицейским, и как ни

в чем ни бывало отправился на свое место в первом ряду. Публика же, надев шубы, повалила смотреть на диво, и спектакль в одиночестве досмотрел один Суворов. Он вовсе не был занят ссылными, которые при таком природном соседстве – волки «стаями бегали по реке и по окраинам» – расхаживали с дубинами, хотя, думается, была в этом и определенная бравада.

Выводы

Исследование портрета В. А. Гиляровского в его автобиографической прозе позволяет сделать вывод о том, что основным видом портрета для него является социально-исторический, описательно-бытовой портрет. В силу определенных художественных задач он не стремится к постижению психологии героев или их редкой индивидуальности. Авторский комментарий в портрете для писателя не характерен. Принципы внешнего изображения становятся основополагающими. Кроме того, ему свойственно «мужское» видение окружающих людей, при котором отсутствует проявление ярко выраженной экспрессии, как положительной, так и отрицательной, экзальтации чувств или сентиментальности.

Вестиальная лексика в портрете В.А. Гиляровского имеет следующую специфику:

Лексика одежды номинирует головные уборы, нижнюю и верхнюю одежду, обувь; аксессуары практически не представлены.

Одежда четко соотносится с официальной (служебной), бытовой и трудовой деятельностью, а также соответствует сезону, времени года.

Гражданский мундир, сюртук, фрак, ливрея в портретах имеют не только описательную функцию, «визуализируя» героя, но и выявляют должность героя, определяют его личностное отношение к собственному положению в обществе.

Одежда постоянно рассматривается с точки зрения сохранности и чистоты. Наличие данных свойств характерно для внешнего облика людей высших сословий. В сочетаниях вестияльной лексики определения со словом «чистый» имеют как положительную, так и отрицательную эмоциональную окраску. Разорванная одежда характеризует поведение детей, труд бурлаков, рабочих, босяков - «зимоговор», бытовую жизнь юнкеров, солдат на войне и создает общую социальную картину бедности или нищеты, сопряженных с пьянством, или другими трагическими реалиями жизни (что будет более подробно рассмотрено в следующих статьях).

Народный национальный костюм как эстетическое и культурное явление не представлен.

Метафоризация одежды в портрете мужчин и женщин за редким исключением отсутствует; метафоры и сравнения

чаще всего выражают ироническое отношение автора-повествователя.

Женские портреты с вестияльной лексикой единичны; она выполняет описательную функцию, функцию социальной характеристики и создания «парадного» портрета (см. статью авторов о театральном портрете).

Новое поколение революционно-демократической молодежи нарушает традицию сословного выбора одежды: их костюм не европейский и не национальный (купеческий, мещанский, крестьянский). Вестияльная лексика отражает эклектичность одежды, в которой преобладают вещи демократической народной среды, в частности, заводских рабочих (у юношей) и городской прислуги (у девушек). Шляпы с длинными полями и дымчатые очки как необычный аксессуар превращаются в опознавательный знак определенного замкнутого социального объединения.

Список литературы

1. Гура В.В. Жизнь и книги дяди Гиляя. Вологда: Вологодское книжное издательство, 1959. 56 с.
2. Паустовский К.Г. Стенограмма выступления К.Г. Паустовского на вечере, посвященном 100-летию со дня рождения Владимира Алексеевича Гиляровского, 8 декабря 1953 года в Центральном Доме литераторов // Вопросы литературы. 1969. №5. С. 177-180.
3. Паустовский К.Г. Дядя Гиляй (В.А. Гиляровский): предисловие к книге В.А. Гиляровского «Москва и москвичи». Очерки старомосковского быта». М.: Московский рабочий, 1955.
4. Есин Б.И. Репортажи В.А. Гиляровского. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985. 112 с.
5. Баженов А. Спасибо, дядя Гиляй! // Москва. 2004. №4. С. 203-221.
6. Митрофанов А. Гиляровский. М.: Молодая гвардия, 2008. 527 с.
7. Рецензии на книгу «Гиляровский» Алексея Митрофанова. URL: <https://audiokrai.com/books/141604/reviews>.
8. Судаков Г.В. В.А. Гиляровский как знаток русской речи: (рефлексия писателя на речевые феномены своего времени) // Словесность и культура как образ национальной ментальности. Вологда, 2010. С. 291-300.
9. Быков Д.Л. Владимир Гиляровский // Дилетант. 2014. №8. URL: bykov.livejournal.com/1989123.html
10. Быков Д.Л. Гиляровский // Внеклассное чтение. М.: Проза и К, 2017. 381 с.

11. Кумзёров В. Вологжане вновь открывают В.А. Гиляровского. Вологда: Арника, 2021.
12. Короленко В.Г. Собрание сочинений: в восьми т. Т. 2. Повести и рассказы. Примечания к рассказу «В дурном обществе», составленные при участии С.Л. Короленко. М.: Правда, 1953.
13. Гиляровский В. А. Сочинения: в четырех т. / вступ. ст., сост. и прим. Б.И. Есина. М.: Правда, 1989. Т. 1. С. 13-238.
14. Ожегов С. И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 72 500 слов и 7 500 фразеологических выражений; Российская АН, Ин-т рус. яз., Российский фонд культуры. 2-е изд., испр. и доп. М.: Азъ, 1995. 928с.
15. Андреева Р.П. Энциклопедия моды. СПб.: Литера, 1997. 416 с.
16. Орленко Л.В. Терминологический словарь одежды. М., 1996. URL: https://gufo.me/dict/fashion_encyclopedia
17. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т.2 (Муза – Сят) / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачёва. 3-е изд., стер. СПб.: Терра – Азбука, 1996. 672 с.
18. Энциклопедический словарь: в 86 т. Т. 34, (Ледье-Лопарев). Репр. воспр. изд. «Энциклопедический словарь. Ф.А. Брокгауз и И.А. Эфрон в 82 т. и 4 доп. т. 1890 г.». М.: Терра, 1990-1994. 960 с.
19. Кирсанова Р.М. Костюм в русской художественной культуре 18 – первой половины 20 вв.: Опыт энциклопедии / под ред. Т.Г. Морозовой, В.Д. Синюкова. М.: Большая Российская энциклопедия, 1995. 383 с.
20. Товарный словарь / И.А. Пугачёв (главный редактор). М.: Государственное издательство торговой литературы, 1957. Т. 3. 527 с.
21. Полный церковно-славянский словарь. Репр. воспр. изд. «Полный церковно-славянский словарь, протоирей Г. Дьяченко, 1900 г.». М.: Московский патриархат, 1993. 1120 с.
22. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т.2: И-О. М.: Прогресс, Универс, 1994. 912 с.
23. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т.4 (Т–Ящур) / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачёва. 3-е изд., стер. СПб.: Терра – Азбука, 1996. 861 с.

References

1. Guru V.V. *Zhizn' i knigi dyadi Gilyaya* [Uncle Jill's Life and Books]. Vologda, Vologodskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1959, 56 p.
2. Paustovsky K.G. *Stenogramma vystupleniya K.G. Paustovskogo na vechere, posvyashchenom 100-letiyu so dnya rozhdeniya Vladimira Alekseevicha Gilyarovskogo, 8 dekabrya 1953 goda v Central'nom Dome literatorov* [Transcript of K.G. Paustovskij K.G. Paustovsky at the evening dedicated to the 100th anniversary of the birth of Vladimir Alekseevich Gilyarovsky, December 8, 1953 at the Central House of Writers]. *Voprosy literatury = Questions of Literature*, 1969, no. 5, pp. 177-180.
3. Paustovsky K.G. *Dyadya Gilyaj* (V.A. Gilyarovskij) *Predislovie k knige V.A. Gilyarovskogo "Moskva imoskvichi". Ocherki staromoskovskogo byta* [Uncle Gilyai (V.A. Gilyarovsky). [Preface to the book by V.A. Gilyarovsky "Moscow and Muscovites". Essays on old Moscow life]. Moscow, Moskovsky Rabochiy Publ., 1955.

4. Esin B.I. *Reportazhi V.A. Gilyarovskogo* [Reports by V.A. Gilyarovsky]. Moskva = Moscow, Izd-vo Mosk. un-ta Publ., 1985. 112 p.
5. Bazhenov A. Spasibo, dyadya Gilyaj! [Thank you, Uncle Gilai!]. Moscow, 2004, no. 4. pp. 203-221.
6. Mitrofanov A. *Gilyarovsky*. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2008. 527 p.
7. *Recenzii na knigu "Gilyarovskij" Alekseya Mitrofanova* [Reviews of the book "Gilyarovsky" by Alexei Mitrofanov]. Available at: <https://audiokrai.com/books/141604/reviews>
8. Sudakov G.V. [V.A. Gilyarovsky as a connoisseur of Russian speech: (a writer's reflection on the speech phenomena of his time)]. *Slovesnost' i kul'tura kak obraz nacional'noj mental'nosti* [Literature and culture as an image of national mentality], Vologda, 2010, pp. 291-300.
9. Bykov D.L. Vladimir Gilyarovskij [Vladimir Gilyarovsky]. *Diletant* Publ., 2014, no. 8. Available at: bykov.livejournal.com/1989123.html (In Russ.).
10. Bykov D.L. [Gilyarovskij]. *Vneklassnoe chtenie* [Extra-curricular reading]. Moscow, Prozai K Publ., 2017. 381 p. (In Russ.).
11. Kumzerov V. *Vologzhane vnov' otkryvayut V.A. Gilyarovskogo*. [Vologda residents rediscover V.A. Gilyarovsky]. Vologda, Arnika Publ., 2021.
12. Korolenko V.G. *Sobranie sochinenij v vos'mi tomah. T. 2. Povesti i rasskazy. Primechaniya k rasskazu "V durnom obshchestve", sostavlennye pri uchastii S.L. Korolenko* [Collected Works in eight volumes. Vol. 2. Leads and stories. Notes to the story "In Bad Society", compiled with the participation of S.L. Korolenko]. Moscow, Pravda Publ., 1953.
13. Gilyarovskij V. A. *Sochineniya v chetyrekh tomah* [Works in four volumes]. Moscow, Pravda Publ., 1989. vol. 1, pp.13-238.
14. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Shvedova N.YU. *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka: 72 500 slovi 7 500 frazeologicheskikh vyrazhenij* [Explanatory dictionary of the Russian language: 72,500 words and 7,500 phraseological expressions]. Moscow, Az Publ., 1995. 928 p.
15. Andreeva R.P. *Enciklopediya mody* [Encyclopedia of fashion]. St. Petersburg, Litera Publ., 1997. 416 p.
16. Orlenko L.V. *Terminologicheskij slovar' odezhdy* [Terminological dictionary of clothes]. Moscow, 1996. Available at: https://gufo.me/dict/fashion_encyclopedia
17. Fasmer M. *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language.]; St. Petersburg, Terra – Azbuka, 1996. (Vol. 2 (Muse – Syat). 672 p.
18. *Enciklopedicheskij slovar'*. [Encyclopedic Dictionary. Moscow, Terra Publ., Z4. (Led'e-Loparev) 1990-1994. 960 p.
19. Kirsanova R.M. *Kostyum v russkoj hudozhestvennoj kul'ture 18 – pervojpoloviny 20 vv.: Opyt enciklopedii* [Costume in Russian artistic culture of the 18th – the first half of the 20th centuries: Experience of the encyclopedia]; ed. by T.G. Morozovoj, V.D. Sinyukova. Moscow, Bol'shaya Rossijskaya enciklopediya Publ., 1995. 383 p.
20. *Tovarnyj slovar'* [Commodity Dictionary]; ed. by I.A. Pugachyov. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo torgovoj literatury Publ., 1957. Vol. 3. 527 p.
21. *Polnyj cerkovno-slavyanskij slovar'* [Complete Church Slavonic Dictionary], Moscow, Moscow Patriarchate Publ., 1993. 1120 p.
22. Dal V. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language]. Moscow, Progress Publ., 1994, vol. 2. p. 912.
23. Fasmer M. *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language (Vol. 4)]. St. Petersburg, Terra – Azbuka Publ., 1996. p. 861.

Информация об авторах / Information about the Authors

Летапурс Татьяна Васильевна, кандидат филологических наук, Юго-Западный государственный университет, Курск, Российская Федерация, e-mail: lietaurs@mail.ru, ORCID: 0000-0002-5879-1779

Tatyana V. Letapurs, Southwestern State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: lietaurs@mail.ru, ORCID: 0000-0002-5879-1779

Малыхина Татьяна Моисеевна, кандидат филологических наук, Курский государственный университет, Курск, Российская Федерация, e-mail: etnolingv@mail.ru, ORCID: 0000-0002-2802-5686,

Tatyana M. Malykhina, Cand. of Sci. (Phylological), Kursk State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: etnolingv@mail. Ru

Оригинальная статья / Original article

УДК 81-23

<https://doi.org/10.21869/2223-151X-2023-13-1-29-36>**Фразеологизмы и пословицы с компонентом-фитонимом
в английской лингвокультуре**Ван Ци¹ ✉

¹Белгородский государственный национальный исследовательский университет
ул. Победы, д. 85, г. Белгород 308015, Российская Федерация

✉ e-mail: baghana@yandex.ru

Резюме

Статья посвящена изучению специфики фразеологических единиц и пословиц английской лингвокультуры. Целью работы является осуществление анализа символической специфики фитонимического компонента, входящего в состав фразеологизмов и пословиц, формирующих лингвокультурную картину мира Великобритании.

Методика исследования носит комплексный характер и основана на междисциплинарном подходе, включающем анализ специфики лингвокультуры Великобритании с целью выявления специфических свойств компонентов-фитонимов в составе фразеологических единиц и пословиц, формирующих национальный язык англичан. В ходе исследования были использованы две группы методов: общенаучные методы, к которым относятся анализ и синтез, обобщение, и специальные методы, к которым принадлежат описательный метод, метод компонентного анализа, количественный метод.

Доказано, что символический компонент, входящий в состав фразеологизмов и пословиц, формирует специфические образы в сознании человека, которые вызывают особые ассоциации. Фитонимический компонент в составе фразеологизмов и пословиц в английской культуре является важным строительным материалом, формирующим специфику лингвокультуры в целом. Автор выявляет такие подгруппы фитонимов в составе фразеологизмов и пословиц, как «компонент – дерево», «компонент название дерева», «компонент часть дерева», «компонент плоды дерева» и систематизирует их свойства с позиции лингвокультурологии. В работе утверждается, что качества, типичные для фитонимических компонентов, ассоциируются с человеком и различными аспектами его деятельности.

В результате исследования выявляются такие группы фразеологических единиц и пословиц с компонентом-фитонимом, как «человек», в рамках которой фитонимический компонент описывает внешность, характер, речь человека, а также его умственные способности; «специфика быта человека», подразделяемую на подгруппы «материальный быт» и «нематериальный быт», репрезентирующих особенности материальных и нематериальных ценностей английской лингвокультуры.

Ключевые слова: лингвокультурология; фразеологизм; пословица; компонент-фитоним; английская лингвокультура; символический компонент.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Ван Ци. Фразеологизмы и пословицы с компонентом-фитонимом в английской лингвокультуре // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2023. Т. 13, № 1. С. 29-36. <https://doi.org/10.21869/2223-151X-2023-13-1-29-36>.

Статья поступила в редакцию 16.01.2023

Статья подписана в печать 27.02.2023

Статья опубликована 15.04.2023

Idioms and Proverbs With a Plant Component in English Language and Culture

Wang Qi¹ ✉

¹ Belgorod State National Research University
85, Pobedy str., Belgorod 308015, Russian Federation

✉ e-mail: baghana@yandex.ru

Abstract

The article is aimed at analyzing the symbolic specificity of the Plant component, being a part of idioms and proverbs, formulating English language and culture ground.

The research methodology is complex and is based two groups of methods, which are general scientific methods group, including analysis and synthesis, generalization, and special methods group, including the descriptive method, the method of component analysis, and the quantitative method.

The research proves that the symbolic component, being the part of idioms or proverbs, make specific images in a person's mind causing special associations. The Plant component in idioms and proverbs especially in modern English culture is an integral part formulating special part of lexis in English culture. The author identifies such subgroups of Plant components as part of idioms and proverbs as "tree components", "tree names components", "tree parts components", "tree fruit components" and systematizes their properties from the standpoint of language and culture symbiosis understanding. The research asserts that the qualities typical for Plant components realization are associated with a person and various aspects of his activity.

The research work results in two groups of idioms and proverbs with a Plant component classification types revealing main aspects of British culture by means of symbolic ideas: the group "man" describing peculiar features of man's appearance, character, speech, mental abilities; and the group "specific features of human life", being subdivided into subgroups "material life" and "immaterial life", representing the features of tangible and intangible values of English language and culture.

Keywords: language and culture; idioms; proverb; Plant component; English language and culture; symbolic component.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Wang Qi Idioms and Proverbs With a Plant Component in English Language and Culture. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*. 2023, 13(1): 29–36 (In Russ.). <https://doi.org/10.21869/2223-151X-2023-13-1-29-36>.

Received 16.01.2023

Accepted 27.02.2023

Published 15.04.2023

Введение

Английский язык в настоящее время признан средством глобальной коммуникации, представляя собой средство для достижения успеха в сфере политики, экономики, юриспруденции, компьютерных технологий, образования. Знание культуры в процессе овладения английским языком, как языком иностранным, представляется нам весьма значимым, так как изучение языка неразрывно связано с

познанием особенностей его культуры. В нашем исследовании анализ проводится с позиции лингвокультурологии, для которой свойственен именно такой подход, сочетающий проведение комплексного исследования взаимоотношений языка и культуры на примере английской лингвокультуры.

На наш взгляд, именно фразеологический состав любого языка как нельзя лучше отражает специфику той или иной

лингвокультуры, так как фразеологизмы были сформированы под влиянием исторического, культурного и языкового типов взаимодействия, и они продолжают функционировать в качестве устойчивых единиц в современном языке.

В ходе нашей работы мы рассматриваем специфику фразеологизмов и пословиц, в состав которых входит компонент-фитоним в современном английском языке. Целью работы является выявление ключевых свойств фразеологизмов и пословиц английского языка с компонентом-фитонимом, формирующих лингвокультурную картину мира британцев. Растения всегда играли значимую часть в жизни человека, предоставляя кров, пищу, предметы быта.

Актуальность исследования обусловлена недостаточной изученностью различных аспектов формирования фразеологической картины мира на примере английской лингвокультуры и необходимостью проведения комплексного лингвокультурного анализа фитонимических элементов в составе английских фразеологизмов и пословиц для выявления специфики их символического компонента.

Материалы и методы

В ходе исследования применялась группа общенаучных методов, к ключевым из которых в рамках данной работы принадлежат анализ и синтез; в группу частных методов входят описательный метод, позволяющий изучить отдельные единицы и понятия языковой системы, структурный метод, способный выявить не только отдельные языковые единицы, но также и провести анализ их структурных взаимоотношений. Практическая часть работы осуществлялась при помощи метода сплошной выборки фразеологических единиц и пословиц, в состав которых входит фитонимический компонент, на материале словарей английского языка.

Результаты и обсуждение

В исследованиях зарубежных ученых отмечается, что «пословицы играют важную роль в процессе изучения английской культуры, именно они по праву называются собранием мыслей мудрых людей» [1]. Пословицы представляют собой результат накопленных знаний, который был приобретен и передается от одного поколения к другому. Важным качеством пословиц является их способность функционирования как неизменных единиц в разных сферах коммуникации: формальной и неформальной. Пословицы используются для передачи богатых культурных традиций, фольклора и ожидаемых моделей поведения. Форма пословиц отличается лаконичностью, что способствует их практическому применению во всех аспектах жизни. Английские исследователи отмечают, что пословицы необходимо анализировать в контексте культуры [2].

В рамках английского языкознания принято выделять такие подтипы пословиц, как: «*proverbial comparisons*» - пословичные сравнения, например, «*as like as two peas*» - похожи как две капли воды; «*proverbial interrogatives*» - пословицы, содержащие вопросительную интенцию, например, «*Does a chicken have lips?*» - риторический вопрос, не требующий ответа, означает, что все итак очевидно; *twin formulas* – так называемые «формулы-близнецы», например, «*The higher the tree, the sweeter the plum*» - чем выше плод, тем он слаще [3].

Основываясь на критерии стилистического приема, на котором сформирована та или иная пословица, принято выделять: пословицы, основанные на аллитерации, например, «*Forgive and forget*» - «с глаз долой из сердца вон»; пословицы, базирующиеся на принципе параллельных конструкций, например, «*While the grass grows, the horse starves*» - все время ждать надоедает; пословицы, сформированные на основе рифмы, например, «*No herb will cure love*» - Тот, у кого нет детей, не знает, что такое любовь; послови-

цы, которые основываются на эллиптических конструкциях, например, «*As the tree, so the fruit*» - яблочко от яблоньки не далеко падает [4].

В нашем исследовании мы исследуем пословицы с компонентом-фитонимом, уделяя особое внимание образу, который создается благодаря компоненту-фитониму. Символьный компонент в составе пословицы формирует те или иные образы растений в сознании пользователей. Эти изображения обязательно вызывают конкретные ассоциации, например, это может быть дерево, цветок, какой-то фрукт и так далее.

В нашей работе мы выявили такие подгруппы компонентов-фитонимов в составе пословиц, как:

- компонент – *дерево* например, «*as the tree falls, so shall it lies*» [2] - как корабль назовешь, так он и поплывет;

- компонент *название дерева*, например, «*great oaks grow from little acorns*» [4] - каждый дуб был когда-то жёлудем = большое дело вырастает из малого;

- компонент *часть дерева*, например, «*root*» - корень, «*leaves*» - листья, «*thorn*» - шип: «*a thorn in one's side*» [4] - источник постоянного раздражения или неприятностей; «*to walk on thorns*» [2] - находиться в мучительном состоянии;

- компонент *плоды дерева*, например, «*fruit*» - фрукт: «*A tree is known by its fruit*» [1] - человек известен по своим делам, «*apple*» - яблоко, «*a rotten apple spoils the barrel*» [5] – буквально «гнилое яблоко портит бочонок», в русском языке соответствует пословице «одна паршивая овца всё стадо портит».

В нашем исследовании фитоним в составе фразеологизмов и пословиц позволил выявить специфику определенных качеств, приписываемых человеку благодаря сравнению с тем или иным фитонимическим компонентом. Часто пословицы представляют собой высказывания с номинациями растений, которые по своей

сути являются отражением самих людей, а также их опыта, мыслей и чувств.

Практический материал исследования позволил нам выявить две группы фразеологизмов и пословиц с компонентом-фитонимом, описывающих человека и специфику его быта.

1. Группа «человек» в нашем исследовании включает в себя фразеологизмы и пословицы с компонентом-фитонимом, описывающие внешность и характера человека, а также его умственные способности.

Следует отметить, что в рамках английской лингвокультуры фитоним *grass* – *трава* часто применяется относительно простых людей, иногда носит уничижительный оттенок, например фразеологизм *Grass roots* – *трава* – изначально описывал низшие слои английского общества - крестьян. В современном английском языке фразеологизм *Grass roots* часто используется политиками для описания избирателей с низким уровнем дохода, например:

I refer to the ordinary people, you are grass roots of modern England [6] – Я обращаюсь к вам, обычные люди, избиратели, которые нуждаются в поддержке.

Часто фитонимические компоненты, входящие в состав фразеологизмов и пословиц, служат строительным материалом для создания внешнего образа человека, например:

«*Don't judge a tree by its bark*» [7] - внешность обманчива,

«*As fresh as a daisy*» [8] - буквально «свеж как маргаритка», употребляется по отношению к нетерпеливому человеку, полному энтузиазма.

«*As like as two peas in a pod*» [7] - буквально «похожи как две горошины в одном стручке», употребляется относительно похожих внешне людей.

«*The fairest rose at last withered*» [9] - даже самая красивая роза завянет. Данная пословица описывает неизбежность старения и потери привлекательности женщин с возрастом.

Умственные способности человека так же, как и его внешние качества, описываются в английской лингвокультуре при помощи компонентов-фитонимов в составе фразеологизмов, например:

«*to know how many beans make five*» [8] – «сколько нужно бобов чтоб получилось пять».

Следует отметить, что изначально существовал вариант «*to know how many blue beans make five white ones*» [3] – знать, сколько синих фасолین составляют пять белых, и разумный ответ был – пять (когда кожица очищена). Данный фразеологизм употребляется по отношению к человеку, который способен быстро, четко и грамотно решить проблемы, описывает высокие умственные способности.

Такое качество, как глупость и отсутствие ума у человека передается в английской фразеологии при помощи фитонимического компонента *tree* – *дерево*, например:

«*out of your tree*» – чрезвычайно глупый, тупой:

Well, he is out of the tree! How could he say all this [10] – Он чрезвычайно глуп! И как он мог сказать все это.

Фитонимы в составе фразеологизмов и пословиц часто являются средством наделения определенных качеств характера человеку, например:

«*Oaks may fall when reeds stand the storm*» [7] – буквально «Буря валит дубы, а тростник может устоять», в русском языке соответствует пословице «мал да удал». Приведенная пословица построена на принципе противопоставления внешних и внутренних качеств деревьев *Oak* – *дуб* и *reed* [10] – *тростник*, а, следовательно, и человека.

«*Every bean has its black*» [11] – дословно «у каждого боба есть свое пятно». Употребляется в значении «у каждого есть свои недостатки».

«*An apple doesn't fall far from the tree*» [5] – яблоко от яблони не далеко.

«*Couch potato*» [4] – фразеологизм с компонентом-фитонимом *potato* – *кар-*

тофель. Употребляется относительно ленивого человека, который предпочитает большую часть времени лежать на диване, смотреть телевизор, при этом ест вредную пищу.

Следует отметить, что в современном английском языке функционируют также фразеологические единицы с компонентом-фитонимом, заимствованные из американского варианта английского языка, например:

«*a shrinking violet Fig*» [9] – буквально «сморщившийся фиолетовый инжир», обозначает застенчивого человека:

He's such a shrinking violet Fig [7] – Какой-же он застенчивый!

I am not exactly a shrinking violet, but I don't have the guts to say what you said to her [6] – И не такой уж я тихоня, но у меня не хватает смелости сказать ей то, что ты сказал.

Группа «специфика быта человека» в нашем исследовании анализируется, принимая во внимание социологический подход. Быт с позиции социологии рассматривается с двух сторон: материальной и духовной позиции.

Исследование материальной стороны быта включает в себя изучение средств, служащих для удовлетворения материальных потребностей человека в процессе приготовления пищи, изготовления одежды, постройки жилья и других материальных потребностей. В свою очередь, духовная сторона быта имеет тесную связь с материальной и связана с удовлетворением духовных потребностей человека. В ранг духовной стороны быта входят такие аспекты человеческой деятельности, как воспитание детей, отношения между людьми, усвоение информации, традиции и обычаи общества.

Важно отметить, что быт и его специфика всегда обусловлены спецификой исторического развития общества, в быту много определяется групповыми и индивидуальными условиями жизни человека. Для определения специфики быта необходимо учитывать особенности группы

лиц, его составляющих. Обычно такие союзы людей являются немногочисленными образованиями и относятся к типу малых групп. В ранг наиболее частотных форм объединения людей в такие союзы является семья или группы по определенным интересам, например, группы подростков, группы молодежных компаний.

Анализ продуктивности фитонимических компонентов в составе фразеологических единиц и пословиц, символизирующих элементы быта в рамках английской лингвокультуры, показал, что подгруппа «нематериальные элементы быта» является преобладающей.

Часто в основе пословицы с компонентом-фитонимом заложена идея, которая передает собой мудрый совет, передаваемый в форме нематериальных ценностей. Например, компонент *Fruits* – *фрукты* ассоциируется с достижениями человека, говорит о его успешности:

• «*Forbidden fruit is the sweetest*» [11] – запретный плод сладок в двойне. Рассматриваемая пословица употребляется в ситуации, когда человек после длительных испытаний наконец-то достиг успеха.

• «*Life is just a full bowl of cherries*» [4] – буквально «жизнь – тарелка вишни», в русском языке имеет аналог – жизнь – малина, что обозначает иметь жизнь полную радостей и быть довольным.

• «*Every rose has its thorn*» [7] – нет роз без шипов. В анализируемой пословице подчеркивается мысль о том, что успех не мыслим без преодоления трудностей. Подобная мысль прослеживается и в другой английской пословице – «*Under the thorn grows the roses*» [6] – буквально «под шипами растут розы».

• «*Don't let the grass grow round your feet*» [7] – буквально «Не позволяй траве расти вокруг твоих ног» означает не терять времени зря, делать что-то без задержки. В данной пословице используется фитоним *grass* – *трава* в описании жизненных проблем, промедлений.

• «*Weeds grow apace*» [4] – буквально «Сорняки растут быстро», что означает «плохие новости приходят быстро». Фитонимический компонент *Weeds* – *сорняки* в данном случае сравнивается с неприятными новостями.

• «*A drowning man will catch a straw*» [5] – буквально «утопающий за соломинку схватится».

• «*There's a small choice in rotten apples*» [4] – буквально «среди гнилых яблок выбор невелик», соответствует русской пословице «хрен редьки не слаще».

Компонент-фитонимом, символизирующий нематериальные элементы быта, часто входит в состав фразеологических единиц в английской лингвокультуре, например:

«*carrot and stick*» [11] – дословно «морковка и палка», соответствует в русском языке фразеологизму «кнул и пряник». Значение данного фразеологизма обусловлено его этимологией. Идея фразеологизма состоит в том, чтобы предложить ослу морковку и заставить его двигаться, а далее использовать палку – в качестве силы, если он отказывается сдвинуться с места. Тем самым была сформирована идея о том, какую стратегию лучше использовать для воспитания – путем наказаний и поощрений.

Некоторые фразеологизмы были заимствованы из американского варианта английского языка, например:

«*hear something on the grapevine*» [3] – буквально «услышать что-то от виноградной лозы». Значение анализируемого фразеологизма продиктовано историческими особенностями – когда во время гражданской войны в США во время трансляции новостей говорили «*passed by grapevine telegraph*». В современном английском языке этот фразеологизм имеет значение «услышать что-то из неофициальных источников, слушать сплетни» [5].

Подгруппа «материальные элементы быта» является менее продуктивной в рамках анализа функционирования фразеологических единиц и пословиц с ком-

понентом-фитонимом, формирующих лингвокультурную картину мира английской культуры.

Примеры:

«*Corn is the staff of life*» [1] - Хлеб – всему голова;

«*Corn in Egypt*» [5] - существенные запасы (о еде). Анализируемый фразеологизм был заимствован из наставлений престарелого Иакова своим сыновьям из Книге Бытия. В данном случае фитонимический компонент *Corn* – кукуруза употребляется в значении «хлеб», то есть «пища».

Фразеологизм «*Apple pie order*» [6] - в английской лингвокультуре употребляется в значении «быть в идеальном порядке», например:

His room is a mess, her's in Apple pie order [7] – В его комнате жуткий беспорядок, а вот ее комната – в идеальном порядке.

Пословицы, содержащие в своем составе компонент-фитоним, также отражают специфику материального быта английской лингвокультуры, например:

«*Money is the root of all evil*» [4] - деньги – корень зла. В рассматриваемой пословице компонент «*Root*» - корни употребляется относительно источника проблем.

Выводы

Таким образом, вопросы, связанные с изучением специфики фразеологических единиц, не теряют своей актуальности в современной лингвокультурологии.

В нашем исследовании были проанализированы фразеологические единицы и пословицы, в состав которых входит такой компонент, как фитоним. Практический материал работы позволил выявить такие наиболее продуктивные фитонимические компоненты, как «компонент дерево», «компонент название дерева», «компонент часть дерева», «компонент плоды дерева», что позволило систематизировать их свойства с позиции лингвокультурологии.

Компоненты-фитонимы, являясь частью фразеологических единиц и пословиц современного английского языка, вызывают определенные образы в сознании человека и ассоциируются с различными аспектами его деятельности. Анализ продуктивности фитонимических компонентов в составе фразеологических единиц и пословиц в современном английском языке позволил определить ключевые группы тематики образов, ассоциирующихся с фитонимами, к которой принадлежат такие группы, как: «человек» и «предметы быта». Фитонимический компонент в составе фразеологизмов и пословиц группы «человек» передает специфические черты внешности, характера, речи и умственных способностей человека. В свою очередь, группа «предметы быта», подразделяемая на подгруппы «предметы материального быта» и «предметы нематериального быта» позволяет определить материальные и духовные ценности в рамках английской лингвокультуры.

Список литературы

1. Alrajhi A. S. Static infographics effects on the receptive knowledge of idiomatic expressions // Indonesian Journal of Applied Linguistics. 2020. № 2. P. 315-326.
2. Bradbury N. M. Transforming Experience into Tradition: Two Theories of Proverb Use and Chaucer's Practice // Oral Tradition. 2002. №17. P. 261-289.
3. Adelina C., Suprayogi S. Contrastive analysis of English and Indonesian idioms of human body // Linguistic and Literature Journal. 2020. №1. P. 21-26.
4. Siefring J. The Oxford Dictionary of Idioms. New York : Oxford University Press, 2004. 352 p.

5. Ayto J. *Oxford Dictionary of Idioms (Oxford Quick Reference)*. London : Oxford University Press, 2020. 448p.
6. EnglishDom / All you need is love. URL: <https://www.englishdom.com/blog/poslovicy-all-you-need-is-love-pogovorki-o-lyubvi-v-anglijskom-yazyke/> (дата обращения: 22.01.2023).
7. Yule G. *The study of language*, Cambridge University Press. Cambridge : Cambridge University Press, 2017. 112 p.
8. Fauconnier G., Turner M. *Rethinking Metaphor*. New York: Cambridge University Press, 2008. 32 p.
9. Lingualeo Blog. URL: <https://corp.lingualeo.com/ru/2016/10/25/12-angliyskih-poslovits/> (дата обращения: 29.01.2023).
10. Gibbs R. W. *The Cambridge Handbook of Metaphor*. New York: Cambridge University Press, 2008. 564 p.
11. Wang S. G. *New English Idioms Dictionary*. Beijing: China Renmin University, 2011. 199 p.

References

1. Alrajhi A. S. Static infographics effects on the receptive knowledge of idiomatic expressions. *Indonesian Journal of Applied Linguistics*, 2020, no. 2, pp. 315-326.
2. Bradbury N. M. Transforming Experience into Tradition: Two Theories of Proverb Use and Chaucer's Practice. *Oral Tradition*, 2002, no. 17, pp. 261-289.
3. Adelina C., Suprayogi S. Contrastive analysis of English and Indonesian idioms of human body. *Linguistic and Literature Journal*, 2020, no. 1, pp. 21-26.
4. Siefring J. *The Oxford Dictionary of Idioms*. New York : Oxford University Press, 2004. 352 p.
5. Ayto J. *Oxford Dictionary of Idioms (Oxford Quick Reference)*. London: Oxford University Press, 2020. 448p.
6. English Dom / All you need is love. Available at: <https://www.englishdom.com/blog/poslovicy-all-you-need-is-love-pogovorki-o-lyubvi-v-anglijskom-yazyke/> (accessed 22.01.2023).
7. Yule G. *The study of language*, Cambridge University Press. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. 112 p.
8. Fauconnier G., Turner M. *Rethinking Metaphor*. New York: Cambridge University Press, 2008. 32 p.
9. Lingualeo Blog. Available at: <https://corp.lingualeo.com/ru/2016/10/25/12-angliyskih-poslovits/> (accessed 29.01.2023).
10. Gibbs R. W. *The Cambridge Handbook of Metaphor*. New York: Cambridge University Press, 2008. 564 p.
11. Wang S. G. *New English Idioms Dictionary*. Beijing: China Renmin University, 2011. 199 p.

Информация об авторе/ Information about the Author

Ван Ци, ассистент кафедры второго иностранного языка, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Российская Федерация, e-mail: baghana@yandex.ru

Wang Qi, Assistant of the Department of Second Foreign Language, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russian Federation e-mail: baghana@yandex.ru

Оригинальная статья / Original article

УДК 811.161.1

<https://doi.org/10.21869/2223-151X-2023-13-1-37-44>

Способы нейтрализации гендерной отнесенности фразеологических единиц (на материале медиатекстов)

Е. А. Беспалова¹ ✉¹Юго-Западный государственный университет

ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: kbspalova@yandex.ru

Резюме

Статья посвящена анализу случаев нейтрализации гендерной отнесенности фразеологических единиц в их живом употреблении в современной медиаречи. Цель работы – изучение динамики представлений о мужском и женском в русской фразеологии на основе выявления форм нейтрализации гендерной отнесенности, их классификации и анализа отмеченных трансформаций при употреблении устойчивых сочетаний в газетных текстах Национального корпуса русского языка. В работе используются следующие методы исследования: метод сплошной выборки, наблюдение над языковым материалом, лексико-графический, лексико-семантический и контекстуальный анализ, классификация, анализ, обобщение.

Рассмотрены три способа нейтрализации гендерной отнесенности фразеологических единиц: нейтрализация гендера на уровне словарных дефиниций (указание на соотношение с человеком вообще, без дифференциации пола: Иван, не помнящий родства), нейтрализация на грамматическом уровне (сочетаемость с объектом противоположного предполагаемому грамматическим родом: спящая красавица), употребление фразеологического оборота по отношению к лицу противоположного пола (вольный казак).

Показано, что, при всей силе гендерных стереотипов в языковом сознании, они не являются застывшими: гендерные представления меняются в процессе общественного развития, что выражается в трансформации семантики и сочетаемости гендерно маркированных фразеологизмов, переосмыслении их однолинейной связи с маскулинностью / феминностью.

Выявление способов нейтрализации гендерной отнесенности фразеологизмов вносит вклад в исследование проявлений гендера во фразеологии. Описание современного фразеопотребления важно в плане констатации постоянства в языковом сознании сложившихся гендерных стереотипов и сдвигов в их восприятии, а также аккумуляции данных о механизмах оперирования идиоматикой и развитии фразеологического значения.

Ключевые слова: фразеологизм; гендерная маркированность; нейтрализация гендерной отнесенности; медиатекст.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Беспалова Е. А. Способы нейтрализации гендерной отнесенности фразеологических единиц (на материале медиатекстов) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2023. Т. 13, № 1. С. 37-44. <https://doi.org/10.21869/2223-151X-2023-13-1-37-44>.

Статья поступила в редакцию 23.12.2022

Статья подписана в печать 16.02.2023

Статья опубликована 15.04.2023

Ways to Neutralize Gender Attribution of Phraseological Units (Based on Media Texts)

Ekaterina A. Beshpalova¹ ✉

¹Southwest State University

50 let Oktyabrya 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: kbespalova@yandex.ru

Abstract

The article is devoted to the analysis of cases of neutralization of gender attribution of phraseological units in their live use in modern media speech. Russian phraseology The aim of the work is to study the dynamics of ideas about the masculine and feminine gender in Russian phraseology based on the identification of forms of neutralization of gender attribution, their classification and analysis of the noted transformations when using stable combinations in newspaper texts of the National Corpus of the Russian language. The following research methods are used in the work: continuous sampling method, observation of language material, lexicographic, lexico-semantic and contextual analysis, classification, analysis, generalization.

Three ways of neutralization of gender attribution of phraseological units are considered: neutralization of gender at the level of dictionary definitions (indication of kinship with a person as a whole, without gender differentiation: Ivan, who does not remember kinship), neutralization at the grammatical level (compatibility with the object of the opposite grammatical gender: sleeping beauty), the use of phraseological turnover in relation to the person of the opposite pole (free Cossack).

It is shown that, despite the strength of gender stereotypes in the linguistic consciousness, they are not frozen: gender representations change in the process of social development, which is expressed in the transformation of semantics and the compatibility of gender-marked phraseological units, rethinking their one-line connection with masculinity / femininity.

The identification of ways to neutralize the gender attribution of phraseological units contributes to the study of gender manifestations in phraseology. The description of modern phraseological usage is important from the point of view of ascertaining the constancy in the linguistic consciousness of established gender stereotypes and shifts in their perception, as well as the accumulation of data on the mechanisms of functioning of idiomatics and the development of phraseological meaning.

Keywords: phraseology; gender labeling; gender attribution neutralization; media text.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Beshpalova E. A. Ways to Neutralize Gender Attribution of Phraseological Units (Based on Media Texts). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*. 2023, 13(1): 37–44 (In Russ.). <https://doi.org/10.21869/2223-151X-2023-13-1-37-44>.

Received 23.12.2022

Accepted 16.02.2023

Published 15.04.2023

Введение

Фразеологический фонд языка помогает выявить базовые концепты культуры, т.к. отражает представления о ценностях народа, моделях поведения, вербализует сложившиеся исторически стереотипы восприятия мира, социума. К ключевым концептам любой культуры можно отнести концепты «мужчина» и «женщина».

Важная роль в их формировании отводится фразеологическим ресурсам – культурно-специфической составляющей языка, которая, наряду с лексикой, фиксирует нормы поведения женщин и мужчин, накопленный социальный опыт восприятия мужского и женского.

Гендерный аспект изучения фразеологии выступает актуальным направле-

нием современных лингвистических работ. Масштабное исследование способов конструирования гендера во фразеологии выполнено И. В. Зыковой на материале английского языка [1]; концептуализация гендера посредством фразеологии описана К. С. Волошиной [2]. В. Н. Телия, разрабатывая вопрос культурно-национальной специфики идиом, особое внимание уделяет лингвокультурологическому анализу концепта «женщина» в русской фразеологии [3]. Активно проводятся исследования гендера во фразеологии в сопоставительном аспекте, например, на материале французского и русского языков [4], английского и русского языков [5] и т.д.

К числу фразеологизмов, обладающих гендерной маркированностью, относятся, с одной стороны, фразеологические единицы (ФЕ), отдельные компоненты которых позволяют идентифицировать лицо по его гендерному признаку – это антропометрические лексемы, термины родства и антропонимы [1] (*мужчина, женщина, баба* и др., *брат, муж, вдовец, мать, дочь, сестра, вдова* и др.: *мужчина в самом расцвете сил, сладкая женщина, сестра милосердия, Иван, не помнящий родства*), а с другой – содержащие в своем толковании указание на мужчину или женщину, на сферу женского/мужского (*грубый пол, мышиный жеребчик; прекрасная половина человечества, светская львица*).

Гендерные представления меняются на протяжении развития социума, что выражается в трансформации семантики языковых единиц. Употребление ФЕ отражает сдвиги в восприятии ролей мужчины и женщины в обществе, выступает средством актуального реагирования на такие изменения, их вербализации, при этом сами ФЕ остаются традиционной формой сохранения и передачи культурных смыслов [6; 7; 8].

Гендерно маркированный компонент фразеологизма может восприниматься носителями языка как фактор, обуславливающий отнесение всего оборота к мужско-

му / женскому (*соломенный вдовец, ученый муж* – о мужчине; *дама с камелиями, железная леди* – о женщине). Однако так происходит не всегда: например, 2-е значение устойчивого сочетания *свой парень* – ‘решительная, смелая, верная в дружбе девушка’ [9].

Репрезентативным материалом для выявления тенденций современного фразеопотребления выступает газетный корпус Национального корпуса русского языка [10], обновленный в 2022 г. структурно (так, в газетном корпусе появилась рубрикация, позволяющая делать выборку по центральным и региональным медиа изолированно; изменился интерфейс отдельных корпусов и т.д.) и пополненный медиатекстами до 2021 г. включительно, что позволяет анализировать контексты последнего времени и вводить в научный оборот новейшие данные (все примеры даны далее из газетного корпуса).

Результаты и обсуждение

Одной из тенденций современного русского фразеопотребления выступают проявления нейтрализации гендерной отнесенности ФЕ. Среди них можно выделить несколько вариантов.

1. Указание на соотносительность с человеком вообще, без дифференциации биологического пола, в толковании ФЕ, что отражается в словарях:

- ФЕ *Иван, не помнящий родства* ‘о беспринципных, неблагодарных людях, легко забывающих сделанное им добро, свою историю, культуру’ [11, с. 261] в медиатекстах зачастую встречается в форме множественного числа, что подчеркивает отнесенность к человеку вообще, в целом, к народной массе («Иногда мы ведем себя, как «Иваны, не помнящие родства» (Vesti.ru, 2011.11)), при этом иногда антропоним в составе ФЕ может переходить в разряд апеллятивов («необходимо... изжизивать в себе «иванов не помнящих родства» (Парламентская газета, 2015);

- ФЕ *Иванушка-дурачок* 'об очень глупом, несообразительном, крайне доверчивом и покорном человеке' [11, с. 264] также встречается в газетном корпусе в форме множественного числа с компонентом-апеллятивом, что не позволяет однозначно идентифицировать лицо с точки зрения гендера: «*лидер спарвороссов заявил, что не будет вступать в полемику с «иванушками-дурачками» из «Единой России»*» (Lenta.ru, 2010.03);

- ФЕ *мальчик на побегушках* 'о человеке, выполняющем мелкие и несложные поручения' [11, с. 414] тоже используется в форме множественного числа с небольшим сдвигом в семантике – делается акцент на зависимость положения чего-либо («*белорусы не будут мальчиками на побегушках»*» (Парламентская газета, 2016.04)) или кого-либо («*молодых людей задевает отношение взрослых к ним, как к "мальчикам на побегушках"*» (Аргументы и факты, 2003.04));

- *Фома неверующий* 'о человеке, которого трудно заставить поверить чему-л.' [11, с. 723] – в контекстах употребления указание на пол конкретизируется: ФЕ чаще используется для называния лиц мужского пола, но встречаются и обозначения женского («*Она... Фома неверующий не по отношению к миру незримо...*» (Звезда, 2002), и людей вообще, без актуализации пола («*ваши расходы чисто символические - на ... уговоры всех фом неверующих»*» (Аргументы и факты, 1999);

- ФЕ *базарная база* 'грубый, склочный, скандальный; глупый или необразованный' [12] отражает сложившийся в обществе стереотип о поведенческих особенностях женщин, их крикливости, скандальности, вздорном характере, соответственно с чем обычно употребляется в отношении лиц женского пола: «*Его неверная жена ... базарная баба*» (Известия, 2002). Сравнение мужчины с такой *бабой* унизительно, поэтому в контексте может использоваться отрицательная конструкция, подчеркивающая противо-

положное поведение: «*В прокуратуре работают люди серьезные, а не базарные бабы*» (Громов. Компромат для олигарха, 2000);

- ФЕ *кающаяся Магдалина* 'о том, кто жалостливо кается в своих поступках' [11, с. 410] в большинстве случаев употребляется по отношению к женщине, указание на мужчину в таком случае крайне редко: «*Хорош бы я был в роли кающейся Магдалины*» (Новый мир, 1999) и др.

2. Сочетаемость ФЕ с объектом противоположного предполагаемому грамматического рода (т.е. на уровне грамматической категории рода, а не биологического пола):

- ФЕ *мальчик на побегушках*, помимо формы множественного числа, употребляется в отношении объекта женского рода: «*Финляндия в этой наднациональной организации оказалась бы в положении "мальчика на побегушках"*» («Аргументы и факты», 1983.02);

- ФЕ *и на старуху бывает проруха*, этимологически соотносящаяся со сферой женского, встречается в контексте, где речь идет о предмете мужского рода: «*исправный автомобиль ..., но и на старуху бывает проруха*» (Vesti.ru, 2020.11);

- контексты употребления ФЕ *спящая красавица* демонстрируют тенденцию соотнесения ее с объектами мужского рода: это может быть *оркестр* («*продиржировал ... разбудив точно "спящую красавицу" – оркестр*» (Независимая газета, 1997.10)), город *Реймс* («*Реймс – это ... настоящая Спящая красавица*» (Ведомости, 2018.10)), а также *Крым* в восьми контекстах, связанных с высказыванием французского политика о полуострове, которое получило резонанс в медиа («*Французский политик сравнил Крым времен Украины со спящей красавицей*» (РИА Новости, 2020.06)) и др.

3. Употребление ФЕ по отношению к лицу противоположного пола:

- ФЕ *вольный казак* используется при описании женщины: «*Она росла*

вольным казаком, не признавая над собой никакого начала) (Родина, 2008);

- ФЕ *девичья память* употребляется не только как сугубо женская характеристика, но и как мужская (хотя и формулирует высказывание журналист женского пола): *«Еще пару дней такой "девичьей памяти", и пусть он только попробует...»* (Аргументы и факты, 2004.03);

- фразеологический оборот *кисейная барышня*, изначально употреблявшийся в отношении провинциальных достаточно пустых и сентиментальных девушек дворянского происхождения, со временем стал «эталоном беспомощного, избалованного человека, а также человека с узким, ограниченным кругозором» [12]. Несмотря на то что значение фразеологизма на современном этапе развития языка не связывается напрямую с образом женщины, его компонент *барышня* все же указывает на такую связь. Поэтому употребление ФЕ *кисейная барышня* по отношению к лицу мужского пола отличается от стереотипного представления о мужчине, чем можно объяснить использование отрицательной конструкции в подобных контекстах (*«Каратист – это не «кисейная барышня» (Боевое искусство планеты), 2003.10»*), а уж прямая отнесенность к мужчине тем более обращает на себя внимание (*«... блюдо с изображением Сен-Жюста ..., по сравнению с которым и Марат, и даже Робеспьер – кисейные барышни»* (Аргументы и факты, 2006.11)).

Отдельного рассмотрения среди единиц данной группы требуют ФЕ *сильный пол – слабый пол*, с одной стороны, отражающие древнюю архетипическую оппозицию, с другой – служащие объектом активных семантических трансформаций в современной медиаречи. В основе данного противопоставления лежит признак силы – физической и интеллектуальной, – и именно он служит отправной точкой для переосмысления роли мужчины и женщины в социуме.

Несмотря на обилие в публицистических текстах контекстов, в которых *сильный пол* называет мужчину, а *слабый пол* – женщину, такое соотношение не является однозначным для русского человека. Как замечает В. Н. Телия, Н. А. Некрасовым был воссоздан богатырский идеал женщины (*«Коня на скаку остановит, В горящую избу войдет»*), сложившийся еще в Древней Руси [3, с. 262-263]. Отправной точкой современного переосмысления данной оппозиции можно рассматривать развитие феминистского движения во второй половине XX в.

В медиатекстах находим примеры переосмысления представлений о силе, физическом и интеллектуальном превосходстве мужчин: от констатации такого положения (*«представители сильного пола начали во всем уступать женщинам»* (Известия, 2018.03)), указания на спорность силы мужчин (*«слабости сильного пола»»* (Известия, 2018.12); *«так называемый сильный пол»»* (Ведомости, 2017.03)) – до соотнесения ФЕ с лицом противоположного пола (*«Женщины – сильный пол»»* (Известия, 2016.08)).

Параллельно переосмысливается в медиаречи и содержание ФЕ *слабый пол*: опровергается его слабость (*«давно не слабый пол»»* (Vesti.ru, 2013.03)), отражается тенденция перераспределения ролей в социуме (*«Так называемый слабый пол начинает иногда доминировать над мужчинами»* (Аргументы и факты, 2006.09)), подчеркивается значимость женщин в современном мире (*«слабый пол – мощный резерв развития страны»* (Парламентская газета, 2018.12)), отмечается переход такой номинации к мужчине (*«слабый пол на самом деле – мужчины»* (Аргументы и факты, 2001.01)). (Подробнее об особенностях употребления ФЕ с компонентами *пол, род, половина* см. [13]).

Выводы

Фразеологический фонд языка выступает важным источником для изучения культурных смыслов, представлений,

накопленных носителями языка на протяжении развития общества, о ролях мужчины и женщины в социуме, особенностях их поведения, традиционных ожиданиях, с ними связанных, о восприятии мужского и женского обыденным русским сознанием.

Специфическим материалом для изучения актуальности таких представлений служат примеры использования в современной медиаречи гендерно маркированных фразеологических единиц. Такие устойчивые сочетания содержат компоненты, называющие маскулинные / феминные признаки, или же соотносятся со сферами мужского / женского по целостному значению оборота.

Одной из тенденций употребления названных фразеологизмов на современном этапе развития языка выступает нейтрализация их гендерной отнесенности. Этот процесс имеет несколько форм проявления.

Нейтрализация гендерной отнесенности фразеологизма может быть отражена в словарном толковании, содержащем указание на человека / людей вообще, без дифференциации пола (при наличии в составе устойчивого сочетания гендерно маркированного компонента): *Иван, не помнящий родства, Фома неверующий, базарная баба* и др.

Нейтрализация гендера может происходить на грамматическом уровне – при сочетаемости фразеологического оборота с объектом противоположного ожи-

даемому пола: в медиатекстах встречаем случаи употребления ФЕ *мальчик на побегушках* в отношении объекта женского рода, а *спящая красавица* – мужского рода.

На семантическом уровне нейтрализация гендерной отнесенности фразеологизма наблюдается в контекстах, когда оборот используется для характеристики лица противоположного пола. Так, ФЕ *вольный казак* встречается при описании женщины, *девичья память* – как мужская характеристика, *кисейная барышня* соотносится с поведением мужчины как напрямую, так и в отрицательной конструкции. Кроме того, к данному типу гендерной нейтрализации относятся многочисленные примеры употребления ФЕ *сильный пол – слабый пол*, фиксирующие процесс переосмысления связи физического и иного превосходства исключительно с маскулинностью, а слабости – с феминностью, перераспределения ролей мужчин и женщин в социуме.

Выявление способов нейтрализации гендерной отнесенности фразеологизмов вносит вклад в исследование проявлений гендера во фразеологии. Описание современного фразеопотребления важно в плане констатации постоянства в языковом сознании сложившихся гендерных стереотипов и сдвигов в их восприятии, а также аккумуляции данных о механизмах оперирования идиоматикой и развитии фразеологического значения.

Список литературы

1. Зыкова И. В. Способы конструирования гендера в английской фразеологии. М.: Едиториал УРСС, 2003. 232 с.
2. Волошина К. С. Фразеологизм как средство концептуализации понятия «гендер»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нальчик, 2010. 25 с.
3. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.
4. Смирнова Г. В. Выражение гендера во фразеологизмах французского и русского языков // Вестник МГЛУ. 2015. Вып. 12 (723). С. 197-204.

5. Соловьева Н. С. Динамика гендерных стереотипов в английской и русской языковых картинах мира (на материале фразеологии): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2008. 20 с.
6. Степыкин Н. И. Способы структурно-содержательного моделирования лингвокультурного концепта: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2011. 24 с.
7. Степыкин Н. И. Потенциал применения формализованных параметров для моделирования речевого действия // Научный диалог. 2021. № 8. С. 112-127. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-8-112-127>.
8. Попова Г. В. Система ценностных характеристик современного любовного романа // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2014. № 4. С. 29-37.
9. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. М.: Олма Медиа Групп, 2007. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/>
10. Газетный корпус русского языка // Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/search-paper.html>.
11. Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь: ок. 6000 фразеологизмов / под ред. В. М. Мокиенко. 3-е изд., испр. и доп. М.: Астрель: АСТ: Люкс, 2005. 926 с.
12. Фразеологический словарь русского языка / сост. Е. Н. Телия. М., 2006. URL: <https://rus-yaz.niv.ru/doc/phraseological-dictionary/index.htm>
13. Беспалова Е. А. Фразеологические маркеры гендерных стереотипов в современных СМИ (на примере группы физических характеристик) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2022. Т. 12. № 3. С. 10-22.

References

1. Zyкова I. V. *Sposoby konstruirovaniya gendera v anglijskoj frazeologii* [Ways of constructing gender in English phraseology]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2003. 232 p.
2. Voloshina K. S. *Frazeologizm kak sredstvo konceptualizacii ponyatiya "gender"*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [Phraseology as a means of conceptualizing the concept of "gender". Cand. philol. sci. abstract diss.]. Nal'chik, 2010. 25 p.
3. Teliya V. N. *Russkaya frazeologiya. Semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekty* [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguoculturological aspects]. Moscow, Shkola "Yazyki russkoj kul'tury" Publ., 1996. 288 p.
4. Smirnova G. V. *Vyrazhenie gendera vo frazeologizmah francuzskogo i russkogo yazykov* [Gender expression in phraseological units of French and Russian languages]. *Vestnik MGLU = Vestnik MGLU*, 2015, is. 12 (723), pp. 197-204.
5. Solov'eva N. S. *Dinamika gendernyh stereotipov v anglijskoj i russkoj yazykovyh kartinah mira (na materiale frazeologii)*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [Dynamics of gender stereotypes in English and Russian language pictures of the world (based on phraseology). Cand. philol. sci. abstract diss.]. Volgograd, 2008. 20 p.
6. Stepykin N. I. *Sposoby strukturno-soderzhatel'nogo modelirovaniya lingvokul'turnogo koncepta*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [Methods of structural and content modeling of a linguocultural concept. Cand. philol. sci. abstract diss.]. Moscow, 2011. 24 p.
7. Stepykin N. I. *Potencial primeneniya formalizovannyh parametrov dlya modelirovaniya rechevogo dejstviya* [The potential of using formalized parameters for modeling speech action]. *Nauchnyj dialog = Scientific Dialogue*, 2021, no. 8, pp. 112-127. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-8-112-127>.

8. Popova G. V. Sistema cennostnykh harakteristik sovremennogo lyubovnogo romana [The system of value characteristics of a modern love novel]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*, 2014, no. 4, pp. 29-37.
9. Mokienko V. M., Nikitina T. G. *Bol'shoj slovar' russkikh pogovorok* [A large dictionary of Russian sayings]. Moscow, Olma Media Grupp Publ., 2007. Available at: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/>
10. Gazetnyj korpus russkogo yazyka / *Nacional'nyj korpus russkogo yazyka*. Available at: <http://www.ruscorpora.ru/search-paper.html>.
11. Biriĭ A. K., Mokienko V. M., Stepanova L. I. *Russkaya frazeologiya. Istoriko-etimologicheskij slovar': ok. 6000 frazeologizmov*. Moscow, Astrel': AST: Lyuks Publ., 2005. 926 p.
12. *Frazeologicheskij slovar' russkogo yazyka* [Phraseological dictionary of the Russian language]; ed. by. E. N. Teliya. Moscow, 2006. Available at: <https://rus-yaz.niv.ru/doc/phraseological-dictionary/index.htm>
13. Bepalova E. A. Frazeologicheskie markery gendernykh stereotipov v sovremennykh SMI (na primere gruppy fizicheskikh harakteristik) [Phraseological markers of gender stereotypes in modern media (by the example of a group of physical characteristics)]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*, 2022, vol. 12, no. 3, pp. 10-22.

Информация об авторе / Information about the Author

Беспалова Екатерина Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: kbespalova@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-7218-0635, Researcher ID: ABG-7397-2021

Ekaterina A. Bepalova, Cand. of Sci. (Phylological), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: kbespalova@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-7218-0635, Researcher ID: ABG-7397-2021

Оригинальная статья / Original article

UDC 811.161.1'42:811.161.1'38

<https://doi.org/10.21869/2223-151X-2023-13-1-45-51>

The role of Euphemisms in Modern Political Discourse

Ekaterina N. Kondratenko¹ ✉¹Southwest State University

50 let Oktyabrya 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: ekaterina-enz@yandex.ru

Abstract

The present article is devoted to the analysis of euphemistic substitutions used in political discourse and having a particular place in mass media texts. Such studies are quite urgent because of the constant changes in the current political situation and the importance of reflecting these transformations in modern language. The purpose of this article is to study euphemisms in terms of their functioning in American political discourse. To achieve the goal, the following objectives were set: to study the concept of political discourse from different points of view, to demonstrate the veiled meaning of statements used in political texts of the media and American politicians' speeches, and to consider methods of influencing the mass consciousness of native speakers. The study is based on the ability of euphemisms not only to neutralize negative values according to generally accepted political correctness but also to change the meaning of the statement in order to achieve the necessary communicative effect. It is taken into account the phenomenon of euphemism having been studied in sufficient detail from different angles. With the aim of finding out how to use implicit influence through political euphemisms it was provided an overview of the mass media such as USA Today, The Washington Post, The New York Times, CNN International. It was revealed that euphemisms are able to hide true meaning and thereby have an impact on the opinion of society, so they can be used as manipulative language means directing the audience's attitude towards certain things in the desired way.

Keywords: euphemisms; political discourse; mass consciousness; political correctness; manipulative means.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Kondratenko E. N. The role of Euphemisms in Modern Political Discourse. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*. 2023, 13(1): 45–51 (In Russ.). <https://doi.org/10.21869/2223-151X-2023-13-1-45-51>.

Received 20.12.2022

Accepted 18.01.2023

Published 15.04.2023

УДК 811.161.1'42:811.161.1'38

Роль эвфемизмов в современном политическом дискурсе

Е.Н. Кондратенко¹ ✉

¹Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: ekaterina-enz@yandex.ru

Резюме

Настоящая статья посвящена анализу эвфемистических замен, используемых в политическом дискурсе и занимающих особое место в текстах средств массовой информации. Подобного рода исследования достаточно актуальны вследствие постоянных изменений текущей политической обстановки и важности отражения этих трансформаций в современном языке. Целью данной статьи является изучение эвфемизмов с точки зрения их функционирования в американском политическом дискурсе. Для достижения этой цели были поставлены следующие задачи: изучить концепцию политического дискурса с различных точек зрения, продемонстрировать завуалированное значение утверждений, используемых в политических текстах средств массовой информации и выступлениях американских политиков, а также рассмотреть методы влияния на массовое сознание носителей языка. Исследование основано на способности эвфемизмов не только нейтрализовать отрицательные значения в соответствии с общепринятой политкорректностью, но и изменить смысл заявления для достижения необходимого коммуникативного эффекта. Принято во внимание явление эвфемии, изученное достаточно подробно под разными углами. С целью выяснения оказания неявного влияния на массовое сознание с помощью политических эвфемизмов был проведен анализ эвфемистических замен, выполненный на основе выборки текстов из средств массовой информации, таких как USA Today, The Washington Post, The New York Times, CNN International. Выяснилось, что эвфемизмы могут скрывать истинный смысл с помощью таких методов, как неполное представление информации, совмещение реальности с предположениями и домыслами, задержка подачи фактов, заведомо неверная информация и др. Таким образом, эвфемистические замены могут оказывать влияние на взгляды общества, в результате чего могут быть использованы в качестве манипулятивных средств языка, тем самым направляя мнение получателей информации в нужное русло.

Ключевые слова: эвфемизмы; политический дискурс; массовое сознание; политкорректность; манипулятивные средства.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Кондратенко Е.Н. Роль эвфемизмов в современном политическом дискурсе // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2023. Т. 13, № 1. С. 45-51. <https://doi.org/10.21869/2223-151X-2023-13-45-51>.

Статья поступила в редакцию 20.12.2022 Статья подписана в печать 18.01.2023

Статья опубликована 15.04.2023

Introduction

The use of euphemistic substitutions in modern political discourse is of particular importance contributing to the observance of political correctness and mitigating the true state of affairs. It should be noted that political correctness is an integral part of the US ideology striving for tolerance, the equation

of rights, democratization and the elimination of discrimination. As a result, the information field is saturated with lexical units that veil concepts undesirable in society, often associated with racial, religious, gender, cultural and other differences.

The phenomenon of euphemia has been studied in sufficient detail from different an-

gles taking into account sociolinguistic and functional aspects. Scholars such as V.P. Moskvina, J.S. Neaman, Silver C. G., Rees N. A. [1, 2, 3], and others dealt with the classification of euphemisms and their role in the lexical space of language. Previously, we have already analyzed the definitions of euphemisms and their influence on the formation of value guidelines for native speakers [4].

Materials and Methods

The objective of this work is to study euphemisms in terms of their functioning in American political discourse, taking into account the methods of veiling used in political communication in order to reduce negative connotations and influence mass consciousness.

Methodological apparatus. To achieve the objective, the following methods were used: comparative analysis of excerpts from English-language media: USA Today, The Washington Post, The New York Times and CNN International served as material for the study. The choice of these publications is explained by sufficient popularity and authority among native speakers. More than 100 texts published during recent years were analyzed.

Results

Current political situation is the most relevant place for the functioning of euphemisms. This is due to the constant demonstration of military capabilities, the representation of influencing capabilities, and the strengthening of the rules of public communication behavior. In this regard, American political discourse demands detailed study due to the general knowledge of the events taking place in the United States that affect the political situation in the world. The veiled meaning of euphemistic statements in American political discourse is determined by a strategy of evading truth and hiding unpleasant phenomena of reality [5].

According to one of the definitions, political discourse is a collection of any speech acts used in political debate [6, p. 6]. T. Van

Dijk [7, p. 9] understands political discourse to mean the interaction of politicians, implemented in the form of government documents, parliamentary debates, party programs and speeches of politicians. Some scholars view political discourse in terms of its similarity to ideological discourse. So, according to Yu.A. Sorokin [8, p. 57], political discourse is a kind of ideological discourse. The difference is that political discourse is explicit and ideological - implicit.

Thus, political discourse is characterized as an essential part of socio-political relationships with its complex system of knowledge and action. At the same time, political communication is determined not only by linguistic verbal and non-verbal means but also by extralinguistic factors that are due to value characteristics and cognitive processes that occur in society. Political discourse typically includes forms of written and oral communication such as: public speaking, political shows, treaties, election campaigns, newspaper articles, comments on publications, conferences, interviews, etc. Thus, in order to study the functioning of euphemisms in political discourse, varieties of political communication aimed at a mass audience are more suitable. This task is often handled by the media that play a significant role in influencing the consciousness of native speakers.

Political discourse encapsulates certain ideological views, including the ideology of political correctness. This linguistic and cultural-behavioral phenomenon originated in the middle of the twentieth century in the United States due to the need to find lexical units suitable for a certain situation, replacing those that offend someone's feelings and dignity, infringe on rights, put a person in an uncomfortable position and discriminate against him against race, gender, social affiliation, health restrictions, appearance, etc. [9]. Politicians and journalists often have to follow the norms of political correctness in order to carry out effective communication which leads to the use of words that distort objective reality, soften and often replace

true lexical meanings [10]. As a result, the speeches of political figures contain linguistic means to hide the negative aspects of the phenomena of the surrounding world. So, in the speech of Steve Cohen, a congressman, a member of the Progressive Faction of Congress, you can notice the camouflage of negative values using positive assessment lexemes: *"They have good attitudes and good instincts and good goals. But they haven't been legislators, most of them, for a very long period of time and a lot of them have been activists and try to get things in other ways"* [11]. However, despite the use of positive connotations, the presence of implicit negative connotations hinting at the incompetence of other members of Congress is noticeable. As another example, let's give an excerpt from an article about the assistant to former US President Donald Trump: *"He earned plaudits for reducing the staff infighting and bringing some semblance of order to a White House where an open door to the Oval Office symbolized a table of organization with no clear lines of authority"* [12]. According to the text, we can see that the president's staff manager has earned praise for "earned plaudits", but then we feel critical of the situation due to the expressions "some semblance" - a kind of order and "with no clear lines of authority" - without strong positions of power.

Pre-election political discourse also uses veiled subtexts to influence mass consciousness. So, in the political debate for the post of mayor of New York, one of the candidates says the following: *"We don't need a manager, we need a visionary"* [13] hinting that his opponent, who worked as an agency manager before the election, is not suitable for the role of head of such a large city. Also of interest is a quote from The Washington Post: *"...Trump was getting advice about blocking certification of the election from a lawyer he had first seen on television and the president's actions were so unsettling that his top general and the House speaker discussed the nuclear chain of command"* [14], demonstrating an ironically negative

attitude towards former US President Donald Trump. Often in pre-election political discourse it can be found distrust of the statistics received on a particular issue: *"The question is why voters are reluctant to support the Republicans, and how much we should read into such data"* [15]. According to the article, voters should not blindly rely on such an American-respected approval rating and question the data obtained from a population survey. Thus, it is covertly implied that statistics may be adjusted to reflect incorrect information.

At present, the influence of political correctness on the lexical composition of the language is obvious. According to D. Adler, the main trend in modern English is its inclusive nature, the desire not to offend anyone when using any careless word or expression [16]. Thus, lexical units that go beyond politically correct views, in order to avoid infringement of someone's rights, are replaced by new "inclusive" concepts.

Political euphemisms are also characterized by the formation of the binary opposition of "one's own vs. other's". [17, p. 77]. This contrast is formed on an axiological basis, having "one's own" on the positive side of the scale, and "other's" on the opposite, i.e. negative. Such distribution is highly inherent in political discourse, within which conflict situations and foreign policy relations are implemented. It will be relevant to give an example of the confrontation between the United States and Russia, in particular, during the recent events related to hacker attacks on American sites. Obviously, in the texts of the American media, the US government is on the positive side, while the Russian one is on the negative side, as evidenced by the following excerpt from CNN: *"Russia is conspicuously absent from the meetings as the White House tries to make progress in bilateral talks with Moscow"* [18]. Based on the content of the passage, Russian representatives are absent from meetings dedicated to solving the problem of virus attacks which seems to indicate disrespect for the North American partner.

In turn, representatives of the White House are trying to make progress in bilateral negotiations with Moscow, which, apparently, should position them in a positive and evaluative context. A similar situation is observed in the review of the analysis of data on the approval rating of the main political parties of the United States. The party obviously supported by the publication appears on the positive side, while opponents are criticized, which leads to biased coverage of the election race: *“A likely culprit appears to be the Supreme Court overturning Roe v. Wade, which has coincided with Democrats’ sudden streak of special-election success. Another possibility is that the investigation into the top-secret and other documents found at Trump’s Mar-a-Lago estate is keeping the focus on his own party and its liabilities — perhaps in some combination with weak and ideologically extreme GOP candidates dominating the headlines”* [15].

Discussion

An important aspect of the use of euphemisms is their manipulative function which allows an implicit influence on mass consciousness. We agree with S.G. Kara-Murza [19] that the manipulative function in this case is based on the following techniques:

- incomplete provision of information in the case of advertising only a certain part of the genuine data, as a result of which the distribution of the reality picture occurs unevenly;
- combining reality with assumptions and speculation, which provokes difficulties in perceiving the text and separating incorrect information from correct information;
- delayed filing of facts, delaying the voicing of this state of affairs until this information becomes irrelevant;
- deliberately incorrect but predictable news, the content of which meets the expectations of the audience.

Thus, in the process of using euphemistic substitutions in political discourse, which reveals a certain type of manipulation, the

nature of the perception of denotate changes. The given examples, taken from media texts, vividly demonstrated the ability of euphemisms to help hide true meaning and thereby influence the opinion of society. Therefore, the imposition of political views and assessments of events takes place implicitly and contributes to the formation of substitution concepts.

Conclusion

Thus, the examples of euphemization in political discourse given by us demonstrate the manipulative function of euphemisms by means of belittling, hidden or explicit criticism, veiling or softening of negative phenomena, as well as the opposition of “one’s own vs. other’s”. An analysis of American mass media shows that problems related to internal government relations, election campaigns, as well as foreign policy issues, tend to become key topics in newspapers texts. The latter, in turn, being part of political discourse, often embellish reality, adhere to the rules of political correctness, have an orientating effect on mass consciousness and contribute to the spread of certain views and ideas.

Consideration of methods of influencing the mass consciousness of native speakers confirmed that euphemisms can hide the true meaning using methods such as incomplete provision of information, combining reality with assumptions and speculation, delay in the submission of facts, deliberately incorrect information, etc. Thus, euphemistic substitutions can influence the views of society, as a result of which they can be used as manipulative means of language, thereby directing the opinion of recipients of information on the right track. We can conclude that the functioning of euphemistic substitutions in American political discourse is due to the replacement of words or expressions that do not meet the communicative goals of the author of the text with more suitable ones. As a result, there is an exclusion of direct nomination of phenomena that can cause a negative reaction, hurt feelings or

violate the rights of the recipient. Euphemisms of this kind are often used as manipu-

lative language tools that can direct the audience's opinion in the right way.

References

1. Moskvina V.P. *Jevfemizmy v leksicheskoy sisteme sovremennogo russkogo yazyka* [Euphemisms in the lexical system of the modern Russian language system]. Moscow, LENAND Publ., 2010. 264 p.
2. Neaman J.S. and Silver C.G. *Kind Words: Thesaurus of Euphemisms. Expanded and Revised Edition*. New York: Facts on File, 1990. 373p.
3. Rees N.A. *Man about a Dog. Euphemisms and Other Examples of Verbal Squeamishness*. London: Harper Collins Publ. Ltd. 2006. 417 p.
4. Kondratenko E.N. Jevfemizmy i disfemizmy kak blizkie po znacheniju slova (na materiale novostnyh portalov seti internet) [Euphemisms and dysphemisms as words close in meaning (based on the material of news portals of the Internet)]. *Teoriya yazyka i mezhkulturnaya kommunikaciya = Theory of language and intercultural communication*, 2018, no. 4(31), pp. 123-128.
5. Baskova Y.S. *Manipulyaciya v yazyke SMI: evfemizmy kak "slova-prikrytiya"* [Media language manipulation: Euphemisms as "cover words"]. Krasnodar, KSIEI Publ., 2009. 182 p.
6. Baranov A.N., Kazakevich E.G. *Parlamentskie debaty: traditsii i novatsii* [Parliamentary debate: traditions and innovations]. Moscow, Knowledge Publ., 1991. 64 p.
7. Dijk T.A. *Van Discourse and context. A sociocognitive approach*. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 267 p.
8. Sorokin Yu.A. *Politicheskij diskurs: popytka istolkovaniya ponyatiya* [Political discourse: an attempt to interpret the concept]. *Politicheskij diskurs v Rossii. Materialy rabochego soveshchaniya* [Political discourse in Russia: Materials of a working meeting]. Moscow, NIOPIK Publ., 1997, pp. 57–62 (In Russ.).
9. Ionin L.G. *Obshchestvo menshinstv: politkorrektnost' v sovremennom mire* [Minority Society: political correctness in the modern world]. Moscow, Izdat. dom gos. un-ta Publ., 2010. 43 p.
10. Budaev E.V., Chudinov A.P. *Metafora v politicheskoy kommunikacii* [Metaphor in political communication]. Moscow, Flint Publ., 2008. 248 p.
11. "Close the deal": Biden struggles to unite Democrats behind his economic agenda. *USA Today*, October 1, 2021. Available at: <https://www.yahoo.com/now/close-deal-biden-struggles-unite-090134364.html> (accessed 10.10.2022).
12. White House under John Kelly is not so calm and competent after all. *The Washington Post*, February 10, 2018. Available at: https://www.washingtonpost.com/politics/white-house-under-john-kelly-is-notso-calm-and-competent-after-all/2018/02/10/fdc217f4-0df0-11e8-8b0d891602206fb7_story.html (accessed 10.10.2022).
13. N.Y.C. Mayor's race tigers ahead of crucial in-person debate. *The New York Times*, June 2, 2021. Available at: <https://www.nytimes.com/2021/06/01/nyregion/mayor-race-debate-nyc.html>
14. Trump's false election claims in focus in Va. governor race. *The Washington Post*, October 08, 2021. Available at: <https://news.yahoo.com/trumps-false-election-claims-focus-231604560.html>
15. Biden critics aren't flocking to GOP like we'd expect. But why? *The Washington Post*, August 31, 2022. Available at: <https://www.washingtonpost.com/politics/2022/08/31/biden-disapproval-voters-democrats/>

16. Adler D. *Bor'ba protiv politicheskoy korrektnosti* [The struggle against political correctness]. America. Moscow: Publishing House of the US Embassy in Moscow, 1994, no. 442, pp. 5-11.
17. Burridge K. Political Correctness: Euphemisms with attitude. *English Today*, 1996, vol. 12(3), pp. 42-43. <https://doi.org/10.1017/s0266078400009159>
18. US calls on Russia to do more to crack down on ransomware groups as White House hosts meeting with allies. *CNN*, October 13, 2021. URL: <https://edition.cnn.com/2021/10/13/politics/whitehouse-ransomware-meeting/index.html> (accessed 10.10.2022).
19. Кара-Мурза С.Г. Демонтаж народа. Учебник межнациональных отношений. М.: Алгоритм, 2015. 704 с.

Информация об авторе / Information about the Author

Кондратенко Екатерина Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: ekaterina-enz@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-9259-5616,
Researcher ID: R-1563-2017

Ekaterina N. Kondratenko, Cand. of Sci. (Philological), Associate Professor of the Department of Foreign Languages, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: ekaterina-enz@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-9259-5616,
Researcher ID: R-1563-2017

УДК 81`42

<https://doi.org/10.21869/2223-151X-2023-13-1-52-61>

Политкорректная шутка: миф или реальность? (структурный анализ одного стендап-шоу)

Е.Ф. Косиченко¹✉, Г.В. Попова²

¹ Национальный исследовательский университет «МЭИ»

ул. Красноказарменная, д. 14, г. Москва 111250, Российская Федерация

² Юго-Западный государственный университет

ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: ekosichenko@gmail.com

Резюме

В статье осуществляется структурный анализ одного стендап-шоу известного британского комедианта Джимми Карра, позволяющий продемонстрировать, что, поскольку в основе наиболее востребованных и популярных шуток, как правило, лежит бинарная оппозиция «свой–чужой», явление политической корректности не может в полной мере распространяться на юмористический дискурс. Актуальность проводимого исследования определяется необходимостью более полного и всестороннего изучения политической корректности как лингвофилософской и лингвокультурологической категории, описания средств ее актуализации в разных типах дискурса, в том числе с целью изучения ее природы, которая противоречит бинарному по своей природе мышлению человека. В обзорной части статьи освещается ряд событий, способствовавших закреплению словосочетания «политическая корректность» в английском языке, рассматривается роль бинарной оппозиции «свой–чужой» как модели взаимодействия человека с миром. Новизна исследования состоит в том, что при анализе ряда фрагментов видеоролика Дж. Карра впервые метод структурного анализа использован для выявления элементов, репрезентирующих оппозицию «свой–чужой» в современном юмористическом дискурсе. В статье также использованы методы дискурсивного и контент анализа, позволяющие установить актуальные темы современного юмористического дискурса. В теоретическом отношении проведенный анализ позволяет предположить, что, поскольку по своей сути политическая корректность языка противоречит природе юмора, она в значительной степени несовместима с юмористическими жанрами. В этой связи в заключительной части статьи ставится вопрос о том, насколько активная тенденция к политической корректности способна выводить за рамки юмористических жанров определенные темы и создавать опасность их постепенного вымирания. Отмечается, что наблюдаемая в проанализированном материале положительная реакция аудитории на шутки, затрагивающие табуированные темы, дает основания полагать, что человеческая потребность в такого рода юморе может способствовать постепенному спаду тенденции к политкорректности.

Ключевые слова: стендап-шоу; тематический юмор; юмористический дискурс; политическая корректность языка; оппозиция «свой–чужой»; бинарное мышление.

Конфликт интересов: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Косиченко Е.Ф., Попова Г.В. Политкорректная шутка: миф или реальность? (структурный анализ одного стендап-шоу) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2023. Т. 13, № 1. С. 52-61. <https://doi.org/10.21869/2223-151X-2023-13-1-52-61>.

Статья поступила в редакцию 25.02.2023

Статья подписана в печать 27.03.2023

Статья опубликована 15.04.2023

© Косиченко Е.Ф., Попова Г.В., 2023

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика / Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics. 2023; 13(1): 52-61

A Politically Correct Joke: Myth or Reality? (Structural Analysis of a Stand-up Comedy Show)

Elena F. Kosichenko¹ ✉, Galina V. Popova²

¹ National Research University «Moscow Power Engineering Institute»
Krasnokazarmennaya, Str. 14, Moscow 111250, Russian Federation

² Southwest State University
50 let Oktyabrya 94, Kursk 305040, Russian Federation

e-mail: ekosichenko@gmail.com

Abstract

The article describes the results of structural analysis of a stand-up comedy by the famous British comedian Jimmy Karr to show that political correctness has hardly affected humorous discourse. The study is relevant as it contributes to further linguophilosophic, linguocultural and discursive investigations into political correctness that, according to the authors, contradicts the natural tendency of humans to think in binaries. Stressing that the humorous is based on the binary opposition of Self/Other, the authors question the very chance for a successful joke to be politically correct. The theoretical part of the article highlights a number of events that at different times contributed to the evolvment and spread of political correctness, considers the model Self/Other in terms of people's interaction with the world and with regard to its manifestation in humorous discourse. The methods of structural, discourse and content analysis serve to reveal the linguistic means of representing the opposition Self/Other in contemporary humorous discourse and to identify a number of its elements. The results of analysis show that the growing tendency for political correctness has to some extent affected the thematic aspect of the humorous, however, they give ground to hypothesize that human desire for this kind of jokes will gradually reverse the currently increasing tendency.

Keywords: stand up show; thematic humour; humorous discourse; political correctness of language; opposition «self– other»; binary thinking.

Conflict of interest: The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Kosichenko E.F., Popova G.V. A Politically Correct Joke: Myth or Reality? (Structural Analysis of a Stand-up Comedy Show). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*. 2023, 13(1): 52–61 (In Russ.). <https://doi.org/10.21869/2223-151X-2023-13-1-52-61>.

Received 25.02.2023

Accepted 27.03.2023

Published 15.04.2023

Введение

В данной статье мы решили обратиться к юмористическому жанру стендап-комедии, характерной чертой которого является сольное выступление комика, представляющего в юмористическом и часто ироническом свете разнообразные жизненные ситуации, и рассмотреть отдельные шутки в свете распространяющегося по всему миру явления политической корректности. С одной стороны, на фоне активного проникновения идей по-

литической корректности в разные сферы общественной жизни все более заметным становится процесс постепенного искоренения шуток на, так называемые, политически некорректные темы из различных типов дискурса, например, профессионального или медийного. С другой стороны, все чаще возникают ситуации, в которых люди открыто высказываются в поддержку комиков и шоуменов, продолжающих шутить на запретные темы. Так, предпринятое нами за рамками данной статьи исследование показало, что

наиболее часто встречающимися являются сегодня английские шутки на темы проблем большого города, офисной работы, взаимоотношений отцов и детей, алкоголизма. Одновременно мы установили, что на канале YouTube существует ряд программ, в которых комедианты высказываются против проникновения политической корректности в сферу юмора. В качестве примера приведем камедишоу «White man tells black jokes»¹ («Белый человек рассказывает шутки про темнокожих»), набравшую за 2022 г. 686 тыс. просмотров и получившую 19 тыс. лайков. Комментарии 595 тыс. подписчиков сводятся в основном к тому, что юмор по определению не может быть расистским и что в прошлом люди были более счастливы, поскольку имели возможность открыто подсмеиваться друг над другом, не опасаясь преследований.

Ни в коем случае не отрицая важности и необходимости уважительного взаимодействия между представителями различных расовых, этнических и социальных групп, мы полагаем, что навязывание определенного языкового кода не может решить проблемы, причины которых связаны не столько с историей человечества (культурный фактор), сколько с определенным типом мышления человека, оперирующего бинарными оппозициями и испытывающего потребность в делении мира на «своих» и «чужих».

Таким образом, проводимое исследование имеет целью показать, что по своей сути политическая корректность противоречит характерной для мышления человека двоичности мировосприятия, а также поставить вопрос о возможности мирного сосуществования политической корректности как искусственно навязанной формы вербального поведения, с одной стороны, и потребности человека в смешном, которое в значительной степени определяет его физическое, психоло-

гическое и социальное благополучие, с другой стороны.

Политическая корректность языка: история вопроса

Обращение к вопросу о происхождении термина «политическая корректность» не позволяет точно установить время и место его возникновения. По некоторым источникам наиболее раннее упоминание словосочетания «политическая корректность» относится к концу VIII в. и связано с его использованием в Верховном суде США в деле о праве американских граждан привлекать к судебной ответственности местные органы власти. В речи адвоката, ведущего это дело, акцент делается на том, что в своих решениях федеральные власти прежде всего руководствуются интересами различных органов государственного управления, вместо того, чтобы уделять больше внимания интересам людей, для которых и создаются такого рода структуры. С точки зрения адвоката, ситуация, при которой интересы людей подчинены интересам государства и в центре внимания оказывается искусственно созданная структура, а не живой человек, является политически некорректной: 'It presents only the artificial person, instead of the natural person who spoke into existence <...> This is not politically correct'².

Распространение словосочетания «политическая корректность» и его закрепление в качестве термина целого ряда гуманитарных дисциплин, по всей видимости, связано с некоторыми политическими событиями, имевшими место прежде всего в США. Так, в начале XX в. выражение «политическая корректность» широко использовалось представителями левых партий США как средство политической борьбы за коммунистические идеалы; в 1970-х и 1980-х гг. оно стало активно употребляться американскими цен-

¹ (1) WHITE Man Tells BLACK Jokes - YouTube

² URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/2/419/>

тристами для выражения иронического отношения к крайне левым взглядам; в начале 1990-х данное словосочетание вошло в лексикон правых политических сил США для выражения уничижительной оценки в адрес новой идеологии, зарождавшейся в американских университетах и поддерживаемой левыми СМИ.

Важным этапом закрепления выражения «политическая корректность» в качестве термина стало сделанное президентом Джорджем Бушем в мае 1991 г. обращение к учащимся Университета Мичигана, в котором говорилось, что идеи, зародившиеся в американских университетах, несут угрозу всему американскому обществу. В частности, Дж. Буш отметил, что распространение понятия политической корректности ведет к преследованиям, цензуре и травле в американских университетах, и таким образом право на свободу слова нарушается в угоду соблюдения гражданских прав женщин и различных меньшинств, что способствует разжиганию конфликтов по всей стране:

‘The notion of political correctness has ignited controversy across the land <...> leads to inquisition, censorship, bullying <...> free speech <...> subordinated to the civil rights of women and minority members¹.

Несмотря на то, что политическая корректность очевидно представляет собой коммуникативное явление, требующее обдуманного употребления вербальных, паравербальных и невербальных средств коммуникации, включая позу тела, жесты, дистанцию между собеседниками, в современных русско- и англоязычных словарях акцент делается на языковой стороне данного понятия. Например, в Кембриджском словаре подчеркивается необходимость избегать употребления языка, способного нанести

обиду человеку, особенно в вопросах гендера, его расовой и этнической принадлежности, а также в области взаимоотношений между полами: «the act of avoiding language and actions that could be offensive to others, especially those relating to sex, gender, and race»².

На преимущественно языковой характер политической корректности указывают также исследования отечественных и зарубежных лингвистов, отмечающих, что основным способом достижения политической корректности языка выступает эвфемизация, связанная с заменой стилистически маркированных лексических средств на нейтральные [1; 2; 3]. При том, что наиболее ранними, и потому наиболее привычными, формами политической корректности являются гендерная, расовая и этническая корректность, в последнее время тенденция к эвфемизации распространилась также на лексику, обозначающую некоторые физические недостатки человека или его уязвимое социальное положение. Так, вопреки особой значимости гендерных различий в формировании картины мира разных народов, различных языков и культур [4], в современном английском языке наблюдается повсеместное употребление гендерно нейтральных слов *human / human kind / person / people* вместо привычных английских архилексем *man / men*. Как для английского, так и для русского языков стало привычным употребление следующих эвфемистических выражений: *impaired people, people with special needs, unseeing, overweight people, less fortunate, low-income, socially disadvantaged, etc.*; *лица с ограниченными возможностями здоровья, слабослышащие, слабовидящие, хозяйка кассы, менеджер по клинингу, менеджер по погрузке*, др.

Таким образом, политическая корректность все глубже проникает в раз-

¹ URL: <https://www.nytimes.com/1991/05/05/us/bush-sees-threat-to-flow-of-ideas-on-us-campuses.html> (дата обращения 04.02.2023)

² Cambridge dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/political-correctness> (дата обращения 04.02.2023)

личные области социальной и культурной жизни людей, в том числе в область смешного, в известной степени определяя темы современных шуток, анекдотов и юмористических программ.

Результаты и обсуждение

Юмор как средство актуализации бинарной оппозиции «свой–чужой»

Универсальность бинарных оппозиций и их основополагающая роль в формировании и развитии культур обусловлены двоичностью восприятия человеком окружающего мира, что в свою очередь объясняется чисто физиологическими причинами, а именно двуполушарным характером мозга человека, наличием у него двух рук, ног, глаз, ушей [5]. Доказано, что бинарные оппозиции не только составляют основу всех областей общественно-культурной жизни, но также влияют на то, как человек перерабатывает информацию и анализирует окружающий мир, по сути раскладывая его на противоположные, но взаимосвязанные элементы, и таким образом пытаюсь его упорядочить [6; 7; 8].

Рассматриваемая в данной статье оппозиция «свой–чужой» занимает, на наш взгляд, особое место в ряду других оппозиций, систематизирующих различные аспекты бытия, например, «верх–низ», «небо–земля», «день–ночь», «свет–мрак», «лето–зима», «белый–черный», «природа–культура», «мужской–женский» и др. В обзорной статье, посвященной истории изучения оппозиции «свой–чужой», В.К. Егоров подчеркивает тот факт, что данная дихотомия связана с проблемой идентификации и самоидентификации ее субъектов, которые могут быть как групповыми, так и смешанными, особо отмечая важность культурных традиций, мифов, стереотипов, т.е. всего того, из чего складывается облик «своих» и «чужих». Отражая различные аспекты религиозной, психологической, научной, эстетической, мыслительно-эмоциональной деятельности, данная оппозиция проявляет-

ся, прежде всего в институциональных дискурсах, но также в масс-медийном, бытовом, культурном дискурсах, позволяя людям объединяться в социальные, этнические, демографические и другие группы для более комфортного существования [9]. Полностью разделяя приведенную точку зрения, выскажем мнение о том, что, как и многие другие значимые психологические и социокультурные явления, различные виды смешного (за исключением некоторых шуток, основанных на лексической несочетаемости, омонимии или полисемии) базируются на оппозиции «свой–чужой», чем, возможно, и объясняется популярность шуток, акцентирующих гендерные, национальные, расовые, религиозные различия. Способность человеческого мышления идентифицировать себя с той или иной группой способствует частичному избавлению человека от страхов, психологического дискомфорта и социальной изоляции.

О том, что шутки на темы расовых, этнических и гендерных различий позволяют человеку испытать удовольствие, связанное с переживаемым чувством превосходства, и таким образом получить физиологическую разрядку, чувство психологической и социальной защищенности, писали еще философы прошлых столетий [10; 11; 12; 13; 14]. Не менее смешными традиционно являлись шутки, связанные с физическими недостатками людей. Например, Г. Спенсер приводит в качестве смешной ситуацию, в которой страдающий излишней полнотой Гиббон не смог подняться с колена, после того как сделал даме сердца предложение о замужестве [14]. Таким образом, шутки на темы, являющиеся в современном мире табуированными, ранее рассматривались как необходимое условие комфортного существования людей в социуме, поэтому наложение ограничений на отдельные темы может отчасти решить вопрос о психологическом комфорте конкретных людей, но при этом способство-

вать усугублению соответствующих социальных проблем.

В следующем разделе статьи мы обратимся к выступлению известного британского комика Джимми Карра, на основе которого определим, какие шутки являются смешными для современных англичан.

Анализ фрагментов стендап-шоу

Слово «стендап» было заимствовано русским языком из английского языка (stand up), где одним из его значений является «performed by a single person telling jokes and funny stories on stage»¹. Таким образом, стендап – это сольная юмористическая программа, в которой комик обращается напрямую к аудитории, важным элементом данного комического жанра является непосредственное взаимодействие актера с аудиторией.

Анализируемое шоу представляет собой 14-минутную версию полуторачасового выступления Дж. Карра, размещенную на канале YouTube в 2022 г.² Первый фрагмент начинается с попытки комика установить контакт с аудиторией, для чего он задает вопрос, есть ли в зале уэльсцы. Получив утвердительный ответ из зала, выступающий сообщает, что он любит уэльсцев и любит валлийский язык, прежде всего за его написание и звучание, и далее делится соображением о том, что валлийский язык придумал человек, который не мог разгадать в кроссворде слово, начинающееся с трех «л»:

Any Welsh people? <...> I'm loving the Welsh. I like the Welsh language <...> because it was clearly invented by a dad losing at scrabble. <...> It's clear what happened there 'It's not a word, it starts with three Ls' (0.00 – 0.24).

Далее Дж. Карр припоминает ситуацию, в которой он оказался, когда высту-

пал в валлийском городе Лландидно, и грозный человек из зала назвал его дураком за то, что он неверно произнес название города, которое следует произносить как «кландидно», поскольку согласно правилам валлийского языка два начальных «лл» произносятся как «кл», при этом первой буквой является буква [si:]

Have you ever been to Llandudno? <...> It's a lovely town, I was staying there doing a show. Go on stage, say "lovely to be in Llandudno. This guy from the centre where you are sitting now, face like f*...ing thunder, "It's not Llandudno, you bloody fool, it's [klandidno], in Wales the double [l] is pronounced with a [si:] (0.45–1.12).

Таким образом, первая шутка популярного комика, вызвавшая положительную реакцию зала, касается иронического отношения англичан к языку своих ближайших соседей и сограждан. Отметим, что данная шутка сопровождается паравербальными и невербальными средствами создания комического эффекта, выраженными в попытках Дж. Карра воспроизвести валлийский акцент и характерную для уэльсцев мимику. Паравербальные и невербальные средства юморизации используются и далее, также с целью связывания различных фрагментов шоу (подробнее о средствах когезии в поликодовом тексте см. [15]).

Следующая часть размещенного в интернете выступления посвящена шуткам на тему различий между бедными и богатыми. В частности, Джимми Карр озвучивает мысль о том, что проводить отпуск путешествуя с караваном – это способ сообщить своим детям о своей бедности:

Caravan holidays.... Caravan holidays are a fun way of telling your kids you are poor (1.45 – 1.50).

Приемом перехода к следующему фрагменту выступления является обращение комика с двумя женщинами во втором ряду. Сначала Дж. Карр задает одной из них, по имени Камилла, вопрос о том, чем она занимается, и предполагает, что

¹ URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/stand-up>

² URL: https://www.youtube.com/watch?v=9c_RdAVDgaU

ее занятия зависят от конкретного парня. Далее следует шутка по поводу того, что женщина одета, как если бы она пришла в театр, а не на комеди шоу. Узнав, что рядом с Камиллой сидит ее дочь, Дж. Карр замечает, что они очень похожи и выглядят как сестры, и что, в отличие от дочери, мать выглядит очень молодо:

‘What do you do Kamila? Of course, it depends on a guy (2.35 – 2.38) <...> You look all dressed up for this kind of show <...> It’s your mum? Ah, you even look like, as if you could be sisters. You look young, she looks f*...ing old (2.45 – 3.13).

Далее следуют шутки на другие темы. Заметив пластырь на лице мужчины в одном из первых рядов Дж. Карр шутит на тему насилия в семье; затем поднимает вопрос о качестве еды в сети ресторанов Макдоналдс, делая особый упор на том, что данная сеть общепита называется сетью ресторанов; далее иронизирует в адрес бесплатного американского журнала L Magazine, печатающего советы на тему секса, которые комедиант комментирует в достаточно откровенных словах и жестах; затем он сообщает залу о том, что известный британский телеведущий и продюсер Саймон Коуэлл тратит полмиллиона фунтов ежегодно на личную безопасность; наконец, переходит к теме порнографии и к теме однополых взаимоотношений между священниками, на которой мы остановимся более подробно.

Обращение к теме однополых взаимоотношений в церковной среде начинается с прямого вопроса к аудитории, есть ли среди присутствующих «голубые» священники. Получив реакцию в виде взрыва хохота, комик высмеивает однополые браки, возможность для однополых людей стать родителями, отпускает несколько шуток, касающихся отношения «голубых» священников к Иисусу Христу и высказывает предположение, что Иисус был ориентирован на мужчин, свидетельством чего 12 апостолов. В конце фрагмента Дж. Карр задается вопросом о возможности для женщины быть назначен-

ной на должность епископа. Отметим, что все шутки на данную тему сопровождаются взрывами смеха и аплодисментами.

Any gay priests in? <...> There is a collective noun for gay priests – ‘priests’ <...> Oh, come on, Jesus was definitely a fag. Why hang out with twelve sailors? <...> The church wants to move forward on female bishops <...> (11.04 – 12.23).

В завершение анализа отметим, что данная сокращенная версия выступления набрала 218 тыс. просмотров, собрала 4.8 тыс. лайков и большое число комментариев, среди которых ‘God, I love this man, ALWAYS being a laugh to my face’, ‘Genius level comedy’, ‘Absolute comedy genius’, ‘I think he is great he’s got the best laugh’, ‘Omg! The priest piece was gold’, ‘best comedian on the planet’, ‘I love how in Britain you can just mock god willy nilly’, т.д.

Проведенный анализ позволяет назвать темы, составившие предмет шуток Дж. Карра, и в ряде случаев выделить элементы, достаточно явно репрезентирующие оппозицию «свой-чужой»: 1) характерные для валлийского языка начальные согласные «лл» как средство выражения оппозиции «англичане–уэльсцы»; 2) недорогой отдых Caravan holidays как средство выражения оппозиции «бедные–богатые»; 3) пластырь на лице мужчины как повод для темы «насилие в семье» и средство выражения оппозиции «мужчина–женщина»; 4) еда в ресторанах Макдоналдс; 5) журнал L Magazine и советы на тему секса; 6) траты Саймона Коуэлла; 7) однополые отношения в церковных кругах как средство выражения оппозиций «люди с традиционной ориентацией – люди с нетрадиционной ориентацией».

Выводы

Предпринятое исследование задумывалось авторами как попытка продемонстрировать, что в своем подавляющем большинстве люди испытывают потребность в юморе, поскольку именно смех способствует релаксации и является залогом хорошего настроения и устойчи-

вого психологического состояния. Еще самые ранние исследования в области смешного показали, что наиболее активную эмоциональную реакцию человека вызывают ситуации, позволяющие ему испытать чувство превосходства над другими людьми, в том числе путем самоидентификации, т.е. отнесения себя к некоторой социальной группе.

Относительно недавно возникнув, политическая корректность накладывает все более жесткие ограничения на использование языковых средств, способных задеть гендерные, религиозные, этнические чувства людей или прямо указывающих на их физические недостатки, социальное происхождение или социальный статус. С точки зрения защитников идеи о политической корректности языка, мировосприятие людей в значительной степени определяется тем, что они слышат и произносят, и что необдуманное использование языка способно вызвать конфликты между различными социальными группами. В связи с тем, что требования к политической корректности языка становятся все более категорическими и распространяются на все большее число сфер социальной жизни, возникает во-

прос о том, насколько область юмора изменилась под влиянием данной тенденции.

Проведенное в рамках данной статьи исследование показало, что, как и ранее, люди (в нашем случае зрители стендап-шоу и подписчики канала YouTube) с большим энтузиазмом реагируют на шутки, касающиеся половых и гендерных отношений, проблем языковой, этнической, религиозной принадлежности людей. Предпринятое нами ранее обращение к программе, где белый комик шутит на расовые темы, свидетельствует о том, что, хотя такого рода шутки все реже озвучиваются, они по-прежнему вызывают положительную реакцию большого числа людей.

Подводя итог, выскажем предположение о низкой степени вероятности того, что шутки на табуированные темы будут вытеснены требованиями к политической корректности языка по двум основным причинам: физиологическая, психологическая и социальная польза юмора; характерная для человека двоичность мировосприятия, при которой бинарная оппозиция «свой-чужой» играет важную роль.

Список литературы

1. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово/Slovo, 2000. 624 с. URL:<http://vassilenkoanatole.narod.ru/olderfiles/1/ter-minassova.pdf> (дата обращения 01.02.2023).
2. Шарапова И. В., Кобенко Ю. В. История возникновения понятия “political correctness” и способы его интерпретации // Вестник ТГПУ. 2014. 10 (151). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-vozniknoveniya-ponyatiya-political-correctness-i-sposoby-ego-interpretatsii/viewer>
3. O'Neill B. A Critique of Politically Correct Language // The Independent Review, Fall 2011, vol. 16, n. 2, , ISSN 1086–1653, Copyright © 2011, pp. 279–291 URL: https://www.researchgate.net/publication/272354414_A_critique_of_politically-correct_language
4. Евграфова Ю.А. Лингвокультурологические особенности гендерного аспекта в языковой картине мира паремий (на материале русского, английского, немецкого и итальянского языков): дис. ... канд. филол. наук. М., 2012. 207 с. EDN QGAOWL.
5. Руднев В.П. Энциклопедический словарь культуры XX века: Ключевые понятия и тексты. - 3-е изд., доп. и испр. М.: Аграф, 2009. 543 с.
6. Леви-Стросс К. Структурная антропология. М.: АСТ: Астрель, 2011. 541 с.

7. Кассирер Э. Техника современных политических мифов // Вестн. МГУ. Сер.7. Философия. 1990. № 2. С. 58–65.
8. Цивьян Т.В. Модель мира и ее лингвистические основы. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 280 с.
9. Егоров В.К. Ещё раз об оппозиции «свой-чужой» // Коммуникология. 2020. Т. 8. №1. С. 138-154. DOI 10.21453 / 2311-3065-2020-8-1-138-154.
10. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление // Собрание сочинений в пяти томах. Т. 1. 1992. URL: http://az.lib.ru/s/shopengauer_a/text_0040.shtml (дата обращения: 20.08.2022).
11. Darwin Ch. The expression of emotions in man and animals. New York. D. Appleton and Company. 1899. URL: <https://www.gutenberg.org/files/1227/1227-h/1227-h.htm#link2HCH0008> (дата обращения 01.02.2023).
12. Freud S. Jokes and their relation to the unconscious (Der Witz und seine Beziehung zum Unbewußten). New York: Penguin, 1905. URL: <https://www.sigmundfreud.net/jokes-and-their-relation-to-the-unconscious-pdf-ebook.jsp> (дата обращения 01.02.23).
13. Kant I. Critique of judgment. Indianapolis; Cambridge: Hackett Publishing Company, 1987. 576 p. URL: https://monoskop.org/images/7/77/Kant_Immanuel_Critique_of_Judgment_1987.pdf
14. Spencer H. On the physiology of laughter. 1859. URL: <https://wweverywritersresource.com/on-the-physiology-of-laughter-by-herbert-spencer/> (дата обращения 01.02.2023).
15. Евграфова Ю. А. Фокализация как средство реализации когезии в экранном тексте (на примере поликодовых-полимодальных текстов) // Ученые записки национального общества прикладной лингвистики. 2020. № 3(31). С. 29-40. EDN BPIRXE.

References

1. Ter-Minasova S. G. *Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikaciya* [Language and intercultural communication]. Moscow, Slovo/Slovo, 2000. 624 p. Available at: <http://vassilenko-anatole.narod.ru/olderfiles/1/ter-minassova.pdf> (accessed 01.02.2023).
2. Sharapova I. V., Kobenko Yu. V. Istoriya vozniknoveniya ponyatiya "political correctness" i sposoby ego interpretacii [The history of the concept of “political correctness” and the ways of its interpretation]. *Vestnik TGPU = TSPU Bulletin*, 2014, 10 (151). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-vozniknoveniya-ponyatiya-political-correctness-i-sposoby-ego-interpretatsii/viewer>
3. O'Neill B. A Critique of Politically Correct Language. *The Independent Review*, Fall 2011, vol. 16, no. 2, ISSN 1086–1653, Copyright ©2011, pp. 279–291 Available at: https://www.researchgate.net/publication/272354414_A_critique_of_politically-correct_language
4. Evgrafova Yu.A. *Lingvokul'turologicheskie osobennosti gendernogo aspekta v yazykovoj kartine mira paremij (na materiale russkogo, anglijskogo, nemeckogo i ital'yanskogo yazykov)*. Diss. kand. filol. nauk [Linguoculturological features of the gender aspect in the linguistic picture of the world of paremias (based on the material of Russian, English, German and Italian). Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 2012. 207 p. EDN QGAOWL.
5. Rudnev V.P. *Enciklopedicheskij slovar' kul'tury XX veka: Klyuchevye ponyatiya i teksty* [Encyclopedic Dictionary of Culture of the XX century: Key concepts and texts]. Moscow, Agraf Publ., 2009. 543 p.
6. Levi-Stross K. *Strukturnaya antropologiya* [Structural Anthropology]. Moscow, AST: Astrel' Publ., 2011. 541 p.

7. Kassirer E. Tekhnika sovremennyh politicheskikh mifov [Technique of modern political myths]. *Vestnik MGU. Ser.7. Filosofiya = Bulletin of the Moscow State University. Ser.7. Philosophy*, 1990, no. 2, pp. 58–65.
8. Civ'yan T.V. *Model' mira i ee lingvisticheskie osnovy* [The world model and its linguistic foundations]. Moscow, Knizhnyj dom "LIBROKOM" Publ., 2009. 280 p.
9. Egorov V.K. Eshcho raz ob oppozicii "svoj-chuzhoj" [Once again about the opposition "friend-foe"]. *Kommunikologiya = Communicology*, 2020, vol. 8, no. 1, pp. 138-154. <https://doi.org/10.21453/2311-3065-2020-8-1-138-154>.
10. Shopengauer A. Mir kak volya i predstavlenie [The world as will and representation]. *Sobranie sochinenij v pyati tomah = Collected works in five volumes*, 1992. Vol. 1. Available at: http://az.lib.ru/s/shopengauer_a/text_0040.shtml (accessed 20.08.2022).
11. Darwin Ch. The expression of emotions in man and animals. New York. D. Appleton and Company. 1899. Available at: <https://www.gutenberg.org/files/1227/1227-h/1227-h.htm#link 2HCH0008> (accessed 01.02.2023).
12. Freud S. Jokes and their relation to the unconscious (Der Witz und seine Beziehung zum Unbewußten). New York, Penguin, 1905. Available at: <https://www.sigmundfreud.net/jokes-and-their-relation-to-the-unconscious-pdf-ebook.jsp> (accessed 01.02.2023).
13. Kant I. Critique of judgment. Indianapolis; Cambridge: Hackett Publishing Company, 1987. 576 p. Available at: https://monoskop.org/images/7/77/Kant_Immanuel_Critique_of_Judgment_1987.pdf.
14. Spencer H. On the physiology of laughter. 1859. Available at: <https://wweverywritersre-source.com/on-the-physiology-of-laughter-by-herbert-spencer/> (accessed 01.02.2023).
15. Evgrafova Yu. A. Fokalizaciya kak sredstvo realizacii kogezi v ekrannom tekste (na primere polikodovyh-polimodal'nyh tekstov) [Focalization as a means of implementing cohesion in screen text (using the example of polycode-polymodal texts)]. *Uchenye zapiski nacional'nogo obshchestva prikladnoj lingvistiki = Scientific Notes of the National Society of Applied Linguistics*, 2020, no. 3(31), pp. 29-40. EDN BPIRXE.

Информация об авторах / Information about the Authors

Косиченко Елена Федоровна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры Рекламы, связей с общественностью и лингвистики, Национальный исследовательский университет «МЭИ», г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: ekosichenko@gmail.com

Elena. F. Kosichenko, Dr. of Sci. (Philological), Professor at the Department of Advertising, Public Relations and Linguistics, National Research University «Moscow Power Engineering Institute», Moscow, Russian Federation,
e-mail: ekosichenko@gmail.com

Попова Галина Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: fantgaw80@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-5859-7968

Galina V. Popova, Cand. of Sci. (Pedagogical), Associate Professor of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Southwestern State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: fantgaw80@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-5859-7968

Оригинальная статья / Original article

УДК 81'33

<https://doi.org/10.21869/2223-151X-2023-13-1-62-69>**Фразеологизмы и паремии с компонентом-онимом как отражение национальной культуры****Я. В. Лазарева¹** ✉

¹Белгородский государственный национальный исследовательский университет
ул. Победы, д. 85, г. Белгород 308015, Российская Федерация

✉ e-mail: yana.lazareva.82@inbox.ru

Резюме

Актуальность исследования определяется необходимостью проведения комплексного анализа фразеологизмов и паремий, функционирующих в современной русской лингвокультуре, формирующих национальную картину мира. Целью работы является выявление характерных свойств, типичных для фразеологизмов и паремий, содержащих в своем составе такой компонент, как оним. Методика исследования базируется на междисциплинарном подходе и включает общенаучные и специальные методы. В группу общенаучных методов входят анализ и синтез, а также обобщение. Эти методы применяются с целью систематизации теоретического и практического материала исследования. К группе специальных методов принадлежат: метод моделирования, позволяющий выявить специфические лингвокультурные свойства фразеологических единиц и паремий в рамках русской культуры; метод компонентного анализа, при котором выделяются семантические признаки и лексико-семантические варианты многозначных слов; дефиниционный метод, применяемый при получении лексикографической информации о значении исследуемой языковой единицы. Фразеологизмы и паремии, включающие компонент-оним, отражают специфику национального русского характера и дают возможность определить ключевые свойства лингвокультурной картины мира русского народа. В работе анализу подвергается лингвокультурная специфика фразеологизмов и паремий с компонентом-онимом, подразделяемых на следующие типы: мифонимы, хрононимы, агониимы, литературные онимы, исторические онимы, антропонимы. Доказано, что все типы фразеологизмов и паремий с компонентом-онимом функционируют в современном русском языке и являются маркерами культурно-значимой информации, отражающей специфику русской лингвокультуры. В ранг наиболее продуктивных типов фразеологических единиц с компонентом-онимом входят антропонимы; хрононимы не являются продуктивным явлением для современной русской лингвокультуры.

Ключевые слова: лингвокультурология; фразеологизм; паремия; компонент-оним; современная русская культура.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Лазарева Я. В. Фразеологизмы и паремии с компонентом-онимом как отражение национальной культуры // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2023. Т. 13, № 1. С. 62-69. <https://doi.org/10.21869/2223-151X-2023-13-1-62-69>.

Статья поступила в редакцию 01.02.2023 Статья подписана в печать 20.02.2023

Статья опубликована 15.04.2023

Names Components as Part of Idioms and Proverbs: Language and Culture Peculiarities

Yana V. Lazareva¹ ✉

¹Belgorod State National Research University
85, Pobedy str., Belgorod 308015, Russian Federation

✉ e-mail: yana.lazareva.82@inbox.ru

Abstract

The relevance of the research is determined by the comprehensive analysis of idioms and paroemias functioning in modern Russian language formulating the national character. The aim of the research is to identify the characteristic features typical for idioms and paroemias containing names component. The research methodology is based on an interdisciplinary approach and includes general scientific and special methods. The group of general scientific methods includes analysis and synthesis, as well as generalization to systematize theoretical and practical material. The special methods group includes the modeling method to identify specific linguistic and cultural properties of idioms and paroemias typical for Russian culture; the method of component analysis to provide semantic features analysis and to give lexical and semantic variants of words with several meanings; a definitional method to obtain lexicographic information dealing with the meaning of the language unit. Russian idioms and paroemias with Names components reflect the specific features of the national Russian character and make it possible to determine the key properties of the Russian mentality. The research deals with the analyses idioms and paroemias with the Names component having been divided into the following group types: mythonyms, chrononyms, hagionyms, literary onyms, historical onyms, anthroponyms. According to the author, all types of idioms and paroemias with the Name component function in modern Russian and are markers of culturally significant information reflecting the specifics of Russian culture. All in all, the authors rank anthroponyms as the most productive Name components types, while chrononyms are not a productive phenomenon.

Keywords: *linguoculturology; phraseology; paroemia; Names component; modern Russian culture.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Lazareva Y. V. Names Components as Part of Idioms and Proverbs: Language and Culture Peculiarities. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics.* 2023, 13(1): 62–69 (In Russ.). <https://doi.org/10.21869/2223-151X-2023-13-1-62-69>.

Received 01.02.2023

Accepted 20.02.2023

Published 15.04.2023

Введение

Понятие культурно-значимой информации «связано с главным в самопознании – с выделением из всего существующего общечеловеческих ценностей и тех ориентиров, которые выстраивают иерархию ценностей в конкретной культуре на том или ином этапе её развития» [1].

Вопросы изучения специфики фразеологических единиц продолжают интересовать исследователей самых различных отраслей языкознания: лингвокульту-

рологии, социолингвистики, этнолингвистики и др. Исследование русских идиом, пословиц, поговорок и загадок тесно связано с комплексным изучением русского языка и русской культуры. Значимый вклад в развитие фразеологии русской лингвокультуры внесли такие исследователи, как В.В. Виноградов, А. А. Потебня, А. В. Кунин, Н. Н. Амосова, В. Н. Телия, Н. М. Шанский, Н. Ф. Алефиренко, М.Л. Ковшова и другие.

Целью нашего исследования является выявление специфики фразеологизмов

и паремий с компонентами-онимами, отражающими особенности русской лингвокультуры. При таком подходе ключевым является этнолингвистический метод изучения невербальных знаков в контексте русской культуры. Необходимо отметить, что проведение анализа идиом и паремий во многих аспектах затрудняется спецификой этимологии той или иной единицы.

С позиции лингвокультурологического подхода паремии и идиомы понимаются как некие вербальные маркеры культурной информации, которая воплощена в «форму содержания и/или форму выражения двусторонних языковых сущностей» [2].

Под идиомой понимаются единицы языка, которые обладают двухкомпонентной структурой и утратили свое лексическое значение и обрели слитное, фразеологическое значение. Высокая степень переосмысления составляющих компонентов, образность, устойчивость и воспроизводимость входят в ранг ключевых свойств идиом. В свою очередь, пословицы и поговорки представляют собой единицы языка малого жанра русского фольклора. Пословицы характеризуются как логически и синтаксически завершенные суждения, обладающие формой иносказания; часто пословицы представляют собой нравоучения и обладают яркой ритмико-интонационной оформленностью. Поговорки отражают некоторые ситуации, явления, события из жизни человека и, как правило, поучают без назиданий. Загадки, в свою очередь, представляют собой короткие игровые тексты, в которых какой-либо предмет намеренно описывается в усложненной форме, часто загадки базируются на принципе сходства между предметами.

Традиционное для фразеологии положение о свойственной её знакам культурно-национальной специфике в настоящее время подвергается критике. Акцент в рамках анализа современных исследований, посвященных вопросам вы-

явления особенностей фразеологии и паремий, в современной лингвистике ставится на «установление универсальных моделей, лежащих в основе внутренней формы идиом, пословиц, поговорок, на выявление общих тенденций в определении значения, на том, на сколько велик национальный ресурс в той или иной национальной фразеологии» [3]. Также характерно «к неоправданному преувеличению доли национального компонента в пословичном фонде языка. Часто квалифицируются как исконные, т.е. национально специфические, такие пословицы, которые имеют абсолютные аналоги в других языках» [4].

Материалы и методы

Объектом исследования является фразеологический фонд русского языка, а именно фразеологизмы и паремии, отражающие специфику русской лингвокультуры. Фактическим материалом исследования послужили словари русского языка, представляющие собой базу для выявления фразеологизмов и паремий с компонентом-онимом. Подборка практической части исследования осуществлялась при помощи метода целенаправленной выборки из словарей, составленных такими исследователями, как В.И. Даль, В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина, Е.К. Николаева, Л.А. Лебедева, А.В. Суперанская за период XX-XXI вв. В работе также применялись описательно-аналитический метод, сравнительный метод, метод контекстуального и количественного анализа. Комплексная методика исследования позволила выявить наиболее и наименее продуктивные фразеологизмы и паремии с компонентом-онимом в современном русском языке и охарактеризовать их свойства с позиции лингвокультурологии.

Результаты и обсуждение

В процессе изучения идиом, пословиц, поговорок в рамках российского языкознания принято выделять культурно

маркированные компоненты и анализировать символику их значения, например: *крест, кровь, рука, сердце* и др.

Часто анализ национальной специфичности фразеологизмов сводится к цели выявления уникальных лексических символов, называющих культурносодержащие реалии, например такие, как: *самовар, гармонь, матрешка*; а также отдельных персонажей русской культуры, таких как *Емеля, царевна Несмеяна, царь Горох* и др.

Отечественный исследователь М.Л. Ковшова отмечает, что «культурная маркированность образа *царя Гороха* подвергается сомнению, так как в некоторых европейских странах существует аналог – *Бобовый король*» [5]. Образы смеховой культуры и комичности власти одновременно возникли в рамках русской и европейской культур, что также нашло своё отражение в языках. Многие исследователи при сопоставлении различных фразеологических картин мира выявляют больше универсалий, нежели уникалий.

Лингвокультурный анализ позволяет описать семантику идиом и паремий определенной культуры во взаимосвязи с ее архетипом, стереотипами, символами. Паремии и идиомы исследуются как знаки в семиотической форме, в которых хранится культурно значимая информация.

В нашем исследовании анализу подвергаются идиомы и паремии с компонентами онимами. Важным аспектом в ходе работы является тот факт, что собственные имена, функционирующие в идиомах и паремиях, не обладают лицом, однако они осуществляют специфичную, культурно-маркированную функцию связи языка и культуры. При помощи онимов актуализируется смысл, закрепленный за определенным персонажем того или иного слоя русского общества.

В ходе исследования мы выделяем такие типы собственных имен, входящих в состав идиом и паремий, как: *мифонимы, хрононимы, агионимы, литературные онимы, исторические онимы, антро-*

понимы, которые являются культурно значимой информацией. Понятие культурно-значимой информации «связано с главным в самопознании – с выделением из всего существующего общечеловеческих ценностей и тех ориентиров, которые выстраивают иерархию ценностей в конкретной культуре на том или ином этапе её развития» [6].

В результате культурной референции в персонаже актуализируется та значимость характера, которой в определенной культуре уделяется особое внимание. Извлеченная из слоёв культуры информация коррелирует со словесными знаками языка и фольклора – идиомами и паремиями, добавляется в их семантику в виде особого категориального компонента – культурной коннотации.

В зависимости от принадлежности собственных имён к паремиям и идиомам мы выделяем *мифонимы, хрононимы, агионимы, литературные онимы и собственно антропонимы*.

Антропонимы включают в себя личные имена, патронимы, фамилии, прозвища, например: *Иван, Николавна, Тарасиха* и др. Под *хрононимом* понимается имя собственное, предназначенное для названия промежутка времени в народном календаре. Часто *хрононимы* в русской лингвокультуре связаны с церковно-календарными именами, например: *Петров, Юрьев, Никола* и др. Под *мифонимом* понимается имя собственное, предназначенное для названия героев мифов, языческих богов и демонов, предметов, которые наделяются народом сакральным значением, например: *Зевс, Геракл, Баба-Яга, Дед Мороз* и др. К *агионимам* относятся имена собственные, называющие персонажей из сказаний Ветхого и Нового Заветов, например: *Ной, Адам, Ева, Иуда* и др. К *литературным онимам*, в свою очередь, принадлежат персонажи мировой литературы, кинофильмов, например: *Гамлет, Буратино, Карлсон* и др.

Необходимо отметить, что в традиционных пословицах и поговорках литературные онимы отсутствуют. В ранг ис-

торических онимов входят имена собственные, называющие существовавших в реальности исторических лиц, например: *Цезарь, Наполеон, Стенька Разин, Ленин* и др.

В загадках часто употребляются известные в культуре имена персонажей или придумываются искусственные онимы, например:

«Свет Кащей, господин Кащей сто лет людей кормил, гулять ходил головку сломил – кости выкинул, псы не поняли» [5].

Для русской современной лингвокультуры хрононимы не являются продуктивным явлением, но в рамках художественной литературы данный тип онимов превалирует, например:

1. Январь: *Васильев день, авсень, таусень, Новый год:*

– *«На Васильев вечер лить олово, свинец, воск» – гадать на Новый год* [7];

– *«На Васильев вечер дня прибывает на куриный шаг»* [8].

2. Февраль: *«На Трифоно звездисто» – поздняя весна»* [5].

3. Май: *«Не хвались на Юрьев день посевом, хвались на Николин день травой»* [8].

4. *«Декабрь: «Варвара мостит, Савва (5 декабря) гвозди острит, Никола (6 декабря) прибывает» – Первые заморозки и мороз, вода в реках застывает* [9].

Часто хрононимы входят в состав пословиц, поговорок, загадок, идиом, например:

1. *«Глеб с Борисом, а хлеб у них с анисом»* [5].

2. *«Тепло светит солнышко, да Авдотьей поглядывает: либо дождь, либо снег»* [10].

3. *«Корми меня до Ивана, сделаю из тебя пана» (пчела: пчелы пьют нектар цветов или их кормят сахарным сиропом всю весну, а 24 июня – день Ивана Купалы)* [11];

4. *«Как на Маланьину свадьбу» – наготовить впрок (по старинному обычаю в ночь со дня святой Мелании на день св.Василия готовилось большое ко-*

личество еды, которой угощали всех желающих) [12].

Для русской лингвокультуры характерной особенностью является высокочастотное применение *мифонимов*. Загадки с *мифонимами* интерпретируются в мифологическом и фольклорном слоях русской культуры. Например, имя *Баба-Яга* в составе загадки: *«Стоит Яга, во лбу рога – воронца у печи»* [5] – вызывает в памяти сказочный образ, который нашел отражение во всех видах русского искусства – живописи, скульптуре, кино, анимации, театре, балете, песне.

Многие имена в загадках выполняют функцию «строительного материала и являются формами личных имён, фонетическая модель которых часто продиктована рифмой» [5], например:

«Пицца Мамыра, ни хвоста, ни рыла; по земле ходит, земли не видит; по земле шагает, по четверти хватает» – Мамыра – производная от Маммий, Мамморий [13].

Что касается *агионимов*, то «агионимы в загадках интерпретируются в религиозном слое культуры; в процессе референции агиономов к пространству культуры у имён образуются культурные коннотации, которые добавляются в семантику загадок и могут служить опорой в её разгадывании» [14].

Например, в загадке про пчелу: *«Летит птица крутоносенькая, несёт тафту крутожёлтенькую, ещё та тафта ко Христу годна» – пчела* [15]; агионим в данном случае служит подсказкой. Известно, что из воска делают свечи для служб в церкви и в данном случае *агионим* активизирует знание понятий о религии.

Мифонимы и *агионимы* часто входят в состав пословиц и поговорок, например:

1. *«Богат, как Крёз, а живёт, как пёс!»* [8] – *мифоним* *Крёз* выступает эталоном богатого человека, которого противопоставляют бедному псу.

2. *«Атримида страшит Демиду, а Кирило её и в рыло»* [1] – поговорка, сю-

жет которой строится на смешливом пересечении сюжетных линий мифов. Артемида – звучное имя, подходящее по рифме и ритму. Стилистический троп аллюзия подчеркивает воинственность, свойственную для Артемиды, что в данном случае символизирует домашние ссоры придирки жены к мужу (в приведенном примере именуемый Демидом). Добровольным участником таких ссор является Кирило, который рифмуется с «рыло». Интересно отметить, что такая же рифма прослеживается еще и в других поговорах:

– *«Ездил в пир Кирило, да подарен там в рыло»* [7].

– *«Жаль Кирилла, а побережь ему рыла»* [8].

– *«Кирилла не отворачивает от чарки рыло»* [5].

Литературные и исторические онимы практически не встречаются в пословицах и поговорах, также как они отсутствуют в традиционных загадках. Однако в загадках для маленьких детей намеренно добавляются имена персонажей из любимых мультфильмов, например:

«Человек немолодой, вот с такущей бородой. Обижает Буратино, Артемона и Мальвину, и вообще для всех людей он отъявленный злодей. Знает кто-нибудь из вас, кто же это? – (Барабас)» [1].

Идиомы, включающие в свой состав литературные онимы, образно описывают цепочку событий, передают отношение к окружающей действительности, выражают эмоциональное состояние персонажей, например: *«Как Отелло ревнив»*; *«Как Квазимодо уродлив»* [7].

Исторические онимы представляют собой некий код, который отражает специфику определённого временного периода, например: *Мамай, Пушкин, Котовский* и др.:

«А кто платить будет? Пушкин?» [5] – в данном случае имя Пушкин представляет собой образ нарицательный, а вся конструкция является риторическим вопросом.

В паремиях и идиомах исторические метафоры могут создаваться на основе вымышленных персонажей, например: *«царь Москович»*, *«Мыр-царь»* и др.

Антропонимы также входят в состав пословиц, поговорок, загадок, идиом русского языка, например:

1) *«Горе, что муж Григорий: хоть бы болван, да Иван»* [11];

2) *«У злой Натальи все люди каналы»* [5];

3) *«Без Ивана Петровича изба не строится»* [1];

4) *«Стоит Егорка в красной ермолке»* (малина) [4];

5) *«Как умная Маша поступать»* – *делать всё рассудительно, но без нужного результата* [5];

6) *«Алёха сельский»* – *о глупом, невежественном, хвастливом человеке* [9].

В загадках, пословицах, поговорах и идиомах русского языка с компонентами антропонимами описание мира погружено в специфику культуры.

Выводы

Таким образом, фразеологизмы и паремии представляют собой особую часть состава русского языка, отражающего его национальную специфику. Фразеологические единицы и паремии, в состав которых входят именные компоненты, входят в ранг продуктивных единиц, функционирующих в современном русском языке и русской культуре. Исследуемые компоненты в составе фразеологизмов, загадок, пословиц и поговорок в полной мере реализуют менталитет социума, репрезентируют историю и культуру страны. Идиомы, загадки, пословицы, поговорки представляют собой отражение русской национальной культуры мира посредством языковых единиц. Такие типы собственных имён, как *мифонимы*, *хрононимы*, *агионимы*, *литературные онимы*, *исторические онимы*, *антропонимы* являются носителями культурно значимой информации, они формируют лингвокультурную картину мира, отражающую, в свою очередь, специфику

русского менталитета. Практическая часть исследования позволила выявить наиболее и наименее продуктивные типы онимов в составе фразеологизмов в современном русском языке. К наиболее продуктивным типам для современной русской лингвокультуры относятся *антропонимы*, при этом подгруппа *личные имена* превалирует над подгруппой *фамилии и прозвища*, а также *мифонимы* и *агионимы*, которые в большей степени входят в состав пословиц и поговорок,

нежели фразеологические единицы. Для *мифонимов* характерной особенностью является следование определенной фонетической модели, что продиктовано необходимостью рифмы. Такой тип, как *хрононимы*, входит в ранг наименее продуктивных типов фразеологических единиц с компонентом-онимом. *Хронимы* практически не употребляются в современном русском языке, а функционируют в произведениях художественной литературы.

Список литературы

1. Ковшова Л.М. Лингвокультурологический метод во фразеологии: коды культуры. Москва: Либроком, 2016. С. 65–98.
2. Телия В.Н. О феномене воспроизводимости языковых выражений // Язык. Сознание. Коммуникация: сб. статей / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2005. Вып. 30. С. 4–42.
3. Дронов П.С. Очерки по культурным трансферам во фразеологии. М.: Институт языкознания РАН, 2018. С. 24–28.
4. Иванов Е.Е., Ломакина О.В., Петрушевская Ю.А. Национальная специфичность пословичного фонда: основные понятия и методика выявления // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 4. С. 996–1035.
5. Ковшова Л.М. Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок: Антропоцентрический код культуры. М.: ДЕНАНД, 2022. С. 26–187.
6. Ковшова Л.М., Гудков Д.Б. Словарь лингвокультурологических терминов. М.: Гнозис, 2018. 65с.
7. Суперанская А.В. Словарь народных форм русских имён. М.: URSS, 2017. С. 88–187.
8. Эмирова А. М. Русская фразеология в коммуникативно-прагматическом освещении. Симферополь: ООО «Издательство «Научный мир», 2020. С. 65–109.
9. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. М.: URSS, 2021. С. 68–95.
10. Аникин В.П. Русские пословицы и поговорки. М.: Художественная литература, 1988. 109 с.
11. Васильева Н.В. Собственное имя в мире текста. М.: Академия гуманитарных исследований, 2005. С. 65–98.
12. Даль В.И. Пословицы русского народа. М.: Гослитиздат, 1959. 98 с.
13. Лебедева Л.А. Устойчивые сравнения русского языка. Краткий тематический словарь. Краснодар: Изд-во Кубанского государственного университета, 2003. 118 с.
14. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К. Большой словарь русских пословиц. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа групп, 2010. 85 с.
15. Рыбникова М.А. Загадки. М.: Academia, 1932. 202 с.

References

1. Kovshova L.M. *Lingvikulturilogiteski metod vo frazeologii: kodi kulturi* [Linguistic and cultural method in phraseology: codes of culture]. Moscow, Librocom Publ., 2016. pp. 65–98.
2. Teliya V.N. [On the phenomenon of reproducibility of linguistic expressions. Language. Consciousness. Communication]. Moscow, 2005, issue 30, pp. 4–42. (In Russ.).
3. Dronov P.S. *Otcerki po kulturnim transferam vo frazeologii* [Essays on cultural transfers in phraseology]. Moscow, Institute of Linguistics RAS Publ., 2018. pp. 24–28.
4. Ivanov E.E., Lomakina O.V., Petrushevskaya Yu.A. Nacional'naya specifichnost' poslovichnogo fonda: osnovnye ponyatiya i metodika vyyavleniya [National specificity of the proverbial fund: basic concepts and methods of identification]. *Vestnik Rossijskogo universiteta дружба народов. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika* = *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Theory of Language. Semiotics. Semantics*, 2021, vol. 12, no. 4, pp. 996 – 1035.
5. Kovshova L.M. *Lingvoculturologitceski analiz idiom, zagadok, poslovits i pogovorok: antripozentitceski kod kulturi* [Linguoculturological analysis of idioms, riddles, proverbs and sayings: Anthropocentric code of culture]. Moscow, DENAND Publ., 2022. pp. 26–187.
6. Kovshova L.M., Gudkov D.B. *Slovar lingvokulturologitceskih terminov* [Dictionary of linguistic and cultural terms]. Moscow, Gnosis Publ., 2018. 65 p.
7. Superanskaya A.V. *Slovar narodnih form russkih im'en* [Dictionary of folk forms of Russian names]. Moscow, URSS Publ., 2017, pp. 88–187.
8. Emirova A.M. *Russkaja frazeologi's v kommunikativno-progmatitceskom osveshenii* [Russian phraseology in the communicative and pragmatic]. Simferopol, ООО "Publishing house "Scientific world" Publ., 2020, pp. 65–109.
9. Shansky N.M. *Frazeologi'jz sovremennogo russkogo jazika* [Phraseology of the modern Russian language]. Moscow, URSS Publ., 2021, pp. 68–95.
10. Anikin V.P. *Russki's poslovitsi i pogovorki* [Russian proverbs and sayings]. Moscow, Fiction Publ., 1988. 109 p.
11. Vasilyeva N.V. *Sobstenni'e imena v mire teksta* [Own name in the text world]. Moscow, Academy of Humanitarian Studies Publ., 2005, pp. 65–98.
12. Dal V.I. *Poslovitsi russkogo naroda* [Proverbs of the Russian people]. Moscow, State edition of fiction Publ., 1959. 98p.
13. Lebedeva L.A. *Ustoitcivi'e sravneni'a russkogo jazika. Kratkii tematitceski slovar* [Stable comparisons of the Russian language. Brief thematic dictionary]. Krasnodar, Publishing House of the Kuban State University Publ., 2003. 118 p.
14. Mokienko V.M., Nikitina T.G., Nikolaeva E.K. *Bolshoi slovar russkih poslovits* [Big dictionary of Russian proverbs]. Moscow, ZAO OLMA Media Group Publ., 2010. 85 p.
15. Rybnikova M.A. *Zagadki* [Puzzles]. Moscow, Academia Publ., 1932. 202 p.

Информация об авторе / Information about the Author

Лазарева Яна Владимировна, аспирант кафедры романо-германской филологии и межкультурной коммуникации, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Российская Федерация,
e-mail: yana.lazareva.82@inbox.ru

Yana V. Lazareva, Post-Graduate Student of the Department of Romano-Germanic Philology and Intercultural Communication, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russian Federation,
e-mail: yana.lazareva.82@inbox.ru

Оригинальная статья / Original article

УДК 81'23

<https://doi.org/10.21869/2223-151X-2023-13-1-70-79>

Исследование изменений языковой способности на основе данных вербального ассоциативного эксперимента

Н.И. Степыкин¹ ✉

¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, 94, Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: nick1086@mail.ru

Резюме

Изменения языковой способности носителей языка под влиянием стремительного развития технологий и трансформации окружающего мира является одной из актуальных проблем современной психолингвистики. Материалом исследования послужили данные русского ассоциативного словаря (конец 80-х – начало 90-х гг. XX в.) и результаты свободного ассоциативного эксперимента, представленные в мультилингвальном ассоциативном тезаурусе вежливости (2020 г.). В рамках теории речевой деятельности пару стимул – реакция принято рассматривать как речевое действие. Согласно разработанной нами модели речевого действия, его существенными составляющими являются способы и средства предсказания. В работе показано, что в структуре ассоциативных полей «собака» разного времени фиксации произошли значительные изменения, акцентирующие динамику языковой способности носителей языка. Количество речевых действий полного цикла синтаксирования уменьшилось на 26 %, а доля синтаксических примитивов и топик-коммент структур увеличилась на 10 % и 16 % соответственно, что свидетельствует о снижении уровня потенциальной готовности к продуцированию и восприятию речевых действий полного цикла синтаксирования. Изменения средств предсказания речевого действия проявились в различной иерархии структурных компонентов анализируемого ассоциативного поля. Экспериментально выявленное сокращение доли операциональных ассоциатов (-14 %) и эмоционально-оценочных реакций (-26 %) свидетельствует об уменьшении значимости эмотивных и языковых ориентиров при формировании ассоциативной связи, а также диагностирует снижение уровня языковой компетенции. Увеличение доли понятийных реакций (+12 %) и реакций-представлений (+28 %) акцентирует доминирование когнитивных ориентиров при продуцировании речевых действий.

Ключевые слова: ассоциативное поле; стимул – реакция; речевое действие; собака; способы и средства предсказания; языковая способность.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Степыкин Н.И. Исследование изменений языковой способности на основе данных вербального ассоциативного эксперимента // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2023. Т. 13, № 1. С. 70-79. <https://doi.org/10.21869/2223-151X-2023-13-1-70-79>.

Статья поступила в редакцию 06.02.2023

Статья подписана в печать 27.02.2023

Статья опубликована 15.04.2023

Study of Changes in Language Ability Based on Data from a Word Association Test

Nikolay I. Stepykin¹ ✉

¹Southwest State University

50 let Oktyabrya 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: nick1086@mail.ru

Abstract

Changes in the language ability of native speakers under the influence of the rapid development of technology and the transformation of the surrounding world is one of the urgent problems of modern psycholinguistics. The research material was the data of the Russian associative dictionary (late 80s - early 90s of the twentieth century) and the results of a free associative experiment presented in the multilingual associative thesaurus of politeness (2020). Within the framework of the theory of speech activity, the cue-target pair is considered as a speech action. According to the model of speech action developed by us, its essential components are methods and means of predication. The paper shows that significant changes have occurred in the structure of the associative fields "dog" of different fixation times, emphasizing the dynamics of the language ability of native speakers. The number of speech actions of the full syntactic cycle decreased by 26%, and the number of syntactic primitives and topic-comment structures increased by 10% and 16%, respectively, which indicates a decrease in the level of potential readiness to produce and perceive speech actions of the full syntactic cycle. Different hierarchy of structural components of the analyzed associative field demonstrate changes in the means of predication. The experimentally revealed reduction in the proportion of operational associates (-14%) and emotional-evaluative reactions (-26%) indicates a decrease in the importance of emotive and linguistic orienting points in the formation of associative links, and also diagnoses a decrease in the level of language competence. The increase in the share of conceptual reactions (+12%) and reactions-images (+28%) emphasizes the dominance of cognitive orienting points in the production of speech actions.

Keywords: associative field; cue – target; speech action; собака (dog); ways and means of predication; language ability.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Stepykin N. I. Study of Changes in Language Ability Based on Data from a Word Association Test. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*. 2023, 13(1): 70–79 (In Russ.). <https://doi.org/10.21869/2223-151X-2023-13-1-70-79>.

Received 06.02.2023

Accepted 27.02.2023

Published 15.04.2023

Введение

Проблема изменения языковой способности носителей языка под влиянием стремительного развития технологий и трансформации окружающего мира всё чаще становится объектом исследования в современном языкознании. Под языковой способностью в психолингвистике понимают «совокупность операционально-действенных ментальных механизмов,

осуществляющих вербализацию знаний и мнений» [1, с. 5], потенциальную готовность индивида к речемыслительной деятельности, порождению и восприятию речи [2]. Одним из таких механизмов, используемых как средство и инструмент мышления, является слово. За каждым словом «лежит широчайшая сеть связей, позволяющая так или иначе учитывать множество разнообразных выводных зна-

ний, ситуаций, возможных следствий и т.д., которые выводятся на табло сознания только в случаях необходимости, но всегда определяют тот фундамент, благодаря которому становится возможным взаимопонимание между людьми» [3, с. 279]. Эта «сеть связей», сопровождающая слово в ментальном лексиконе, детерминирует языковую способность носителей языка. Для изучения языковой способности применяются различные ассоциативные методики (см.: [4; 5; 6; 7; 8; 9; 10] и мн. др.). Как правило, в ассоциативном эксперименте активируются «...модели двух слов – типичные, легко воспроизводимые, правдоподобные и понятные носителю языка. При этом каждая пара стимул – реакция – это еще не законченное высказывание, но уже необходимая его составляющая – либо грамматически оформленная его часть, либо только ядро будущего высказывания, которому предстоит придать завершенную форму» [10]. В соотношении стимул – реакция, которое, вслед за А. А. Леонтьевым [11], рассматривается нами как речевое действие, репрезентируются личностные смыслы и устанавливаются способы действия со словом [12].

Цель настоящей работы – определить изменения в языковой способности испытуемых на основе ассоциативных словарей разного периода времени.

Материалы и методы

Материалом исследования являются ассоциативные поля *собака*, представленные в Русском ассоциативном словаре [13] (далее РАС) и мультилингвальном ассоциативном тезаурусе вежливости [14] (далее МАТВ).

На основе разработанной нами модели речевого действия [15] в соотношении стимул – реакция устанавливаются способы предикции (смысловое, семантическое и поверхностное синтак-

сирование). В зависимости от полноты цикла синтаксирования актуализируются речевые действия полного и неполного цикла синтаксирования, в которых, как правило, пропущены операции семантического и (или) поверхностного синтаксирования. На втором этапе работы определяются средства предикции, демонстрирующие специфику распределительной активации смысла в понятийных реакциях, реакциях-представлениях, эмоционально-оценочных и операциональных ассоциатах. Сравнение способов и средств предикции в структуре речевых действий разного периода времени позволяет выявить тенденции в динамике языковой способности носителей языка.

Результаты и обсуждение

Типы речевых действий по параметру полноты цикла синтаксирования

Рассмотрим АП *собака*, зафиксированное в РАС (далее АП₁): *злая 15, Баскервиль 5, друг 5, умная 5, на сене 4, друг человека 3, кусачая 3, лает 3, породистая 3, бешеная 2, домашнее животное 2, животное 2, зверь 2, кошка 2, красивая 2, моя 2, сдохла 2, собака 2, Баскервиль, бедная, бездомная, бультерьер, верная, волк, вьючная, Джек, дождь, зарыта, здорово, злой, злость, кость, крики, лай, лохматая, маска, мясо, на поводке, он, особенное выражение глаз, осторожно, плохо, пропала, с глупой мордой, с желтым языком, сволочь, сено, сидит, сторожит, страшная, сука, съесть, умерла, уши, цепь, черно-белая, шерсть, щенок*. Всего реакций – 105, при этом 59 разных реакций и 40 – единичных. Число отказов – 1 [13].

Все полученные соотношения стимул – реакция в соответствии с параметром полноты цикла синтаксирования являются речевыми действиями полного (далее РД₁) и неполного (далее РД₂) цикла синтаксирования (табл. 1).

Таблица 1. Типология речевых действий в составе АП₁

РД ₁ , кол-во	Доля, %	РД ₂ , кол-во	Доля, %
злая 15, Баскервилей 5, друг 5, умная 5, на сене 4, друг человека 3, кусачая 3, лает 3, породистая 3, бешеная 2, домашнее животное 2, животное 2, зверь 2, красивая 2, моя 2, сдохла 2, Баскервилей, бедная, бездомная, верная, вьючая, Джек, зарыта, лохматая, маска, на поводке, он, осторожно, пропала, с глупой мордой, с желтым языком, сидит, сторожит, страшная, умерла, черно-белая	77	кошка 2, собака 2, бультерьер, волк, дождь, здорово, злой, злость, кость, крики, лай, мясо, особенное выражение глаз, плохо, сволочь, сено, съесть, сука, уши, цепь, шерсть, щенок	23

По данным РАС, речевые действия полного цикла синтаксирования преобладают в АП *собака* (77 %), самое частотное из которых *собака злая* составляет 14 %. Речевые действия неполного цикла синтаксирования в составе АП *собака* не столь многочисленны (23 %). Большинство из них (14 %) представлены топик-коммент структурами, при активации которых пропущены операции семантического и поверхностного синтаксирования (*собака – кошка, собака – дождь* и пр.). Также обнаружены синтаксические примитивы (9%) – речевые действия с пропущенным этапом поверхностного синтаксирования (*собака – злой, собака – сено* и др.).

Обратимся к реакциям на стимул *собака* в МАТВ: *друг 31, кошка 29, живот-*

ное 14, преданность 7, питомец 7, лай 5, пёс 5, друг человека 4, будка 4, кот 4, злая 3, Павлова 3, поводок 2, Баскервилей 2, овчарка 2, лучший друг 2, лает 2, Бим, большая, верная, верность, гав, горб, динго, добрая, дом, доверяет, друг человека, дружба, еда, зуб, клыки, корова, лайка, любовь, мертвая, Михайлыч, мопс, моя собака, намордник, ник, нужна, окрас шерсти, пицца, привет, рыжий, семья, сено, тюрки, укус, хаски, черная, шавка, щенок. Общее количество реакций – 164, из них 56 разных реакций и 39 – единичных. Число отказов – 1 [14].

Распределим все пары стимул – реакция, содержащиеся в АП *собака* в МАТВ (далее АП₂), по параметру полноты цикла синтаксирования (табл. 2).

Таблица 2. Типология речевых действий в составе АП₂

РД ₁ , кол-во	Доля, %	РД ₂ , кол-во	Доля, %
друг 31, животное 14, питомец 7, пёс 5, друг человека 4, злая 3, Павлова 3, Баскервилей 2, лучший друг 2, лает 2, Бим, большая, верная, добрая, доверяет, друг человека, мертвая, моя собака, нужна, привет, черная	51	кошка 29, преданность 7, лай 5, будка 4, кот 4, поводок 2, овчарка 2, верность, гав, горб, динго, дом, дружба, еда, зуб, клыки, корова, лайка, любовь, Михайлыч, мопс, намордник, ник, окрас шерсти, пицца, рыжий, семья, сено, тюрки, укус, хаски, шавка, щенок	49

Сопоставив данные табл. 1 и 2, можно сделать вывод о сокращении доли речевых действий полного цикла синтаксирования на 26 %. Значительно увеличилось количество топик-коммент структур (30 % vs 14 %), которые не предполагают операций семантического и поверхностного синтаксирования. Также по сравнению с данными РАС возросла доля синтаксических примитивов (19 % vs 9 %). Полученные результаты убедительно свидетельствуют об изменении языковой способности индивида: продуцирование речевых действий полного цикла синтаксирования становится всё менее характерным для современных испытуемых. Отметим, что полученные результаты подтверждают выводы, сделанные в более ранних работах [16; 17]

Характер предикации в структуре АП собака по данным РАС и МАТВ

Проанализируем характер предикации при продуцировании речевых действий на основе модели рассредоточенной активации личностного смысла [18].

АП₁ включает следующие типы реакций:

1) понятийные реакции: *домашнее животное 2, животное 2, зверь 2, собака 2, бультерьер, лай, сука, уши, шерсть, цепь, щенок* (14 %);

2) реакции-представления: *кошка 2, волк, Джек, дождь, кость, крики, маска, мясо, он* (10 %);

3) эмоционально-оценочные ассоциации: *злая 15, умная 5, бешеная 2, красивая 2, бедная, здорово, злой, злость, особенное выражение глаз, плохо, с глупой мордой, сволочь, страшная* (31 %);

4) операциональные ассоциаты: *Баскервиль 5, друг 5, на сене 4, друг человека 3, кусачая 3, лает 3, породистая 3, моя 2, сдохла 2, Баскервиль, бездомная, верная, вьючная, зарыта, лохматая, на поводке, осторожно, пропала, сено, с желтым языком, сидит, сторожит, съест, умерла, черно-белая* (45 %).

Представим структуру АП₁ графически (рис. 1).

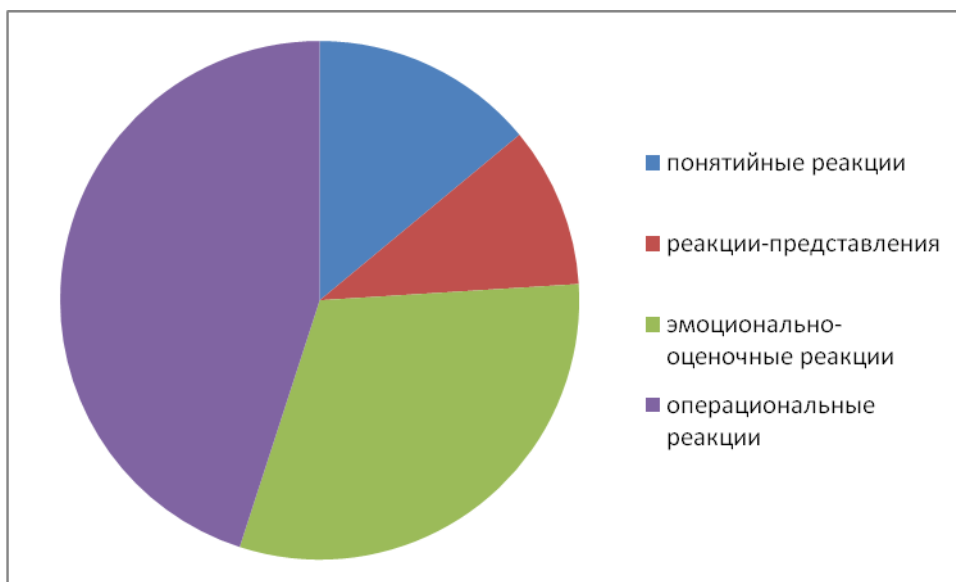

Рис. 1. Структура АП₁ собака

Fig. 1. Structure of associative field₁ *собака* (dog)

В структуре АП₁ преобладают операциональные реакции (45 %), при активации которых доминируют языковые

ориентиры. «Собака Баскервиль» – одна из четырёх детективных повестей о Шерлоке Холмсе, всемирно известном бри-

танском детективе. Многие реакции актуализируют пословицы, поговорки и фразеологизмы о собаке (*друг, друг человека, на сене, сохла, съесть*).

Эмоционально-оценочные реакции составляют 32 % от общего количества ассоциатов. В них отражено прямо противоположное восприятие стимульного слова испытуемыми (*умная – с глупой мордой, красивая – страшная, здорово – плохо*).

В понятийных реакциях (14 %) актуализируется инвариантное значение слова-стимула, а реакции-представления (10 %) репрезентируют связанные с ним образы.

Представим структуру АП *собака* в соответствии с предложенной ранее моделью:

1) понятийные реакции: *животное 14, питомец 7, лай 5, пёс 5, овчарка 2, гав, динго, еда, зуб, клыки, лайка, мопс, хаски, шавка, щенок* (26 %);

2) реакции-представления: *кошка 29, преданность 7, будка 4, кот 4, поводок 2, Бим, верность, горб, дом, дружба, коро-ва, Михайлыч, окрас шерсти, пицца, рыжий, намордник, ник, семья, тюрки, укус* (38 %);

3) эмоционально-оценочные ассоциации: *злая 3, лучший друг 2, добрая, любовь, нужна* (5 %);

4) операциональные реакции: *друг 31, друг человека 4, Павлова 3, Баскервилей 2, лает 2, большая, верная, доверяет, друг человека, мертвая, моя собака, привет, сено, черная* (31 %).

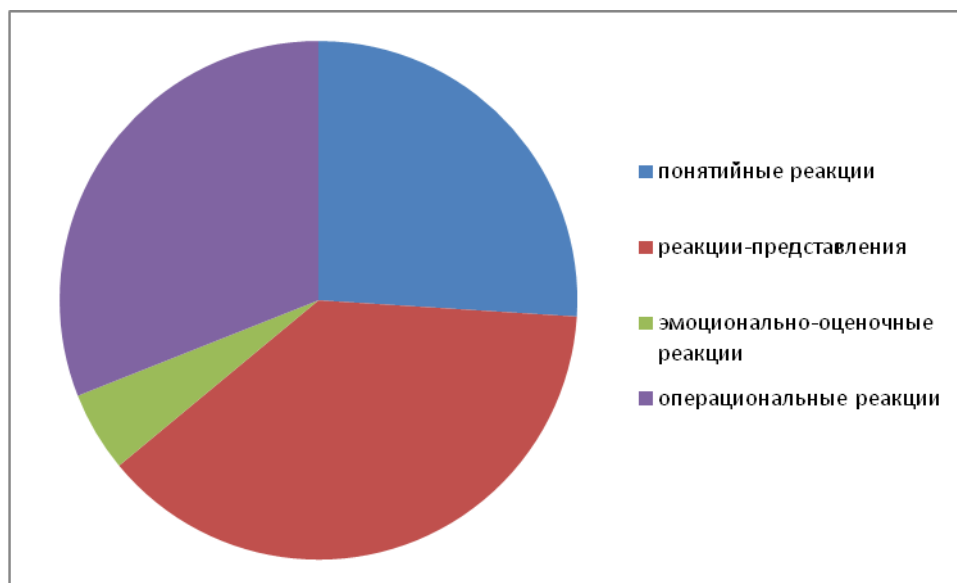

Рис. 2. Структура АП₂ *собака*

Fig. 2. Structure of associative field₂ *собака* (dog)

Очевидно, что структура АП₂, представленная на рис. 2, значительно отличается от структуры АП₁ (ср.: рис. 1 и рис. 2). Доля операциональных реакций сократилась на 14 %, что свидетельствует о снижении уровня языковой компетенции носителей языка. Количество понятийных реакций, отражающих инвариантное значение лексемы, увеличилось

(26 % vs 14 %). Реакции-представления также более частотны в составе АП₂ (38% vs 10 %).

Доля эмоционально-оценочных ассоциатов в структуре АП₂ составила всего 5 %, что на 26 % меньше по сравнению с АП₁. Сокращение эмоционально-оценочных реакций акцентирует изменения в психологической структуре значения ана-

лизируемого слова. Экспериментально выявленная динамика характера предика-

кации при предъявлении слова-стимула *собака* отображена на рис. 3.

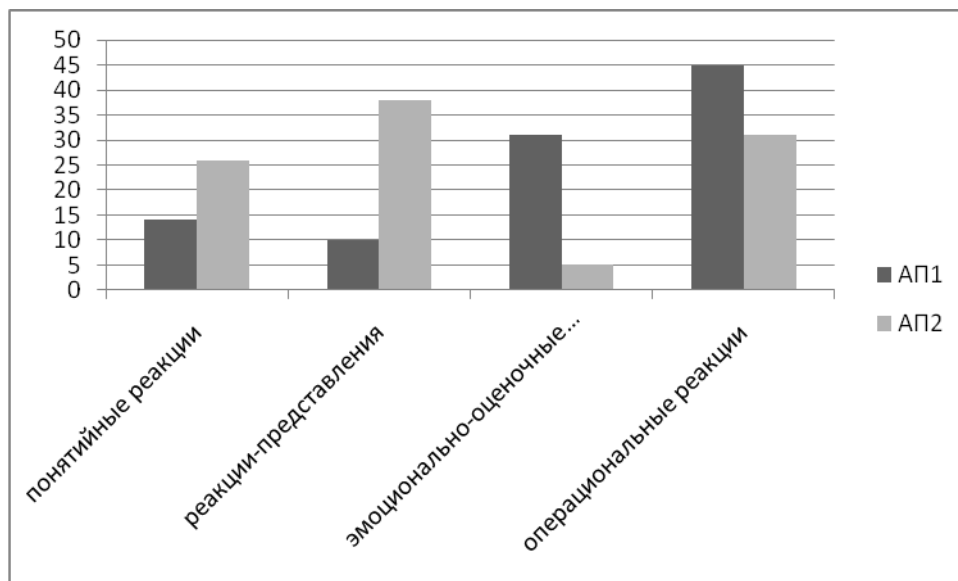

Рис. 3. Динамика характера предикации при предъявлении слова-стимула *собака*

Fig. 3. Dynamics of the character of predication when presenting the cue word *dog*

Выводы

Таким образом, на основе анализа ассоциативных полей лексемы *собака*, представленных в словарях разного периода времени, были установлены изменения в языковой способности носителей языка.

Во-первых, по сравнению с данными РАС на 26 % уменьшилось количество речевых действий полного цикла синтаксирования, а доля синтаксических примитивов и топик-коммент структур значительно увеличилась (на 10 % и 16 % соответственно), что говорит о снижении уровня потенциальной готовности к продуцированию и восприятию речевых действий полного цикла синтаксирования. При этом именно речевые действия полного цикла синтаксирования составляют основу функциональной грамотности носителя языка.

Во-вторых, произошли изменения в иерархии структурных компонентов анализируемого ассоциативного поля, демонстрирующие динамику средств пре-

дирования речевого действия. Операциональные реакции являются наиболее частотными в составе АП₁ (45 %). Уменьшение их количества в структуре АП₂ является тревожным сигналом снижения уровня языковой компетенции. В эксперименте 2020 г. выявлено преобладание реакций-представлений (38 %). Доля понятийных реакций, отражающих инвариантное значение лексемы, увеличилась на 12 %, а эмоционально-оценочных ассоциатов в структуре АП₂ стало на 26% меньше по сравнению с АП₁. Выявленная динамика характера предикации речевого действия акцентирует доминирование когнитивных ориентиров, а также снижение роли эмотивных и языковых ориентиров при формировании ассоциативной связи.

Примененный в данной работе анализ ассоциативных данных на основе модели речевого действия открывает широкие возможности для психолингвистической диагностики изменений в языковой способности носителей языка.

Список литературы

1. Пищальникова В. А. Интеграция лингвистических дисциплин как объективная необходимость развития современного языковедения // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты. Вып. 6. Москва; Барнаул, 2003. С. 3–16.
2. Бутакова Л. О. Языковая способность, речевая компетенция, речевая деятельность представителей поколения Z // Русский язык в школе. 2021. Т. 82. № 4. С. 61–74. <https://doi.org/10.30515/0131-6141-2021-82-4-61-74>.
3. Российская психолингвистика: итоги и перспективы (1966-2021): коллективная монография / науч. ред. И. А. Стернин, Н. В. Уфимцева, Е. Ю. Мягкова. М.: Ин-т языкознания, ММА, 2021. 626 с. <http://dx.doi.org/10.30982/978-5-6045633-7-3>
4. Ассоциативный эксперимент: теоретические и прикладные перспективы психолингвистики / В.А. Пищальникова, К.С. Карданова-Бирюкова, Н.С. Панарина, Н.И. Степыкин, А.И. Хлопова, С.Н. Шевченко; под ред. В.А. Пищальниковой. М.: Р. Валент, 2019. 200 с.
5. Залевская А.А. Значение слова через призму эксперимента. Тверь: Тверской гос. ун-т, 2011. 240 с.
6. De Deyne S., Storms G. Word associations: Network and semantic properties // Behavior Research Methods. 2008. Vol. 40. P. 213–231. <http://dx.doi.org/10.3758/BRM.40.1.198>
7. Fitzpatrick T. Word association patterns: unpacking the assumptions // International Journal of Applied Linguistics. 2007. Vol. 17 (3). P. 319–331. <http://dx.doi.org/10.1111/j.1473-4192.2007.00172.x>
8. Гуц Е. Н. Психолингвистическое исследование языкового сознания подростка. Омск: Вариант-Омск, 2005. 260 с.
9. Nelson D. L., McEvoy C. L., Schreiber T. A. The University of South Florida free association, rhyme, and word fragment norms // Behavior Research Methods, Instruments, & Computers, 2004. Vol. 36. P. 402–407. <http://dx.doi.org/10.3758/BF03195588>
10. Караулов Ю. Н. Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности // Русский ассоциативный словарь: в 2 т. М.: Астрель: АСТ, 2002. 992 с.
11. Леонтьев А. А. Основы теории речевой деятельности. М.: Наука, 1974. 368 с.
12. Пищальникова В.А. Интерпретация ассоциативных данных как проблема методологии психолингвистики // Russian Journal of Linguistics. 2019. Т. 23. No 3. С. 749–761.
13. РАС – Русский ассоциативный словарь: в 2 т. / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. URL: <http://thesaurus.ru/dict/>
14. Степыкин Н. И., Миронова Д. М. Проект мультилингвального ассоциативного тезауруса вежливости. Курск, 2020. 205 с.
15. Степыкин Н. И. Речевое действие как психолингвистический механизм порождения и актуализации смысла: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2021. 457 с.
16. Степыкин Н. И. Потенциал применения формализованных параметров для моделирования речевого действия // Научный диалог. 2021. № 8. С. 112–127. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-8-112-127>
17. Степыкин Н. И. Динамика механизмов речевого действия (на материале ассоциативного поля "зло") // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2019. № 4 (820). С. 69–80.
18. Пищальникова В. А. История и теория психолингвистики. М.: Р. Валент, 2021. 488 с.

References

1. Pishchalnikova V. A. [Integration of linguistic disciplines as an objective necessity for the development of modern linguistics]. *Yazykovoe bytie cheloveka i etnosa: psiholingvisticheskii i kognitivnyi aspekty* [Linguistic being of a person and ethnos: psycholinguistic and cognitive aspects]. Moscow, Barnaul, AISU Publ., 2003, vol. 6. 272 p. (In Russ.).
2. Butakova L. O. Yazykovaya sposobnost', rechevaya kompetenciya, rechevaya deyatel'nost' predstavitelej pokoleniya Z [Language ability, speech competence, speech activity of representatives of generation Z]. *Russkij yazyk v shkole = Russian Language at School*, 2021, vol. 82(4), pp. 61–74. <https://doi.org/10.30515/0131-6141-2021-82-4-61-74>
3. *Rossijskaya psiholingvistika: itogi i perspektivy (1966-2021)* [Russian psycholinguistics: results and prospects (1966 – 2021)]; ed. by Sternin I. A., Ufimtseva N. V., Myagkova E. Yu. Moscow: Institute of Linguistics, MMA Publ., 2021. 626 p. <http://dx.doi.org/10.30982/978-5-6045633-7-3>.
4. *Associativnyj eksperiment: teoreticheskie i prikladnye perspektivy psiholingvistiki* [Associative experiment: theoretical and applied perspectives of psycholinguistics]; ed. by Pishchalnikova V.A. Moscow, R. Valent Publ., 2019. 200 p.
5. Zalevskaya A. A. *Znachenie slova cherez prizmu eksperimenta* [The meaning of the word through the prism of the experiment]. Tver, Tverskoy gos. Universitet Publ., 2011. 240 p.
6. De Deyne S., Storms G. Word associations: Network and semantic properties. *Behavior Research Methods*, 2008, vol. 40, pp. 213–231. <http://dx.doi.org/10.3758/BRM.40.1.198>
7. Fitzpatrick T. Word association patterns: unpacking the assumptions. *International Journal of Applied Linguistics*, 2007, vol. 17 (3), pp. 319–331. <http://dx.doi.org/10.1111/j.1473-4192.2007.00172.x>
8. Guts E.N. *Psiholingvisticheskoe issledovanie yazykovogo soznaniya podrostka* [Psycholinguistic study of the language consciousness of a teenager]. Omsk, Variant-Omsk Publ., 2005. 260 p.
9. Nelson D. L., McEvoy C. L., Schreiber T. A. The University of South Florida free association, rhyme, and word fragment norms. *Behavior Research Methods, Instruments, & Computers*, 2004, vol. 36, pp. 02–407. <http://dx.doi.org/10.3758/BF03195588>
10. Karaulov Yu. N. *Russkij associativnyj slovar' kak novyj lingvisticheskij istochnik i instrument analiza yazykovoj sposobnosti* [Russian associative dictionary as a new linguistic source and tool for the analysis of language ability]. *Russkij associativnyj slovar'* [Russian associative dictionary]. Moscow, Astrel: AST Publ., 2002. 992 p. (In Russ.).
11. Leont'ev A. A. *Osnovy teorii rechevoj deyatel'nosti* [Fundamentals of the theory of speech activity]. Moscow, Nauka Publ., 1974. 368 p.
12. Pishchalnikova V. A. Interpretaciya associativnyh dannyh kak problema metodologii psiholingvistiki [Interpretation of Associative Data as a Methodological Issue of Psycholinguistics]. *Russian Journal of Linguistics*, 2019, vol. 23 (3), pp. 749–761. <http://dx.doi.org/10.22363/23129182-2019-23-3-749-761>.
13. Karaulov Yu.N, Cherkasova G.A., Ufimtseva N.V., Sorokin Yu.A., Tarasov E.F. *Russkij assotsiativnyj slovar'* [Russian associative dictionary]. Available at: <http://thesaurus.ru/dict/>
14. Stepykin N. I., Mironova D. M. *Proekt mul'tilingval'nogo associativnogo tezaurusa vezhlivosti* [Project of multilingual associative thesaurus of politeness], Kursk, 2020. 205 p.
15. Stepykin N. I. *Rechevoe dejstvie kak psiholingvisticheskij mekhanizm porozhdeniya i aktualizacii smysla*. Diss. d-ra filol. nauk [Speech action as a psycholinguistic mechanism of generation and actualization of sense. Dr. of sci. philo. diss.]. Moscow, Moscow State Linguistic University Publ., 2021. 457 p.
16. Stepykin N.I. Potencial primeneniya formalizovannyh parametrov dlya modelirovaniya rechevogo dejstviya [Potential of Using Formalized Parameters for Modeling Speech Action].

Nauchnyj dialog = *Nauchnyi Dialog*, 2021, vol. (8), pp. 112–127. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-8-112-127>

17. Stepykin N. I. *Dinamika mekhanizmov rechevogo dejstviya (na materiale associativnogo polya "zlo")* [Dynamics of speech action mechanisms (an analysis of the associative field “evil”)]. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Gumanitarnye nauki* = *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Humanities*, 2019, vol. 4 (820), pp. 69 – 80.

18. Pishchalnikova V. A. *Istoriya i teoriya psiholingvistiki* [History and theory of psycholinguistics]. Moscow, R. Valent Publ., 2021. 488 p.

Информация об авторе / Information about the Author

Степыкин Николай Иванович, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: nick1086@mail.ru, ORCID: 0000-0002-2802-5686

Nikolay I. Stepykin, Dr. of Sci. (Philological), Associate Professor, Head of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: nick1086@mail.ru, ORCID: 0000-0002-2802-5686

Оригинальная статья / Original article

УДК 81'23

<https://doi.org/10.21869/2223-151X-2023-13-1-80-97>**Экспериментальное исследование образа цветообозначения
синий в языковом сознании носителей русской культуры****Е. А. Таныгина¹** ✉

¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, 94, Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: eabel@yandex.ru

Резюме

Статья посвящена исследованию цветообозначения (ЦО) синий, которое занимает важное место в цветовой картине мира представителей русской культуры, что обуславливает актуальность эмпирического изучения образа данного ЦО с точки зрения психолингвистики. Теоретической основой исследования послужили работы А.А. Залевской, А.П. Василевича, Е.И. Горошко.

При организации и проведении исследования мы исходили из предположения о единстве индивидуального и культурного знания о цвете, отмечая как культурную, так и личностную составляющую образа цвета в сознании отдельного индивида. Исследование проводилось на базе Юго-Западного государственного университета среди студентов очной и заочной форм обучения. Основными методами, используемыми в работе, являются ассоциативный эксперимент, семантический дифференциал, факторный и дефиниционный анализы. При анализе результатов исследования используются данные смежных наук: психологии, нейрофизиологии.

Работа показывает структуру ассоциативного поля (АП) ЦО синий в различные временные периоды, что позволяет наглядно продемонстрировать динамику изменения этого поля за последние тридцать лет.

В статье также рассматривается гендерная структура ассоциативного поля ЦО синий, выделяются общие гендерно нейтральные ассоциации, а также ассоциации, являющиеся типично женскими и типично мужскими. Кроме того, проводится факторный анализ результатов семантического дифференциала с точки зрения гендерных особенностей восприятия исследуемого ЦО.

Описываемая в работе методика организации и проведения экспериментального исследования может успешно использоваться для психолингвистического исследования образов различных стимульных слов. Полученные в ходе исследования образа ЦО синий в сознании представителей современной русской культуры данные могут быть использованы не только в лингвистике, но и в маркетинге, психологии и рекламе.

Ключевые слова: цветообозначение; синий; образ; языковое сознание; ассоциативный эксперимент; семантический дифференциал; факторный анализ.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Таныгина Е. А. Экспериментальное исследование образа цветообозначения *синий* в языковом сознании носителей русской культуры // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2023. Т. 13, № 1. С. 80-97. <https://doi.org/10.21869/2223-151X-2023-13-1-80-97>.

Статья поступила в редакцию 24.01.2023 Статья подписана в печать 10.03.2023

Статья опубликована 15.04.2023

The Experimental Study of the Image of Russian Color Term Blue in the Consciousness of Russian Culture Bearers

Elena A. Tanygina¹ ✉

¹Southwest State University

50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

e-mail: eabel@yandex.ru

Abstract

The article is devoted to the study of the color term blue. This color occupies an important place in the color picture of the world of representatives of Russian culture, which determines the relevance of the empirical study of the image of this color term from the point of view of psycholinguistics. The theoretical basis of the study was the work of A.A. Zalevskaya, A.P. Vasilevich, E.I. Goroshko.

When organizing and conducting the research, we assumed that individual and cultural knowledge about color are united in the linguistic consciousness. So, any image in the consciousness of an individual has its cultural and personal component. The main methods used in the work are associative experiment, semantic differential, factorial and definitional analyses. We used the data from related sciences in the process of analyzing the results of the study. The study was conducted on the basis of Southwest State University among full-time and part-time students.

The work shows the structure of the associative field of the color term blue in different time periods, which allows us to clearly demonstrate the dynamics of changes in this field over the past thirty years.

The article also examines the gender structure of the associative field of the color term blue, highlights general gender-neutral associations, as well as associations that are typically female or typically male. In addition, a factor analysis of the results of the semantic differential is carried out from the point of view of the gender characteristics of the perception of color term blue.

The methodology of organizing and conducting experimental research described in the paper can be successfully used for psycholinguistic research of images of various stimulus words. The data obtained during the experiment can be used not only in linguistics, but also in marketing, psychology and advertising.

Keywords: color term; blue; inner image; linguistic consciousness; association experiment; semantic differential; factor analysis.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Tanygina E. A. The Experimental Study of the Image of Russian Color Term Blue in the Consciousness of Russian Culture Bearers. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*. 2023, 13(1): 80–97 (In Russ.). <https://doi.org/10.21869/2223-151X-2023-13-1-80-97>.

Received 24.01.2023

Accepted 10.03.2023

Published 15.04.2023

Введение

Цвет в целом и ЦО в частности являются одним из самых популярных предметов изучения разных наук [1, с.11-43; 2, 3]. Синий цвет один из наиболее распространенных ЦО русского языка, который занимает важное место в истории русской бытовой культуры. Проведенный учеными анализ русского фольклора показывает приписывание синему

цвету магических характеристик и использование синего цвета в ходе различных обрядов, что, по мнению Т.Е. Никулиной, обусловлено его связью с водой, которая традиционно считается местом обитания темных сил и связывается со смертью и загробным миром [4]. Исследование Н.Б. Бахилиной показывает частое использование в памятниках древнерусской культуры понятия синец в значе-

нии 'беса', 'дьявола' и другого лица, непосредственно причастного к адским силам [5].

Отрицательное отношение к синему цвету отчасти может быть связано и со сложностями получения синего красителя и существовавшей на рынке стран Европы конкуренции между местными красителями (например, русская синиль) и новым красителем индиго [6]. Все это способствовало закреплению у синего цвета отрицательной коннотации. Указанные выше данные могут рассматриваться как культурное знание об исследуемом в работе ЦО.

Как уже было отмечено нами в ряде предыдущих исследований [7, 8], образы различных концептов, в частности цвета, формируются в процессе взаимодействия индивидуального и культурного знания. Эмпирическое исследование образа ЦО *синий* являлось частью исследования двенадцати основных ЦО русского языка с точки зрения психолингвистики. Теоретической основой исследования послужили работы А.А. Залевской, А.П. Васильева, Е.И. Горошко [9, 10, 11]. С целью выявления динамики изменения образа исследуемых явлений было проведено

два ассоциативных эксперимента [12, 13] (АЭ1 – 2009 г. и АЭ2 – 2020г.), а также исследование с использованием семантического дифференциала Ч. Осгуда [14]. Подобная методика успешно использовалась нами ранее в ряде исследований [15-17]. Исследование опиралось на гипотезу о единстве культурной и индивидуальной составляющих единого образа цвета.

Результаты и обсуждение

Сначала рассмотрим результаты, полученные в ходе АЭ. В ходе АЭ1 мы получили 123 реакции, среди которых три словосочетания, три прилагательных, два имени собственных (*БМВ, субару импреза*) и одно наречие.

В АЭ2 зафиксировано 189 реакций, среди которых два словосочетания, двенадцать прилагательных, два имени собственных. Зарегистрировано три отказа и одна цепочная ассоциация (*море, вода, океан, небо, жизнь, спокойствие*).

Полученные реакции были распределены на группы на основе модифицированной нами классификации Е.И. Горошко [10, 18] (табл. 1).

Таблица 1. Результаты АЭ

Table 1. Free association experiment results

АЭ1	АЭ2
предметные ассоциации	
<i>небо 23, море 12, вода 8, океан 5, зачетка 4, ручка 4, джинсы 2, краска 2, река 2, экран 2, автомобиль, БМВ, бобик, галстук, дельфин, диван, дом, карандаш, книга, кофта, краска, куртка, лёд, моя машина, небосвод, пар пламя, пособие, рубашка, рюкзак, свитер, студенческий, субару импреза, шарик, шкаф</i>	<i>море 41, небо 28, океан 13, вода 9, кит 8, автомобиль 4, дом 3, карандаш 2, лед 2, машина 2, стол 2, шар 2, БМВ, брюки, вагон, вокзал, глаза, горизонт, забор, закат, коридор, космос, лента, мяч, незабудка, облако, озеро, плед, река, рубашка, ручка, слива, телефон, тетрадь, фломастер, фон, фонарь, флаг, шторка</i>
пояснительные (описательные) ассоциации	
<i>часть флага Украины, Русь матушка – центр</i>	
эмоционально-оценочные ассоциации	
<i>холодный 3, холодно</i>	<i>бедный, свежий, холодный</i>

Окончание табл. 1

метафорические ассоциации	
<i>толпа 2, алкоголик, будни, глубина, доброта, драка, забвение, мужество, нежность, нейтральность, ожидание, спокойствие, финиш, электричество</i>	<i>холод 5, спокойствие 2, жизнь, покой, тишина, тоска</i>
метонимические ассоциации	
<i>милиционер 2, моряк</i>	<i>радуга</i>
развёрнутые ассоциации	
	<i>море, вода, океан, небо, жизнь, спокойствие</i>
реагирование другим ЦО	
	<i>белый 2, голубой 2, blue, желтый, зелёный, фиолетовый,</i>
неоднозначные ассоциации	
<i>иней 4, нос 2, диплом, земля, небо голубое, самолет</i>	<i>цвет 6, иней 5, Кант, лайм, лоб, небесный, синее море, Я тут</i>

При рассмотрении полученных результатов можно отметить, что большинство ассоциаций на ЦО *синий* предметные. Так же, как и в случае с ЦО *желтый* [19] и *зеленый* [1], доля таких реакций выше 70%. При этом за время, прошедшее с момента проведения первого исследования, заметно уменьшилась доля метафорических ассоциаций и увеличилась доля других ЦО среди полученных результатов. Более подробное рассмотрение полученных нами предметных ассоциаций позволяет отметить, что практически все представленные предметы могут иметь разную окраску и определить небо и воду как наиболее вероятные прототипы синего цвета.

Символическое значение синего цвета связано с бесконечностью, вечностью, истиной, верой, преданностью, чистотой, целомудрием. По данным Т.Ю. Светличной и О.В. Праченко, в древних культурах синий цвет вызывает ассоциацию с духовной и интеллектуальной жизнью, что связывается с его отражением цвета неба, спокойного и в то же время нематериального (по данным нашего исследова-

ния ассоциация *небо* является ядром АП ЦО *синий*). Именно поэтому синий является цветом одежды многих богов (Амона в Древнем Египте, греческого Зевса и римского Юпитера). Для европейцев это цвет милосердия, мудрости и верности [20-22].

Символика ЦО *синий* нашла свое отражение и в результатах нашего исследования (реакции *доброта, забвение, нежность, нейтральность, ожидание, спокойствие, покой, тишина*), что также отражает психическое воздействие рассматриваемого цвета. «Наиболее часто синий цвет вызывает следующие психические воздействия: он создает тоскливое, меланхолическое настроение, вызывает спокойные чувства и грезы» [23].

Рассмотрение данных этимологических источников [24] показывает, что общеславянское слово «синий» происходит от древне-индоевропейского *śuāmás* 'тёмный, чёрный', что привело к отсутствию различия между понятиями чёрный и синий на ранних стадиях развития русского языка [5]. Согласно И.А. Адушевой, отмечается использование прила-

гательного синий в значении багрово-красный [25]. Н.Б. Бахилина отмечает и сравнения слова синий с сажей. По мнению А.П. Василевича [11], в литературе XI в. во многих случаях синий всё ещё обозначает тёмный цвет и используется в сочетании с названиями водных источников и некоторых природных явлений. Именно ассоциацию с водой можно считать доминирующей в структуре АП ЦО **синий** на данный момент (реакции *море, океан, вода, озеро, река, кит, дельфин*). В то же время связь синего и черного цвета на сегодняшний день можно считать утраченной.

Полученные в ходе проведенных нами АЭ данные не подтверждают утверждение Е.Н. Алымовой о преобладании отрицательных коннотаций в структуре рассматриваемого АП [26, с. 88]. В нашем случае большинство ассоциаций несут нейтральную стилистическую окраску.

Наличие среди ассоциаций реакций *моряк, милиционер, мужество* говорит о том, что для наших ии. синий цвет является мужественным, несмотря на то, что традиционно синий принято считать женским цветом [23]. Здесь мы имеем дело с метонимическим переносом значения от цвета формы представителей ряда типично мужских профессий.

Далее было проведено гендерное исследование полученных ассоциаций, так как по данным многочисленных исследований мужское и женское восприятия во многом отличаются [27-32]. Например, в работе О.А.Кузнецовой отмечается, что синий цвет «снимает остроту переживания» и помогает сконцентрироваться и лучше воспринимается мужчинами [33]. Для получения более наглядной картины мы сравнили данные наших исследований с данными Русского ассоциативного словаря (РАС) [34]. Полученные нами результаты представлены в табл. 2.

Таблица 2. Гендерное сопоставление ассоциаций

Table 2. Gender comparison of the associations

РАС	АЭ1	АЭ2
Ии. мужского пола		
<i>цвет 11, туман 10, иней 3, небо 3, галстук 2, голубой 2, дым 2, зеленый 2, красный 2, нос 2, чулок 2, берет, вертолет, глаз, забор, зеленый, день, зонт, карандаш, красиво, краска, милиция, мороз, небосвод, платок, платочек, синий, синяк, снег, шарф</i>	<i>Небо 16, море 9, вода 5, зачетка 4, ручка 4, иней 3, океан 3, милиционер 2, автомобиль, алкоголик, бобик, галстук, диван, драка, джинсы, забвение, земля, карандаш, книга, краска, куртка, лёд, моряк, моя машина, мужество, нейтральность, нос, пламя, пособие, рубашка, Русь матушка – центр, рюкзак, самолет, студенческий, субару импреза, часть флага Украины, финиш, холодно, шарик, экран, электричество</i>	<i>море 22, небо 17, вода 7, автомобиль 4, кит 4, океан 4, цвет 4, холод 3, белый 2, blue, бедный, БМВ, брюки, вокзал, голубой, горизонт, дом, желтый, забор, закат, зелёный, иней, Кант, карандаш, коридор, космос, лайм, лед, лента, лоб, машина, покой, радуга, ручка, свежий, слива, тетрадь, тишина, тоска, фиолетовый, фломастер, фон, фонарь, холодный, шар, шторка, Я тут</i>

Окончание табл. 2

Table (ending)

Ии. женского пола		
<i>небо 5, иней 3, снег 3, шарик 3, вечер 2, голубой 2, карандаш 2, платок 2, туман 2, автомобиль, алый, бородастый, дом, звезды, зеленый, козел, костюм, мерседес, море, нос, падеж, пресный, птица, слива, утопленник, цвет, шар, шарф</i>	<i>Небо 7, вода 3, море 3, холодный 3, океан 2, река 2, БМВ, глубина, джинсы, дельфин, диплом, доброта, дом, иней, кофта, краска, небо голубое, небосвод, нежность, нос, ожидание, пар, свитер, спокойствие, шкаф, экран</i>	<i>море 19, небо 11, океан 9, кит 4, иней 3, вода 2, дом 2, спокойствие 2, стол 2, холод 2, цвет 2, вагон, глаза, голубой, жизнь, карандаш, лед, машина, мяч, небесный, незабудка, облако, озеро, плед, река, рубашка, синее море, телефон, флаг, шар</i>

Табл. 3 представляет гендерную структуру АП ЦО *синий*.

Таблица 3. Гендерное распределение ответов

Table 3. Gender distribution of the answers

РАС	АЭ1	АЭ2
Мужские ассоциации		
<i>галстук 2, дым 2, красный 2, чулок 2, берет, вертолет, глаз, забор, зеленый, день, зонт, красиво, краска, милиция, мороз, небосвод, платочек, синий, синяк</i>	<i>ручка 4, зачетка 4, милиционер 2, автомобиль, алкоголик, бобик, галстук, диван, драка, забвение, земля, карандаш, книга, краска, куртка, лёд, моряк, моя машина, мужество, нейтральность, пламя, пособие, рубашка, Русь матушка – центр, рюкзак, самолет, студенческий, субару импреза, финиш, холодно, часть флага Украины, шарик, электричество</i>	<i>автомобиль 4, белый 2, blue, бедный, БМВ, брюки, вокзал, горизонт, желтый, забор, закат, зелёный, Кант, коридор, космос, лайм, лента, лоб, покой, радуга, ручка, свежий, слива, тетрадь, тишина, тоска, фиолетовый, фломастер, фон, фонарь, холодный, шторка, Я тут</i>
Женские ассоциации		
<i>шарик 3, вечер 2, автомобиль, алый, берет, бородастый, дом, звезды, козел, костюм, мерседес, море, падеж, пресный, птица, слива, утопленник, шар</i>	<i>холодный 3, река 2, БМВ, глубина, дельфин, диплом, дом, доброта, кофта, краска, небосвод, нежность, небо голубое, ожидание, пар, свитер, спокойствие, шкаф</i>	<i>спокойствие 2, стол 2, вагон, глаза, жизнь, мяч, небесный, незабудка, облако, озеро, плед, река, рубашка, синее море, телефон, флаг</i>
Общие ассоциации		
<i>Туман 12, цвет 12, небо 8, иней 6, голубой 4, снег 4, зеленый 3, карандаш 3, нос 3, платок 3, шарф 2</i>	<i>Небо 23, море 12, вода 8, океан 5, иней 4, джинсы 2, нос 2, экран 2</i>	<i>море 41, небо 28, океан 13, вода 9, кит 8, цвет 6, иней 5, холод 5, дом 3, голубой 2, карандаш 2, лед 2, машина 2, шар 2</i>

Табл. 3 показывает отсутствие четкой гендерной дифференциации полученных реакций. Единственной гендерно маркированной ассоциацией можно считать ассоциацию *автомобиль* в АЭ2. При этом по данным предыдущих экспериментов эту ассоциацию можно назвать гендерно нейтральной. Остальные реакции в основном единичные и можно предположить, что они говорят скорее об индивидуальном восприятии ЦО отдельно взятым испытуемым и являются отражением его или ее индивидуального опыта.

Сопоставление данных, полученных в ходе наших экспериментов, с данными РАС показывает следующее смещение центра АП ЦО **синий**: *туман* → *небо* → *море* (по данным РАС ассоциация *море* находится на периферии АП ЦО **синий** с частотой упоминания один). Этот факт демонстрирует подвижный характер структуры АП любого концепта в зависимости от культурного и индивидуального знания ии. о том или ином предмете.

На втором этапе исследования мы использовали метод семантического дифференциала (подробнее об организации и проведении нами эксперимента с использованием СД см. [35-36]), который успешно применяется в современной лингвистике в целом и в психолингвистике в частности [37-42].

Предварительный анализ полученных результатов показал, что ЦО **синий** воспринимается, прежде всего, как холодный и хороший (доля максимальных ответов по этим шкалам около 70%). Около 60% максимальных ответов по шкалам приятный и позитивный. Молодые люди также оценили этот цвет как успокаивающий (77%), а девушки – как серьезный (66%), сильный (66%) и мужественный (56%).

Основной этап обработки результатов СД заключался в проведении факторного анализа с использованием программного пакета STATISTICA (табл. 4).

Таблица 4. Результаты факторного анализа (ии. мужского пола)

Table 4. Factor analysis of male answers

Шкала	Ф 1	Ф2	Ф3	Ф4	Ф5
приятный – неприятный	0,76	-0,07	0,28	0,09	0,07
радостный – печальный	0,76	0,10	0,05	-0,10	0,28
тёплый – холодный	0,28	0,07	-0,22	0,59	0,46
активный – пассивный	0,33	0,56	0,19	-0,08	0,53
расслабленный – напряженный	0,13	0,41	-0,13	0,41	-0,02
смешной – серьезный	0,18	0,68	-0,43	-0,11	0,03
динамичный – статичный	0,01	0,85	0,29	0,11	-0,05
эмоциональный – рациональный	0,39	0,76	0,18	0,08	0,05
прекрасный – безобразный	0,68	0,24	0,40	0,13	-0,21
искренний – неискренний	0,53	0,10	0,21	0,37	0,34
хороший – плохой	0,69	0,09	0,14	0,34	0,09
мужественный – женственный	0,34	-0,04	0,79	-0,11	-0,12
сильный – слабый	0,45	0,19	0,76	-0,12	0,09
воинственный – миролюбивый	0,16	0,13	0,61	0,19	0,39
формальный – неформальный	0,10	0,01	0,09	0,72	-0,10
успокаивающий – возбуждающий	-0,02	0,01	-0,05	0,01	-0,76
предпочитаемый – отвергаемый	0,72	-0,01	0,27	0,19	-0,11
добрый – злой	0,63	0,04	-0,23	0,17	-0,34
позитивный – негативный	0,80	0,03	-0,17	-0,20	-0,14
весёлый – грустный	0,74	0,25	-0,08	-0,31	0,30

Данные, указанные в табл. 4, наглядно показывают выделение в семантическом пространстве ЦО *синий* пяти факторов (входящие в каждый фактор шкалы выделены жирным шрифтом): Ф1 – «оценка», Ф2 – «активность», Ф3 – «си-

ла», Ф4 – «формальность» и Ф5 – «психологический комфорт».

Рассмотрим подробнее гистограммы распределения оценок по факторам: оценка, сила и активность (рис. 1-3).

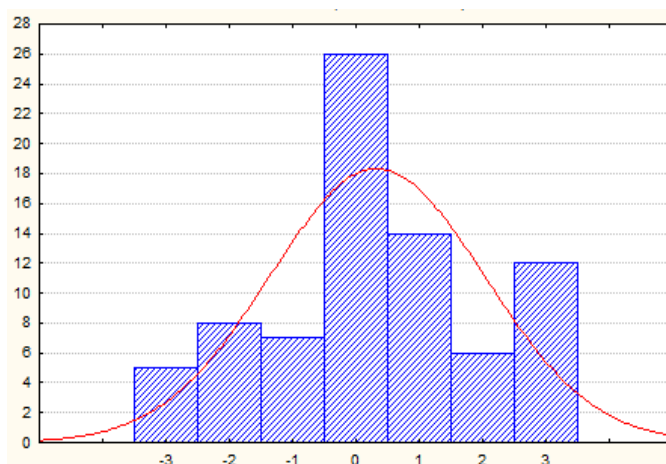

Рис. 1. Фактор «сила» (ии. мужского пола)

Fig.1. Potency factor (male answers)

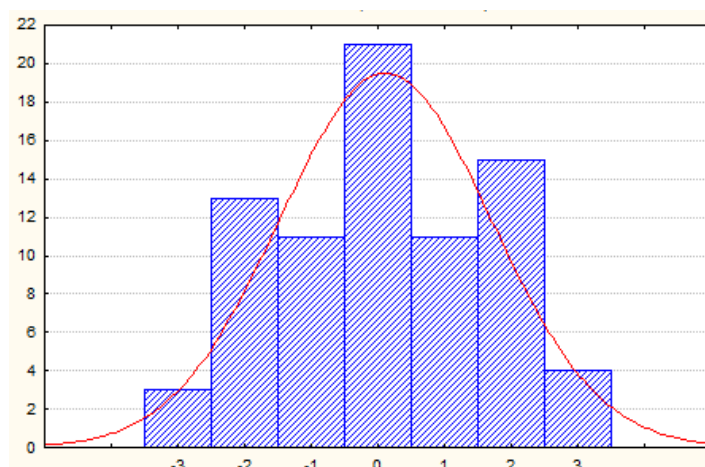

Рис. 2. Фактор «активность» (ии. мужского пола)

Fig. 2. Activity factor (male answers)

Гистограммы распределения ответов по факторам «сила» (см. рис. 1), и «активность» (см. рис. 2) построены по законам нормального распределения с модой 0 и средним значением, равным 0. Это говорит о нейтральной оценке ЦО по представленным факторам.

Похожая ситуация наблюдается и по фактору «оценка» (см. рис.3). Это нормальное распределение с модой 0. Однако среднее значение этого распределения ближе к +1, что говорит о смещении ответов в сторону положительного оценивания.

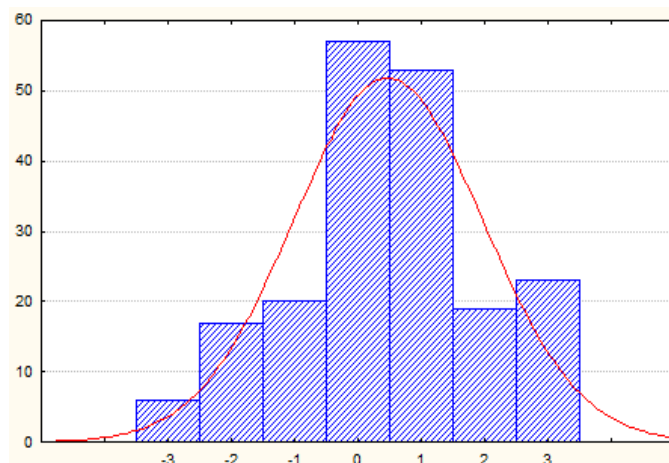

Рис. 3. Фактор «оценка» (ии. мужского пола)

Fig. 3. Evaluation factor (male answers)

В свою очередь в ответах ии. женского пола мы выделили четыре фактора

(табл. 5): «оценка», «сила», «формальность» и «активность».

Таблица 5. Результаты факторного анализа (ии. женского пола)

Table 5. Factor analysis of female answers

Шкала	Ф 1	Ф2	Ф3	Ф4
приятный – неприятный	0,70	-0,02	0,11	0,19
радостный – печальный	0,79	0,11	-0,23	0,13
тёплый – холодный	0,48	0,56	0,01	0,04
активный – пассивный	0,42	0,05	-0,07	0,80
расслабленный – напряженный	0,70	0,08	0,54	-0,02
смешной – серьезный	0,37	0,51	0,23	0,51
динамичный – статичный	0,29	-0,30	-0,27	0,76
эмоциональный – рациональный	0,24	-0,22	0,13	0,71
прекрасный – безобразный	0,89	0,07	0,04	0,14
искренний – неискренний	0,77	0,03	0,31	0,17
хороший – плохой	0,84	-0,13	0,07	0,20
мужественный – женственный	-0,17	-0,70	0,06	-0,02
сильный – слабый	0,33	-0,77	0,07	0,39
воинственный – миролюбивый	-0,37	-0,76	0,14	0,27
формальный – неформальный	0,21	-0,33	0,73	0,20
успокаивающий – возбуждающий	0,56	0,24	0,54	-0,24
предпочитаемый – отвергаемый	0,83	0,05	0,05	0,06
добрый – злой	0,81	0,18	-0,24	-0,05
позитивный – негативный	0,85	-0,09	-0,26	-0,11
весёлый – грустный	0,34	0,08	-0,58	0,39

Распределение по фактору «оценка» (рис. 4) у девушек практически идентич-

но распределению по тому же фактору у юношей. Это близкое к нормальному

распределение со смещением в сторону положительного оценивания. Однако вторым по распространенности ответом в данном случае является крайне положи-

тельная оценка рассматриваемого ЦО, что свидетельствует о более высокой оценке по сравнению с первой группой ии.

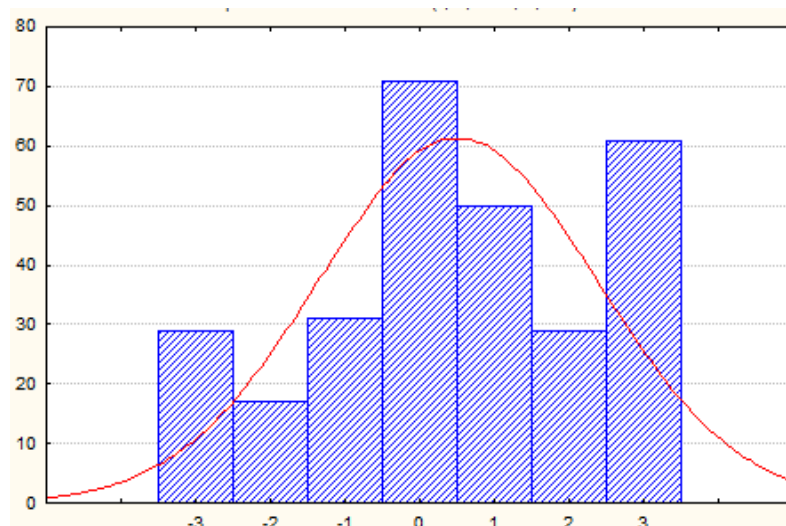

Рис. 4. Фактор «оценка» (и. женского пола)

Fig.4. Evaluation factor (female answers)

Мода распределения по фактору «сила» +3 (рис. 5). В то же время можно отметить разделение ии. на две группы: одна дает ЦО *синий* нейтральную оценку

по указанному показателю, а другая однозначно характеризует его как сильный. Мода данного распределения +3.

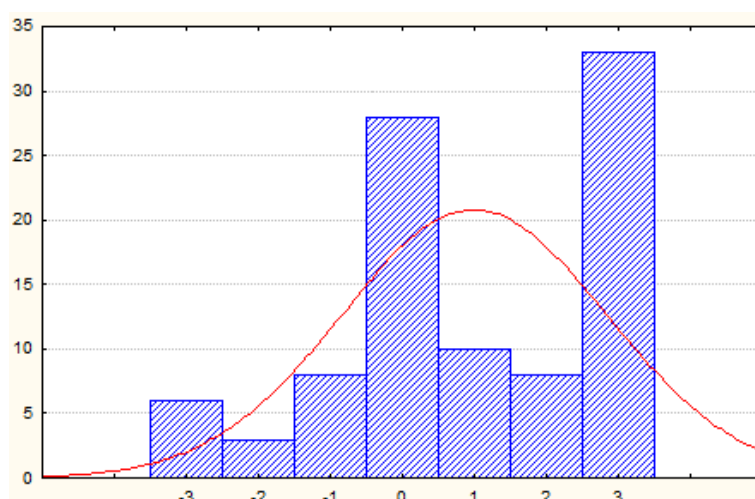

Рис. 5. Фактор «сила» (и. женского пола)

Fig. 5. Potency factor (female answers)

Самым неоднозначным оказалось распределение по фактору «активность» (рис. 6). Здесь мы видим все три возмож-

ных варианта оценивания. Мода представленного распределения 0 и средняя оценка тоже близка к нулю.

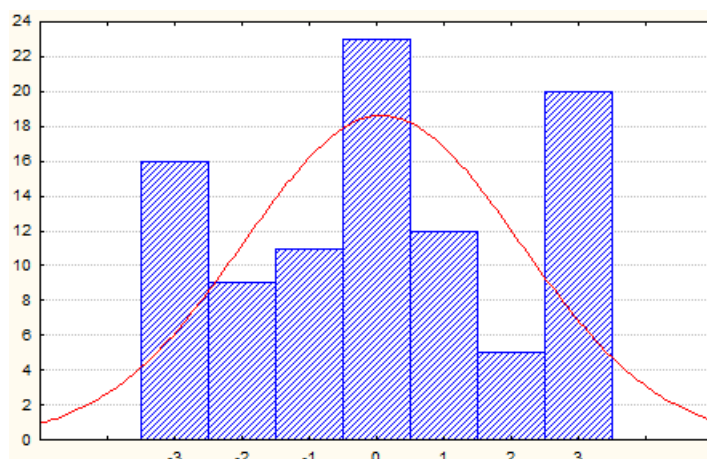

Рис. 6. Фактор «активность» (ии. женского пола)

Fig. 6. Activity factor (female answers)

Указанные выше данные показывают, что отношение к ЦО *синий* является нейтрально-положительным. Это может быть следствием его психологического воздействия, так как этот цвет традиционно считается успокаивающим (что наглядно подтверждается результатами ФА по группе молодых людей).

Выводы

Представленное исследование наглядно показало нейтрально-положительный образ ЦО *синий*. Доминантное отношение к данной цветовой характеристике нейтральное. Лишь небольшое количество полученных реакций (*холодный, холодно, толпа*) имеют отрицательную коннотацию. Именно поэтому синий цвет может успешно использоваться в рекламных целях. Д.А. Бакеева отмечает широкое использование синего цвета в рекламе кондиционеров и вентиляторов, окон, минеральной воды, туристических фирм [43, с. 29].

Среди полученных в ходе АЭ2 реакций много цветонаименований, что свидетельствует о взаимосвязи АП ЦО *синий* с ассоциативными полями других ЦО. Реакция *дом* отмечена в АП ЦО *си-*

ний, желтый, серый, коричневый и розовый; *земля* – АП ЦО *синий, серый, коричневый, чёрный*; *море* – *жёлтый, красный, синий, чёрный, голубой*; *небо* – *синий, серый, белый, голубой, оранжевый*; *ручка* – *синий, фиолетовый*; *автомобиль, нейтральность* – *синий и серый*; *свитер* – *синий, серый, оранжевый, коричневый*; *радуга* – *синий и оранжевый*; *спокойствие, успокоение* – *синий и зелёный*; *туман* – *синий, коричневый и серый*. Реакция *цвет* отмечена у всех ЦО.

Сопоставление данных в диахронном аспекте выявило трансформацию центра АП ЦО *синий*. В РАС в качестве самых упоминаемых ассоциаций зафиксированы реакции *туман* и *цвет*, в АЭ1 – *небо* и *море*, а в АЭ2 – *море* и *небо*, ассоциация *туман* не зафиксирована. Можно отметить, что за последние тридцать лет отмечается увеличение числа ассоциаций синего цвета с водой (в РАС подобных реакций всего 2 (*море* и *утопленник*), в АЭ1 – 24%, АЭ2 – 39%).

Среди полученных реакций можно выделить следующие семантические группы: «вода» (*море, океан, река, озеро, вода, кит*), «небо» (*небо, горизонт, закат, облако*), «холод» (*холодный, лед,*

иней, снег), «автомобиль» (*машина, БМВ, автомобиль*).

При проведении гендерного сопоставления не было выявлено значительных отличий восприятия исследуемого ЦО мужской и женской частью ии. Един-

ственной гендерно маркированной ассоциацией можно считать реакцию *автомобиль*, отмеченную только в ответах ии. мужского пола. Это позволяет сделать вывод об отсутствии четкой гендерной дифференциации рассматриваемого ЦО.

Список литературы

1. Таныгина Е.А. Образ цвета в сознании носителя языка: дис. ... канд. филол. наук. Курск, 2012. 200 с.
2. Gibson E., Futrell R. Color naming across languages reflects color use // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America. 2017. Vol. 114, Issue 40, 3. Pp. 10785-10790. <https://doi.org/10.1073/pnas.1619666114>.
3. Нанкевич А. А. Цветовые системы как способ репрезентации категорий цвета // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2022. Т. 8. № 2. С. 77-93. <https://doi.org/10.18413/2408-932X-2022-8-2-0-6>
4. Никулина Т.Е. Прилагательное «синий» в языке русских волшебных сказок (по сборникам и записям XIX в.) // История слова в текстах и словарях. Ставрополь, 1988. С. 113–123.
5. Бахилина Н.Б. История цветообозначений в русском языке. М.: Наука, 1975. 288 с.
6. Супрун А., Филановский Г. Почему мы так одеты. М.: Молодая гвардия, 1990. 190 с.
7. Таныгина Е.А. Проблема соотношения знания и наименования (на примере цветообозначения черный) // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки», 2011. № 2 (40). С. 154–159.
8. Таныгина Е.А. Образ цвета в сознании носителя русской культуры (на примере цветообозначения розовый) // Вестник ИГЛУ. 2011. № 4. С. 69–75.
9. Залевская А.А. Психолингвистические исследования: Слово. Текст: Избранные труды. М.: Гнозис, 2005.
10. Горошко Е.И. Изучение вербальных ассоциаций на цвета // Языковое сознание и образ мира: сборник статей / отв. ред. Н.В. Уфимцева. М.: Институт языкознания РАН, 2000. URL: https://iling-ran.ru/library/psylingva/sborniki/Book2000/html_204/4-9.html.
11. Василевич А.П., Кузнецова С.Н., Мищенко С.С. Цвет и названия цвета в русском языке. М.: КомКнига, 2005. 216 с.
12. Архипова С.В. Ассоциативный эксперимент в психолингвистике // Вестник Бурятского государственного университета. 2011. № 11. С.6–9.
13. Борисова Ю.А. Ассоциативный эксперимент в современных психолингвистических исследованиях // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2019. Т. 8. № 1. С. 265-275.
14. Osgood Ch. E., Suci G., Tannenbaum P. The Measurement of Meaning. University of Illinois Press, 1957. 346 p.
15. Tanygina E. The Inner Image of Russian Color Term черный (Black) (Experimental Study) // Proceedings of the International Scientific and Practical Conference “Current Issues of

Linguistics and Didactics: The Interdisciplinary Approach in Humanities and Social Sciences” (CILDIAH 2019). 2019. Vol. 69 (2019). URL: <https://doi.org/10.1051/shsconf/20196900117/>

16. Таныгина Е. А., Никитенкова Т. С. Образ университета, стоящий за словами образование, ВУЗ, университет в сознании современных студентов // Вестник Тверского государственного университета. Сер. «Филология». 2020. № 4 (67). С. 87-97.

17. Таныгина Е. А., Нефедов Н. Г., Рубцов Н. Ю. Образ современной школы в сознании русскоязычных студентов // Язык для специальных целей: система, функции, среда: сб. науч. статей VIII Междун. научно-практ. конф. Курск, 2020. С. 412-416.

18. Таныгина Е.А. Особенности восприятия цветообозначений русского языка (на основе результатов ассоциативного эксперимента) // Концепт и культура: сборник научных статей (4-ая международная научная конференция) (Кемерово, 7 – 8 октября 2010 г.). Кемерово: ИНТ, 2010. С. 543 – 548.

19. Таныгина Е. А. Образ цветообозначения желтый в сознании носителей русской культуры (экспериментальное исследование) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2019. Т. 9, № 3. С. 99–113.

20. Светличная Т.Ю. Сравнительные лингвокультурные характеристики цветообозначения и цветовосприятия в английском и русском языках: дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. 186 с.

21. Праченко О.В. Фразеологические единицы с колоративным компонентом в русском, английском, испанском и португальском языках: дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2004. 273 с.

22. Грибер Ю.А., Йонаускайте Д., Мор К. Цвета эмоций: экспериментальное исследование ассоциативных связей в современном русском языке // Litera. 2019. № 1. С. 69-86. DOI 10.25136/2409-8698.2019.1.28892.

23. Обухов Я.Л. Синий цвет // Журнал практического психолога. 1997. №1. С. 30-41

24. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М.: Астрель, 2004. 592 с.

25. Адушева И. А. Символика синего цвета в устойчивых сочетаниях английского и русского языков // Архивариус. 2015. Т. 2. № 3(3). С. 102-105.

26. Алымова Е.Н. Цвет как лингвокогнитивная категория в русской языковой картине мира: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2007. 268 с.

27. Annenkova A.V. Some Results of Psycholinguistic Research of Polycode Advertising Texts: Gender Factor Influence // Proceedings of the International Scientific and Practical Conference “Current Issues of Linguistics and Didactics: The Interdisciplinary Approach in Humanities and Social Sciences” (CILDIAH 2019). 2019. Vol. 69 (2019). <https://doi.org/10.1051/shsconf/20196900004> (дата обращения: 19.12.2022)

28. Анненкова А. В. К вопросу о восприятии образной составляющей поликодового текста имиджевой рекламы: гендерный фактор (экспериментальное исследование) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2019. Т. 9. № 2(31). С. 21-32.

29. Егорова В.И. Гендерные особенности виртуальной коммуникации // Известия Юго-Западного государственного университета. 2016. № 4 (21). С. 99-106.

30. Горлачева В.В. Гендерные особенности цветообозначений в современном русскоязычном рекламном дискурсе // Вісник запорізького національного університету. Філологічні науки. 2009. №1. С. 22-28.

31. Гришкова В.И. Специфика речевого поведения мужчин и женщин в лингвистических исследованиях // Язык для специальных целей. Система. Функции. Среда: сб. науч. статей. Курск, 2004. С. 36-38.
32. Хабибулина Э.А. Влияние гендерных стереотипов на функционирование цветообозначений в области моды // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. №28 (243). С. 116-120.
33. Кузнецова О.А., Челидзе А.Д., Демчук Д.С. Гендерные особенности восприятия цвета в рекламе // Евразийский союз ученых. 2015. №5 (14). С. 121-123.
34. Русский ассоциативный словарь. URL: <http://thesaurus.ru/dict/> (дата обращения: 21.12.2022).
35. Таныгина Е.А. Внутренний образ цветообозначения фиолетовый в сознании носителя русской культуры // Вестник Тверского государственного университета. Сер. «Филология». 2011. № 4. Вып. 2 «Лингвистика и межкультурная коммуникация». Тверь: Твер. гос. ун-т, 2011. С. 218–226.
36. Таныгина Е.А. Исследование внутреннего образа слов-цветообозначений русского языка с использованием методики семантического дифференциала // «Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Филология и искусствоведение, 2011. № 1 (2). С. 35–41.
37. Kim MK , Muller HM , Weiss S. What you "mean" is not what I "mean": Categorization of verbs by Germans and Koreans using the semantic differential // LINGUA. 2021. Vol. 252. <https://doi.org/10.1016/j.lingua.2020.103012>
38. Konishi T. The connotations of gender: A semantic differential study of German and Spanish // Word. 1994. T. 45, №. 3. С. 317–327.
39. Анненкова А. В. Метод семантического дифференциала в исследовании социальной рекламы // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2013. № 4. С. 82-87.
40. Голубева Е.В. Изучение концепта «деньги» методом семантического дифференциала // Языковая личность. Речевые жанры. Текст: сборник научных трудов М., 2008. URL: http://golubevaelenav.narod.ru/science_L/gol_15.htm. (дата обращения: 01.12.2022).
41. Резанова З.И. Влияние грамматического рода на концептуализацию объектов (экспериментальное исследование) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 50. С. 104-124. <https://doi.org/10.17223/19986645/50/7>.
42. Соломин И.Л. Психосемантическая диагностика трудовой мотивации в управлении персоналом // Мир авионики, 2006. №4. С. 34-40.
43. Бакеева Д. А. Восприятие синего цвета в рекламной коммуникации (на примере печатной рекламы в СМИ Республики Мордовия) // Социальные трансформации. 2019. № 30. С. 25-30.

References

1. Tanygina E.A. *Obraz cveta v soznanii nositelya yazyka*. Diss. kand. filol. nauk [The image of color in the minds of a native speaker. Cand. philol. sci. abstract. diss.]. Kursk, 2012. 200 p.
2. Gibson E., Futrell R. Color naming across languages reflects color use. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*, 2017, vol. 114, is. 40, 3, pp. 10785-10790. <https://doi.org/10.1073/pnas.1619666114>.

3. Nankevich A. A. Color systems as representatives of color categories. *Research Result. Social Studies and Humanities*, 2022, vol. 8 (2), pp. 77-93. <https://doi.org/10.18413/2408-932X-2022-8-2-0-6>

4. Nikulina T.E. *Prilagatel'noe "sinij" v yazyke russkikh volshebnykh skazok (po sbornikam i zapisyam XIX v.)* [The adjective "blue" in the language of Russian fairy tales (according to collections and records of the XIX century)]. *Istoriya slova v tekstah i slovaryah* [The history of the word in texts and dictionaries]. Stavropol', 1988, pp. 113–123 (In Russ.).

5. Bahilina N.B. *Istoriya cvetooboznachenij v russkom yazyke* [The history of color terms in Russian]. Moscow, Nauka Publ., 1975. 288 p.

6. Suprun A., Filanovskij G. *Pochemu my tak odety* [Why are we dressed like this]. Moscow, "Molodaya gvardiya" Publ., 1990. 190 p.

7. Tanygina E.A. Problema sootnosheniya znaniya i naimenovaniya (na primere cvetooboznacheniya chernyj) [The problem of name and knowledge correlation (on the basis of Russian colour term чёрный (black)]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Gumanitarnye i social'nye nauki" = Scientific Notes of the Oryol State University. Series "Humanities and Social Sciences"*, 2011, no. 2 (40), pp. 154–159.

8. Tanygina E.A. *Obraz cveta v soznanii nositelya russkoj kul'tury (na primere cvetooboznacheniya rozovyj)* [The image of color in the mind of the bearer of Russian culture (on the example of the color term pink)]. *Vestnik IGLU = Bulletin of the IGLOO*, 2011, no. 4, pp. 69–75.

9. Zalevskaya A.A. *Psiholingvisticheskie issledovaniya: Slovo. Tekst: Izbrannye trudy* [Psycholinguistic research. A word. Text. Selected works]. Moscow, Gnosis Publ., 2005.

10. Goroshko E.I. [Study of verbal associations on colors]. *Yazykovoe soznanie i obraz mira. Sbornik statej* [Language consciousness and the image of the world. A collection of articles]. Moscow, 2000. (In Russ.). Available at: https://iling-ran.ru/library/psylingva/sborniki/Book2000/html_204/4-9.html.

11. Vasilevich A.P., Kuznetsova S.N., Mishchenko S.S. *Cvet i nazvaniya cveta v russkom yazyke* [Color and color names in Russian]. Moscow, KomKniga Publ., 2005. 216 p.

12. Arkhipova S.V. *Associativnyj eksperiment v psiholingvistike* [Associative experiment in psycholinguistics]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Buryat State University*, 2011, no. 11, pp. 6-9.

13. Borisova Yu.A. *Associativnyj eksperiment v sovremennykh psiholingvisticheskikh issledovaniyakh* [Associative experiment in modern psycholinguistic research]. *Psihologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya = Psychology. Historical and Critical Reviews and Contemporary Research*, 2019, vol. 8, no. 1, pp. 265-275.

14. Osgood Ch.E., Suci G., Tannenbaum P. *The Measurement of Meaning*. University of Illinois Press, 1957. 346 p.

15. Tanygina E. The Inner Image of Russian Color Term чёрный (Black) (Experimental Study). *Proceedings of the International Scientific and Practical Conference "Current Issues of Linguistics and Didactics: The Interdisciplinary Approach in Humanities and Social Sciences"* (CILDAH 2019), 2019, vol. 69. Available at: <https://doi.org/10.1051/shsconf/20196900117/>

16. Tanygina E. A., Nikitenkova T. S. [The inner image of modern university in the language consciousness of Russian students]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Filologiya" = Herald of Tver State University. Series: Philology*, 2020, no 4 (67), pp. 87-97 (In Russ.).

17. Tanygina E. A., Nefedov N. G., Rubtcov N. Yu. [The image of modern school in language consciousness of Russian students]. *Yazyk dlya spetsial'nykh tselei: sistema, funktsii, sre-*

da: *sbornik nauchnykh statei VIII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Language or specific purposes: system, function, environment. Collection of scientific articles of the VIII international scientific and practical conference]. Kursk, 2020, pp. 412-416.

18. Tanygina E.A. [Features of the perception of color designations of the Russian language (based on the results of an associative experiment)]. *Koncept i kul'tura. Sbornik nauchnykh statej (4-aya mezhdunarodnaya nauchnaya konferenciya)* [Concept and Culture. Collection of scientific articles (4th international scientific conference)]. Kemerovo, INT Publ., 2010, pp. 543–548 (In Russ.).

19. Tanygina E.A. *Obraz cvetooboznacheniya zheltiy v soznanii nositelej russkoj kul'tury (eksperimental'noe issledovanie)* [The image of the color term yellow in the consciousness of the carriers of Russian culture (experimental research)]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*, 2019, vol. 9, no. 3, pp. 99–113.

20. Svetlichnaya T.Yu. *Sravnitel'nye lingvokul'turnye harakteristiki cvetooboznacheniya i cvetovospriyatiya v anglijskom i russkom yazykah*. Diss. kand. filol. nauk [Comparative linguistic and cultural characteristics of color designation and color perception in English and Russian languages. Cand. philol. sci. diss.]. M., 2003. 186 p.

21. Prachenko O.V. *Frazeologicheskie edinicy s kolorativnym komponentom v russkom, anglijskom, ispanskome i portugal'skom yazykah*. Diss. kand. filol. nauk [Phraseological units with a colorative component in Russian, English, Spanish and Portuguese. Cand. philol. sci. diss.]. Kazan', 2004. 273 p.

22. Griber Yu.A., Jonauskajte D., Mor K. *Cveta emocij: eksperimental'noe issledovanie asociativnykh svyazej v sovremennom russkom yazyke* [The colors of emotions: experimental research of associative relations in modern Russian]. *Litera*, 2019, no. 1, pp. 69-86. <https://doi.org/10.25136/2409-8698.2019.1.28892>.

23. Obuhov Ya.L. *Sinij cvet* [Blue color]. *Zhurnal prakticheskogo psihologa = Journal of a Practical Psychologist*, 1997, no. 1, pp. 30-41.

24. Fasmer M. *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. Moscow, Astrel' Publ., 2004. 592 p.

25. Adusheva I. A. *Simvolika siniego cveta v ustojchivyh sochetaniyakh anglijskogo i russkogo yazykov* [The symbolism of blue in stable combinations of English and Russian languages]. *Archivarius*, 2015, vol. 2, no. 3(3), pp. 102-105.

26. Alymova E.N. *Cvet kak lingvokognitivnaya kategoriya v russkoj yazykovoj kartine mira*. Diss. kand. filol. [Color as a linguocognitive category in the Russian language picture of the world. Cand. of sci. philol. diss. nauk]. St. Petersburg, 2007. 268 p.

27. Annenkova A.V. Some Results of Psycholinguistic Research of Polycode Advertising Texts: Gender Factor Influence. *Proceedings of the International Scientific and Practical Conference "Current Issues of Linguistics and Didactics: The Interdisciplinary Approach in Humanities and Social Sciences" (CILDIAH 2019)*, 2019, vol. 69 (2019). Available at: <https://doi.org/10.1051/shsconf/20196900004>.

28. Annenkova A. V. *K voprosu o vospriyatii obraznoj sostavlyayushchej polikodovogo teksta imidzhevoj reklamy: gendernyj faktor (eksperimental'noe issledovanie)* [To the question of perception peculiarities of figurative component of polycode image advertising: gender factor (experimental research)]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*, 2019, vol. 9, no. 2(31), pp. 21–32.

29. Egorova V. I. Gendernye osobennosti virtual'noj kommunikacii [Gender characteristics of virtual communication]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*, 2016, no. 4 (21), pp. 99-106.

30. Gorlacheva V.V. Gendernye osobennosti cvetooboznachenij v sovremennom russko-yazychnom reklamnom diskurse [Gender features of color designations in modern Russian-language advertising discourse]. *Bisnik zaporiz'kogo nacional'nogo universitetu. Filologichni nauki = Bulletin of Zaporizhzhya National University. Philological Sciences*, 2009, no. 1, pp. 22-28.

31. Grishkova V.I. [The specifics of the speech behavior of men and women in linguistic research]. *Yazyk dlya spetsial'nykh tselei: sistema, funktsii, sreda. Sbornik nauchnykh statei* [Language for special purposes: system, functions, environment. Collection of scientific articles]. Kursk, 2004, pp. 36–38 (In Russ.).

32. Khabibulina E.A. Vliyanie gendernykh stereotipov na funkcionirovanie cvetooboznachenij v oblasti mody [The influence of gender stereotypes on the functioning of color designations in the field of fashion]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Chelyabinsk State University*, 2011, no. 28 (243), pp. 116-120.

33. Kuznetsova O.A., Chelidze A.D., Demchuk D.S. Gendernye osobennosti vospriyatiya cveta v reklame [Gender characteristics of color perception in advertising]. *Evrazijskij soyuz uchenykh = Eurasian Union of Scientists*, 2015, no. 5 (14), pp. 121-123.

34. *Russkij asociativnyj slovar'* [Russian associative dictionary]. Available at: <http://tesaurus.ru/dict/>.

35. Tanygina E. A. Vnutrennij obraz cvetooboznacheniya fioletovyj v soznanii nositelya russkoj kul'tury [Inner image of color term фиолетовый (purple) in the consciousness of Russian culture bearers]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Filologiya" = Herald of Tver State University. Series: Philology*, 2011, no 4, pp. 218-226.

36. Tanygina E.A. Issledovanie vnutrennego obraza slov-cvetooboznachenij russkogo yazyka s ispol'zovaniem metodiki semanticheskogo differenciala [Investigation of the internal image of Russian color terms using the method of semantic differential]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Filologiya i iskusstvovedenie = Bulletin of the Vyatka State Humanitarian University. Philology and Art History*, 2011, no. 1 (2), pp. 35–41.

37. Kim MK, Muller HM, Weiss S. What you "mean" is not what I "mean": Categorization of verbs by Germans and Koreans using the semantic. *LINGUA*, 2021, vol. 252. <https://doi.org/10.1016/j.lingua.2020.103012>

38. Konishi T. The connotations of gender: A semantic differential study of German and Spanish. *Word*, 1994, vol. 45, no. 3, pp. 317–327.

39. Annenkova A. V. Metod semanticheskogo differenciala v issledovanii social'noj reklamy [Semantic differential in social advertisement research]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*, 2013, no. 4, pp. 82-87.

40. Golubeva E.V. "Yazykovaya lichnost'. Rechevye zhanry. Tekst". *Sbornik nauchnykh trudov* [Study of the concept "money" by the method of semantic differential]. [Collection of scientific works "Language personality. Speech genres. Text"]. (In Russ.). Moscow, 2008. Available at: http://golubevaelenavnarod.ru/science_L/gol_15.htm.

41. Rezanova Z.I. Vliyanie grammaticheskogo roda na konceptualizaciyu ob'ektov (eksperimental'noe issledovanie) [The influence of the grammatical gender on the conceptualization of

objects (an experimental study]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* = *Tomsk State University Journal of Philology*, 2017, no. 50, pp. 104-124. <https://doi.org/10.17223/19986645/50/7>.

42. Solomin I.L. Psihosemanticheskaya diagnostika trudovoj motivacii v upravlenii personalom [Psychosemantic diagnostics of labor motivation in personnel management]. *Mir avioniki* = *World of Avionics*, 2006, no. 4, pp. 34-40.

43. Bakeeva D. A. Vospriyatie siniego cveta v reklamnoj kommunikacii (na primere pechatnoj reklamy v SMI Respubliki Mordoviya) [Perception of blue color in advertising communication (on the example of print advertising in the media of the Republic of Mordovia)]. *Social'nye transformacii* = *Social transformation*, 2019, no. 30, pp. 25-30.

Информация об авторе / Information about the Author

Таныгина Елена Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: eabel@yandex.ru,
Researcher ID: 0000-0002-5488-4185

Elena A. Tanygina, Cand. of Sci. (Philological), Associate Professor of the Department of Foreign Languages, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: eabel@yandex.ru,
Researcher ID: 0000-0002-5488-4185

Оригинальная статья / Original article

УДК 811.111

<https://doi.org/10.21869/2223-151X-2023-13-1-98-105>

Неологизмы периода пандемии COVID-19 в современной британской прессе

О.А. Шатохина¹ ✉

¹Невинномысский государственный гуманитарно-технический институт
Бульвар мира, д. 17, Невинномысск 357108, Российская Федерация

✉ e-mail: yaginskaya26@bk.ru

Резюме

В данной статье проводится анализ понятия «неологизм», определяется его лингвостилистическая функция, систематизируются и анализируются особенности употребления неологизмов периода пандемии COVID-19 в известных британских периодических изданиях на примере конкретных статей. Поскольку СМИ описывают явления и события, которые характерны для определенного времени, наибольшее количество неологизмов появляется именно в прессе. Анализ неологизмов в рамках данного исследования проведен на основе классификации Л. В. Шевелевой, согласно которой неологизмы разделяются на три группы: собственно неологизмы, лексические новообразования, семантические неологизмы.

Актуальность темы данного исследования обуславливается тем, что новые слова возникают в языке постоянно, на всех этапах его существования, особенно в период социальных потрясений, быстрого темпа развития общества, и вопрос об их систематизации приобретает особую значимость. Цель данного исследования состоит в выявлении и анализе новых лексических единиц, возникших в современном английском языке в период пандемии COVID-19, и установлении их лингвостилистической функции в процессе формирования нового лексического слоя английского языка.

В результате исследования автор пришел к выводу, что большую часть неологизмов в британской прессе периода COVID-19 составляют лексические новообразования. Большинство лексем, которые были проанализированы, несут номинативную функцию. Только словосочетания *Corona Mutant* и *Corona Winter* выполняют экспрессивную функцию и словосочетания *Booster campaign* и *The beginning of the pandemic* – функцию привлечения внимания.

Методологическую базу данного исследования составили: метод семантического анализа, метод сплошной выборки, метод лингвистического описания (интерпретация и обобщение анализируемого материала), сопоставительный анализ, лингвостатистический анализ.

Предложенный автором статьи систематизированный материал может быть использован в педагогической и научной деятельности в сфере таких отраслей языкознания, как неология, лингвистическое терминоведение, дериватология.

Ключевые слова: неологизм; лексическое новообразование; функция неологизма; СМИ; газетный текст; COVID-19.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Шатохина О.А. Неологизмы периода пандемии COVID-19 в современной британской прессе // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2023. Т. 13, № 1. С. 98-105. <https://doi.org/10.21869/2223-151X-2023-13-1-98-105>.

Статья поступила в редакцию 30.01.2023

Статья подписана в печать 10.03.2023

Статья опубликована 15.04.2023

Neologisms of the COVID-19 Pandemic Period in the Modern British Press

Olga A. Shatokhina¹ ✉

¹Nevinnomyssk State Humanitarian and Technical Institute
17 Bulvar Mira str., Nevinnomyssk 357108, Russian Federation

✉ e-mail: yaginskaya26@bk.ru

Abstract

This article analyzes the concept of "neologism", determines its linguistic and stylistic function, systematizes and analyzes the features of the use of neologisms of the COVID 19 pandemic period in well-known British periodicals on the example of specific articles. Since the media describe phenomena and events that are characteristic of a certain time, the greatest number of neologisms appears in the press. The analysis of neologisms in the framework of this study is based on the classification of L. V. Sheveleva, according to which neologisms are divided into three groups: neologisms proper, lexical neoplasms, semantic neologisms.

The relevance of the topic of this study is due to the fact that new words appear in the language constantly, at all stages of its existence, especially during the period of social upheavals, the rapid pace of development of society, and the question of their systematization is of particular importance. The purpose of this study is to identify and analyze new lexical units that emerged in modern English during the COVID-19 pandemic, and to establish their linguistic and stylistic function in the process of forming a new lexical layer of the English language.

As a result of the study, the author came to the conclusion that most of the neologisms in the British press of the COVID-19 period are lexical neoplasms. Most of the lexemes that have been analyzed have a nominative function. Only the phrases Corona Mutant and Corona Winter perform an expressive function, and the phrases Booster campaign and The beginning of the pandemic – the function of attracting attention.

The methodological basis of this study was the method of semantic analysis, the method of continuous sampling, the method of linguistic description (interpretation and generalization of the analyzed material), comparative analysis, linguistic and statistical analysis.

The systematized material proposed by the author of the article can be used in pedagogical and scientific activities in the field of such branches of linguistics as neology, linguistic terminology, derivatology.

Keywords: neologism; lexical formation; neologism function; media; newspaper text; COVID-19.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Shatokhina O. A. Neologisms of the COVID-19 Pandemic Period in the Modern British Press. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*. 2023, 13(1): 98–105 (In Russ.). <https://doi.org/10.21869/2223-151X-2023-13-1-98-105>.

Received 30.01.2023

Accepted 10.03.2023

Published 15.04.2023

Введение

Быстрое развитие современного мира, политические, социальные и культурные связи с зарубежными странами, влияние научно-технического прогресса, а также значительные изменения в социально-экономической сфере приводят к постоянному изменению словарного запаса современного английского языка.

Одним из источников пополнения и расширения лексики языка новыми лексемами является газетный текст. Язык СМИ выполняет не только информационную функцию, но и функцию привлечения внимания, эмоционального воздействия на читателя, используя при этом, в том числе и неологизмы.

Появление новых лексических единиц привело к возникновению новой науки – неологии, которая, как раздел науки лексикологии, изучает методы образования, использования и происхождения неологизмов.

Рассуждения о неологии и неологизмах должны быть основаны на ясном представлении о главных терминах. Анализ теоретической и лингвистической литературы показал, что в современных источниках существуют различные трактовки понятия «неологизм», которые, как мы полагаем, объясняются различием подходов к определению данного понятия, критериев, параметров и признаков, по которым оно детерминируется.

Своей целью автор ставит выявить и проанализировать новые лексические единицы, возникшие в современном английском языке в период пандемии COVID-19, и установить их лингвистическую функцию в процессе формирования нового лексического слоя английского языка.

Материалы и методы

К анализу привлекаются лексические единицы, использованные в известных британских периодических изданиях “The Guardian”, “The Daily Telegraph”, “The Independent”, “Positive News”, “The Daily Mirror”.

В ходе описания и анализа отобранных в результате сплошной выборки лексических единиц в данном исследовании использованы метод семантического анализа, метод лингвистического описания (интерпретация и обобщение анализируемого материала), сопоставительный анализ, лингвостатистический анализ.

Результаты и обсуждения

Толковый словарь русского языка Т.Ф. Ефремовой даёт следующее определение неологизма: «новое слово, выражение или новое значение у уже существующего слова, вновь появившееся в языке на определенном этапе его развития» [1].

Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой предлагает следующую трактовку термина «неологизм»: «новое слово или выражение, а также новое значение старого слова» [2]. О.С. Ахманова в «Словаре лингвистических терминов» определяет неологизм как «слово или оборот, созданные (возникшие) для обозначения нового, прежде неизвестного, предмета или для выражения нового понятия» [3].

На наш взгляд, приведенные определения отличаются односторонностью и упрощенностью, так как не отражают всей полноты рассматриваемого понятия. В данных понятиях подчеркивается такая стилистическая особенность, как новизна. Новизна новой лексической единицы важна для ее соотнесения к неологизмам, так как этот признак всегда был ключевым для неологии. Однако этого не достаточно для того, чтобы новое лексическое образование можно было причислить к неологизму. Следовательно, данные определения слишком расплывчаты, так как создают впечатление, что все новые слова имеют одну природу. Эта мысль подтверждается словами А.А. Брагиной, «неологизмы – это не только слова, ранее не существовавшие, родившиеся вместе с новым явлением. Чаще мы наблюдаем новые осмысления старых слов, обогащение их новыми значениями» [4].

Ученый-лингвист В. И. Заботкина утверждает, что «признаком неологизма является абсолютная новизна слова для большинства носителей языка. Слово является неологизмом очень непродолжительное время. Как только слово начинает активно употребляться, оно теряет признак новизны и становится общеупотребительным» [5]. Таким образом, слово остается неологизмом, до тех пор, пока говорящие ощущают в нём что-то новое, или пока новые понятия не станут привычными, после чего они прочно закрепляются в словарном составе и уже перестают восприниматься как новые.

С учетом рассмотренных выше мнений можно сказать, что существуют два подхода к пониманию понятия «неологизм» – узкий и широкий. В широком смысле «неологизм» рассматривается как объединяющий термин для языковых и речевых новообразований. В работе автор опирается на позицию Н. З. Котеловой, которая определяет неологизмы как «собственно новые, впервые образованные или заимствованные из других языков слова, так и слова, известные в языке и ранее, но или употреблявшиеся ограниченно, за пределами литературного языка, или ушедшие на какое-то время из активного употребления, а сейчас ставшие широко употребительными, а также производные слова, которые как бы существовали в языке потенциально и были образованы от давно образовавшихся слов по известным моделям лишь в последние годы (их регистрируют письменные источники только последних лет)» [6].

Большое количество определений термина «неологизм» стало причиной появления различных по содержанию классификаций новых слов. В работе И. Г. Олшанского представлена традиционная классификация, согласно которой выделяют следующие виды неологизмов: языковые или лексические неологизмы, к которым причисляют лексемы, возникшие в Великобритании во второй половине XX века; стилистические неологизмы (индивидуальные, авторские), служащие для придания тексту стилистической окраски [7].

Анализ неологизмов в рамках нашей работы мы проводили на основе классификации Л. В. Шевелевой, согласно которой неологизмы разделяются на три группы [8]:

1) собственно неологизмы – слова, которые пришли в английский язык из других языков;

2) лексические новообразования – слова, которые образуются по уже существующим в языке моделям. Сюда же можно отнести слова, которые образова-

лись путем конверсии (перехода из одной части речи в другую);

3) семантические неологизмы – слова, которые приобретают новое или дополнительное значение.

Неологизмы выполняют различные функции: номинативную (обозначение новых понятий), функцию привлечения внимания, функцию экономии языковых средств, например, в рекламном тексте, эвфемизацию, отображение колорита времени, выражение экспрессивности.

Изменения, происходящие в обществе, отражаются в первую очередь в СМИ. Именно поэтому в современных СМИ появляется множество неологизмов. Пандемия COVID-19 стала источником возникновения большого числа неологизмов, поэтому мы провели анализ некоторых статей британских периодических изданий таких, как “The Guardian”, “The Daily Telegraph”, “The Independent”, “Positive News”, “The Daily Mirror” данного периода времени, выявили наиболее часто используемые неологизмы, попытались определить их особенности и лингвостилистические функции в тексте.

В информационном сообщении “*So many men have already been vaccinated*” мы встретили следующие неологизмы:

1. *COVID-19* – неологизм, выполняющий номинативную функцию, так как обозначает название заболевания, относится к группе собственно неологизмов (“*Vaccinations are the most powerful tools against the pandemic: They protect against a serious genetic disease with COVID - 19 and prevent some of the infections*” (The Guardian, 14.12.2021)).

2. *Booster campaign* – словосочетание образовано путем соединения двух слов, бустер – так называемые «освежающие прививки» (Open-air communication). В статье это словосочетание, по нашему мнению, выполняет функцию привлечения внимания к ситуации. Его можно отнести к лексическим новообразованиям (“*The Booster campaign started late, so that many of the vaccination coverage had already de-*

creased significantly and the number of vaccinated people in the intensive care units was increasing“ (The Guardian, 14.12.2021)).

3. *Vaccination commission* – комиссия по вакцинации, выполняемая функция – номинативная, относится к группе лексических новообразований (*“The Standing Vaccination Commission has only been recommending vaccination with an mRNA vaccine (Bio NTech or Moderna) against COVID-19 for people aged twelve and over since mid-August”* (The Guardian, 14.12.2021)).

4. *The vaccination rate* – коэффициенты вакцинации, номинативная функция, группа – лексические новообразования (*“The vaccination rates shown here may be too low and could actually be higher”* (The Guardian, 14.12.2021)).

5. *The PCR test* – тест на определение нахождения вируса в организме, в данном контексте вируса – ковида, слово выполняет номинативную функцию, относится к группе семантических неологизмов (*“This is shown by data on symptomatic infections from the weekly report of the Robert Koch Institute, which GUARDIAN ONLINE evaluated – so all the cases were taken into account in which not only the PCR test for the coronavirus was positive, but the infected person also felt symptoms”* (The Guardian, 14.12.2021)).

6. *Corona Mutant* – мутирование вируса ковид; выполняет экспрессивную функцию, относится к группе – собственно неологизмы (*“In countries without a sufficient vaccine, this also increases the risk that new corona mutants will emerge”* (The Guardian, 14.12.2021)).

7. *Vaccination centers* – центры вакцинации; выполняет номинативную функцию, относится к группе лексических новообразований (*“The vaccines of the various manufacturers are delivered to vaccination centers, mobile vaccination teams, medical practices and company doctors in the federal states”* (The Guardian, 14.12.2021)).

8. *Corona vaccine* – вакцина от коронавируса; номинативная функция; группа – лексические новообразования (*“Of the four corona vaccines now approved in the EU, the EU Commission has ordered a total of at least 1.4 billion doses for the approximately 450 million Europeans”* (The Guardian, 14.12.2021)).

Рассмотрим информационное сообщение *“Coronavirus in Britain and in your country – all figures at a glance”* в газете *“The Daily Telegraph”* от 14.12.2021. Помимо вышеперечисленных неологизмов, нами были найдены еще несколько:

1. *Corona patient* – больной коронавирусом; номинативная функция; группа – лексические новообразования (*“The number of intensive care beds occupied by corona patients continues to increase”* (The Daily Telegraph, 14.12.2021)).

2. *Quick test* – экспресс тест на выявление COVID 19; номинативная функция; группа – лексические новообразования (*“In addition, private individuals can test themselves at home or at work with quick tests”* (The Daily Telegraph, 14.12.2021)).

3. *Virus variant* – вариант вируса; номинативная функция; относится к группе лексических новообразований (*“Currently, only the Delta virus variant, which is significantly more contagious compared to previous mutations, is spreading in Britain”* (The Daily Telegraph, 14.12.2021)).

Следующая проанализированная статья *“Latest fugales”* представила следующую группу неологизмов:

1. *The beginning of the pandemic* – начало пандемии; функция привлечения внимания; группа – лексические новообразования (*“At the beginning of the pandemic, the lists were short and the advice vague”* (The Independent, 10.12.2021)).

2. *Antibody* – антитела; номинативная функция; группа – лексические новообразования (*“On the one hand, she is very afraid for me. On the other hand, I am worried that she is missing something, a 42-year-old mother who can hardly build anti-*

bodies against the corona virus told us“(The Independent, 10.12.2021)).

В статье *“The new university president will not have it easy”* находим немало следующих неологизмов:

1. *Corona Winter* – зима в период коронавируса; экспрессивная функция; относим к группе лексических новообразований (*“The London Christmas markets were allowed to open in this second corona winter, but for the operators it was a loss-making business”* (Positive News, 26.12.2021)).

2. *Corona Cases* – случаи ковида; номинативная функция; группа – лексические новообразования (*“702 New Corona Cases...”* (Positive News, 26.12.2021)).

3. *Corona Rules* – правила в период пандемии; номинативная функция; группа – лексические новообразования (*“The interior ministry is now thinking about tightening the corona rules during demonstrations”* (Positive News, 26.12.2021)).

Статья *“Corona emergency loans”* в британской газете *The Daily Mirror* представлена еще несколькими неологизмами:

1. *Mandatory masks* – обязательность ношения маски; номинативная функция; принадлежит к группе лексических новообразований (*“Specifically: about a mandatory mask requirement at gatherings with over 500 people and a general limit on the number of participants”* (The Daily Mirror, 20.12.2021)).

2. *Corona emergency loans* – срочные кредиты во время коронавируса; номинативная функция; группа – лексические новообразования (*“622 new corona cases: New high, New rent level, Court of Auditors criticizes the granting of corona emergency loans”* (The Daily Mirror, 20.12.2021)).

Выводы

Исходя из данного исследования, можно сделать вывод о том, что большую часть неологизмов, выявленных в британской прессе периода COVID 19, составляют лексические новообразования.

Большинство лексических единиц (около 80 %), которые мы проанализировали, несут номинативную функцию и тесно переплетаются с коммуникативной функцией. Они вошли в словарный состав современного английского языка, поскольку возникла необходимость обозначения новых понятий, предметов, явлений, освоенных социумом. Их задача – назвать новую реалию и в предложении подобные неологизмы сохраняют стилистическую нейтральность [9].

Словосочетания *Corona Mutant* и *Corona Winter* выполняют экспрессивную функцию в проанализированных нами статьях, имеют яркий колоритный стилистический оттенок, привлекающий внимание и эмоционально воздействующий на читателя.

Словосочетания *Booster campaign* и *The beginning of the pandemic* – функцию привлечения внимания адресата для успешной реализации целей своей деятельности.

Таким образом, важные периоды развития общества, катаклизмы, кризисные ситуации находят свое отражение в языке, и, прежде всего, языке СМИ. Изложенные в данном исследовании выводы и результаты могут быть использованы в педагогической и научной деятельности в сфере таких отраслей языкознания, как неология, лингвистическое терминоведение, дериватология; для составления отраслевых переводческих словарей, также полученные результаты могут быть использованы для актуализации лексикографических значений и обновления дефиниций традиционных толковых словарей [10]; для разработки учебников и учебных пособий по английскому языку как иностранному для переводчиков литературы общей и медицинской направленности, в практике редактирования и реферирования общезыковых и медицинских текстов, в курсах переводоведения; в спецкурсах по словообразованию.

Список литературы

1. Ефремова Т.Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка. 2-е изд., испр. М.: Астрель: АСТ, 2005. 489 с.
2. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / под ред. проф. Л.И. Скворцова. 27-е изд., испр. М. Изд-во АСТ: Мир и Образование, 2018. 736 с.
3. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: УРСС, 2014. 569 с.
4. Брагина А.А. Неологизмы в русском языке. М.: Просвещение, 1973. 224 с.
5. Заботкина В.И. Новая лексика современного английского языка. М.: Высш. шк., 1999. 124 с.
6. Котелова Н.З. Первый опыт лексикографического описания русских неологизмов. СПб.: Нестор-История, 2015. 276 с.
7. Ольшанский И.Г. *Lexicology: The English contemporary language*. М.: Издательский центр «Академия», 2005. 416 с.
8. Шевелева Л.В. Лексикология современного английского языка: курс лекций. М.: Высш. шк., 2004. 240 с.
9. Зеленин А.В. Методы и приемы исследования коронавирусного лексикона (обзор зарубежных работ) // Русский язык коронавирусной эпохи / Т. Н. Буцева, Х. Вальтер, И.Т. Вепрева [и др.]. СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2021. С. 66–90. URL: <https://iling.spb.ru/dictionaries/neology/coronavirus/book.pdf>.
10. Мелихова Ю. Р. Специфика ассоциативного поля лексемы «перчатки» в период пандемии COVID - 19 // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2022. Т. 12, № 3. С. 23-33.
11. Словарь русского языка коронавирусной эпохи / Х. Вальтер, Е.С. Громенко [и др.]. СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2021. 550 с. URL: <https://iling.spb.ru/dictionaries/neology/coronavirus/dictionary.pdf>.
12. Longman Dictionary of Contemporary English. London: Longman Group, Ltd., 2015. 2224 p.
13. Macmillan English Dictionary. For Advanced Learners. NEW Macmillan Publishers Limited, 2007. 1692 p.
14. The Concise Oxford Dictionary. Oxford University Press, 1988. 1264 p.
15. Collins English Dictionary. URL: <http://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/buzz-word.pdf>.

References

1. Yefremova T.F. *Tolkoviy slovar' slovoobrazovatel'nykh yedinit russkogo yazy'ka* [Explanatory dictionary of word-forming units of the Russian language]. Moscow, Astrel: AST Publ., 2005. 489 p.
2. Ojegov S.I. *Tolkoviy slovar' russkogo yazy'ka* [Explanatory dictionary of the Russian language]; ed. by prof. L.I. Skvortsova. Moscow, 2018. 736 p.
3. Akhmanova O.S. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of Linguistic Terms]. Moscow, URSS Publ., 2014. 569 p.
4. Bragina A.A. *Neologizmy' v russkom yazy'ke* [Neologisms in Russian]. Moscow, 1973. 224 p.
5. Zabotkina V.I. *Novaya leksika sovremennogo angliyskogo yazy'ka* [New vocabulary of modern English]. Moscow, Vysch. sh. Publ., 1999. 124 p.

6. Kotelova N.Z. *Pervy' opyt leksikograficheskogo opisaniya russkikh neologizmov* [The first experience of lexicographic description of Russian neologisms]. St. Petersburg, Nestor-History Publ., 2015. 276 p.
7. Ol'shanskiy I.G. *Lexicology: The English contemporary language*. Moscow, Publishing Center "Academy" Publ., 2005. 416 p.
8. Sheveleva L.V. *Leksikologiya sovremennogo angliyskogo yazy'ka* [Lexicology of modern English]. Moscow, Vysch. sh. Publ., 2004. 240 p.
9. Zelenin A.V. *Metody i priemy issledovaniya koronavirusnogo leksikona (obzor zarubezhnykh rabot)* [Methods and techniques for studying the coronavirus lexicon (review of foreign works)]. *Russkiy yazyk koronavirusnoy epokhi* [Russian language of the coronavirus era]; ed. by T.N. Butseva, H. Walter, I.T. Vepreva. St. Petersburg, Institute for Linguistic Research, Russian Academy of Sciences Publ., 2021, pp. 66–90 (In Russ.). Available at: <https://iling.spb.ru/dictionaries/neology/coronavirus/book.pdf>.
10. Melikhova Yu. R. Spetsifika assotsiativnogo polya leksemy "perchatki" v period pandemii KOVID – 19. [Specific Features of the Associative Field of the Lexeme “Gloves” During the COVID–19 Pandemic]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*, 2022, no. 12(3), pp. 23-33.
11. Val'ter X., Gromenko E.S. et al. *Slovar' russkogo yazy'ka koronavirusnoj e'poxi* [Dictionary of the Russian language of the coronavirus era]. St. Petersburg: Institut lingvisticheskix issledovanij RAN Publ., 2021. 550 p. Available at: <https://iling.spb.ru/dictionaries/neology/coronavirus/dictionary.pdf>.
12. Longman Dictionary of Contemporary English. London, Longman Group, Ltd., 2015. 2224 p.
13. Macmillan English Dictionary. For Advanced Learners. NEW Macmillan Publishers Limited, 2007. 1692 p.
14. The Concise Oxford Dictionary. Oxford University Press, 1988. 1264 p.
15. Collins English Dictionary. Available at: <http://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/buzz-word.pdf>.

Информация об авторе / Information about the Author

Шатохина Ольга Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент, Невинномысский государственный гуманитарно-технический институт, научный сотрудник научно-исследовательской части Невинномысского государственного гуманитарно-технического института, Невинномысск, Российская Федерация, e-mail: yaginskaya26@bk.ru

Olga A. Shatokhina, Cand. of Sci. (Philological), Associate Professor, Nevinnomyssk State Humanitarian and Technical Institute, Researcher of the research unit of Nevinnomyssk State Humanitarian and Technical Institute, Nevinnomyssk, Russian Federation, e-mail: yaginskaya26@bk.ru

Оригинальная статья / Original article

УДК 37.016:811.161.1'243

<https://doi.org/10.21869/2223-151X-2023-13-1-106-120>

Лингводидактическое тестирование в цифровой среде как инструмент обучения и контроля формирования языковой компетенции инофонов

Т. В. Ковалева¹ ✉, И.О. Амелина¹

¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, 94, Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: t_kovaleva@mail.ru

Резюме

В статье анализируется система тестовых заданий по русскому языку как иностранному на этапе предвузовской подготовки, предназначенных для обучения и контроля формирования языковой компетенции обучающихся.

Целью исследования является обеспечение качественными тестовыми технологиями, способствующими формированию языковых компетенций инофонов в условиях дистанционного и смешанного форматов обучения, анализ их эффективности в проведении контроля, самоконтроля и корректирующих мероприятий.

Материалом исследования послужили тестовые материалы и результаты текущего, промежуточного и итогового тестового контроля по русскому языку как иностранному. Тестовые материалы были разработаны авторами на платформе Moodle для реализации обучения на этапе предвузовской подготовки иностранных граждан в ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» и размещены в электронной информационно-образовательной среде ЮЗГУ. Платформа Moodle имеет широкий спектр инструментов для проектирования тестовых заданий, статистической обработки результатов прохождения тестов, что позволяет получить информацию о качестве тестов.

Авторами исследования проведен выборочный статистический анализ тестов для текущего, промежуточного и итогового контроля с последующей корректировкой отдельных вопросов теста. Статистический анализ учитывал такие параметры, как индекс легкости, стандартное отклонение, балл случайного угадывания, намеченный вес, эффективный вес, индекс дискриминации, эффективность дискриминации.

Автоматизированный контроль на начальном этапе обучения РКИ носит планомерный, систематичный и регулярный характер и дает возможность проверки полученных в процессе обучения знаний и навыков по лексике и грамматике, позволяет объективно оценить и сопоставить успехи и недочеты в учебной деятельности инофона, выявить уровень владения языком, исключив субъективное мнение преподавателя об обучающемся, предусматривает возможность обратной связи, существенно сокращает временные затраты на проверку и анализ результатов.

Авторы пришли к выводу, что анализируемые тесты оптимизируют процесс обучения и объективируют контроль, дают обучающимся возможность самоконтроля, преподавателям – варьирования способов контроля и управления самостоятельной учебной деятельностью обучающихся.

Ключевые слова: русский язык как иностранный; предвузовская подготовка; тестирование; информационно-коммуникационные технологии, статистический анализ тестов.

Конфликт интересов: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Ковалева Т. В., Амелина И.О. Лингводидактическое тестирование в цифровой среде как инструмент обучения и контроля формирования языковой компетенции инофонов // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2023. Т. 13, № 1. С. 106-120. <https://doi.org/10.21869/2223-151X-2023-13-1-106-120>.

Статья поступила в редакцию 05.01.2023

Статья подписана в печать 27.02.2023

Статья опубликована 15.04.2023

Linguodidactic Testing in the Digital Environment as a Tool for Teaching and Controlling the Formation of Language Competence of Foreign Speakers

Tatiana V. Kovaleva¹ ✉, Irina O. Amelina¹

¹Southwest State University

50 let Oktyabrya 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: t_kovaleva@mail.ru

Abstract

The article analyzes the system of test tasks in Russian as a foreign language at the stage of pre-university training, designed to control the language competence of students.

The aim of the study is to provide high-quality test technologies that contribute to the formation of language competencies of foreign speakers in the conditions of distance and blended learning formats, to analyze their effectiveness in study monitoring, self-control and corrective measures.

The test materials and the results of the current, interim and final test control in Russian as a foreign language serve as the material of the study.

The test materials were created by the authors on the Moodle platform for teaching foreign citizens at the stage of pre-university training at Southwest State University and were uploaded to SWSU's electronic information educational environment.

The Moodle platform has a wide range of tools for designing test tasks, statistical processing of test results, which allow teachers to get information about the quality of tests.

The authors of the study conducted a selective statistical analysis of the tests for the current, interim and final control, followed by the adjustment of certain test questions. Statistical analysis took into account such parameters as ease index, standard deviation, random guess score, target weight, effective weight, discrimination index, discrimination efficiency.

Automated control at the initial stage of learning Russian as a foreign language is systematic and regular and makes it possible to check the knowledge and skills in vocabulary and grammar acquired in the process of learning, allows the teachers to objectively evaluate and compare the successes and shortcomings in the educational activities of foreign students, to identify the level of language proficiency, excluding the teacher's subjective opinion of the student and provides for the possibility of feedback, significantly reduces the time spent on checking and analyzing the results.

The authors came to the conclusion that the analyzed tests optimize the learning process and objectify control, give students the opportunity of self-control and teachers the opportunity of varying ways to control and manage students' independent learning activity.

Keywords: Russian as a foreign language; pre-university preparation; testing; information and communication technologies, statistical analysis of tests.

Conflict of interest: The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Kovaleva T. V., Amelina I. O. Linguodidactic Testing in the Digital Environment as a Tool for Teaching and Controlling the Formation of Language Competence of Foreign Speakers. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*. 2023, 13(1): 106–120 (In Russ.). <https://doi.org/10.21869/2223-151X-2023-13-1-106-120>.

Received 05.01.2023

Accepted 27.02.2023

Published 15.04.2023

Введение

В современной лингводидактике тестирование посредством ИКТ, «привносящих новые возможности в информационный обмен между субъектами обучения (преподавателями, студентами)» [1, с. 117], является одним из современных инструментов получения педагогической информации и формой контроля, дающей представление о познавательной-коммуникативной деятельности иностранных обучающихся, эффективности методов и приемов учебной деятельности, что и определяет актуальность данной темы исследования. Наиболее объективную информацию о сформированности умений в устной и письменной речи дает комплексный тест, включающий задания по всем видам речевой деятельности, а также вопросы по лексике и грамматике.

В данном исследовании анализируется система тестовых заданий по лексике и грамматике и результаты тестового контроля по формированию языковой компетенции для обучающихся предвузовской подготовки в рамках элементарного (A1), базового (A2) и Первого сертификационного (B1) уровней в процессе дистанционного и смешанного обучения. Проведен выборочный статистический анализ теста для текущего контроля успеваемости с последующей корректировкой отдельных вопросов теста.

Цель работы – исследование качества тестовых технологий в процессе формирования языковых компетенций инофонов в рамках дистанционного и смешанного форматов обучения, их эффективности в проведении контроля и корректирующих мероприятий.

Материалы и методы

В процессе данного исследования использовались следующие методы: анализ и обобщение опыта по разработке те-

стов по РКИ для текущего, промежуточного и итогового контроля, представленных в электронном учебном пособии, и анализ их результатов.

Авторы исследования использовали также сравнительный, описательный, статистический методы, а также наблюдение над учебным процессом,

Анализ результатов исследований по проектированию и реализации тестовых технологий в обучении иностранным языкам в условиях цифровой и смешанной среды, их сравнительный анализ позволил определить надёжность и валидность тестов по лексике и грамматике.

Наблюдение над учебным процессом позволило скорректировать тестовый контроль, формы и виды учебной деятельности в дистанционном и смешанном форматах обучения.

Статистический метод позволил получить комплексную информацию о результатах тестового контроля, проанализировать тестовые задания и внести изменения в тесты в соответствии с полученными данными.

Материалом исследования послужили тестовые материалы и результаты текущего, промежуточного итогового тестового контроля по русскому языку как иностранному, разработанные авторами на платформе Moodle для реализации обучения на этапе предвузовской подготовки иностранных граждан в ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» и размещенные в электронной информационно-образовательной среде ЮЗГУ.

Результаты и обсуждения

Проблемам проектирования, стандартизации и использования лингводидактических тестов в практике обучения РКИ посвящены работы Т.М. Балыхиной [2, 3], А.С. Ивановой, Н.В. Поморцевой [4], Н.А. Ранневой [5, 6], О.И. Руденко

Моргун [7], Н.М. Румянцевой [8, 9], Л.Ц. Тарчимаевой [10] и др.

Оценка качества тестовых заданий в цифровой среде рассматривалась в работах И.Н. Куринина, В.И. Нардюжева, И.В. Нардюжева [11], С.А. Нестерова, М.В. Сметаниной [12], И.В. Протасовой, А.П. Толстоброва [13] и др. Опыт, представленный в данных исследованиях, позволил авторам статьи разработать тестовые задания для промежуточного, рубежного и итогового контроля на основе современных цифровых технологий.

Изучение русского языка как иностранного в дистанционном формате на этапе предвузовской подготовки потребовало корректировки форм и методов работы, системы представления учебных материалов, корректировки методов контроля с опорой на информационно-коммуникационные технологии (ИКТ).

В период 2020-21 годов, когда в связи с закрытием границ, обучающиеся подготовительного факультета изучали русский язык в условиях внеязыковой среды, стала актуальной задача обеспечения учебного процесса материалами, включающими различные виды речевой деятельности для практических занятий, самостоятельной работы и контроля (текущего, рубежного, итогового).

Учебные материалы были разработаны в соответствии с программой курса в LMS (Learning management system) Moodle, которая предусматривает возможность проектирования тестов, наряду с объективной системой оценивания результатов тестов и проверкой качества самих тестов. Все это способствует дифференциации и индивидуализации обучения, а также развития мотивации обучающихся благодаря мониторингу их прогресса [14, с. 77]. Система тестового контроля по лексике и грамматике разработана в соответствии с программой обучения, требованиями к уровню подготовки

(A1, A2, B1) и предусматривает текущий, промежуточный и итоговый контроль. Используя функциональные возможности тестовых технологий, преподаватель имеет возможность варьировать способы контроля и управлять самостоятельной учебной деятельностью обучающихся. Объектом оценки данных тестов являются языковые навыки и умения, т.е. правильность употребления лексики и грамматики, которые являются базой для формирования речевых высказываний в устной и письменной форме.

В данной статье анализируется опыт работы с тестовыми материалами по лексике и грамматике для иностранных обучающихся предвузовского этапа подготовки.

Тестовый контроль входит в структуру (систему) электронного обучающего пособия по РКИ, разработанного коллективом кафедры русского языка и общеобразовательных дисциплин для иностранных граждан ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» [15]. Необходимость разработки системы автоматизированных тестов была продиктована задачей внедрения в учебный процесс гибкой системы обучения РКИ, удовлетворяющей потребностям разных контингентов обучающихся в условиях в дистанционного обучения в период пандемии.

Систематичность и регулярность проверки полученных в процессе обучения знаний и навыков по лексике и грамматике, позволяет объективно оценить и сопоставить успехи и недочеты в учебной деятельности инофона, выявить уровень владения языком, исключив субъективное мнение преподавателя об обучающемся, а также предусматривает возможность обратной связи. Тестовый контроль носит обучающе-контролирующий характер.

Банк тестовых заданий по лексике и грамматике предназначен для проведения текущего, рубежного и итогового контроля. Текущий контроль направлен на усвоение лексико-грамматических знаний и навыков, на разных уровнях обучения и включает 11 текстов – для элементарного уровня, 8 – для базового уровня, 6 – для Первого сертификационного уровня, и проводится после изучения одной темы, включающей цикл занятий. Рубежный контроль включает поэтапные тесты по элементарному и базовому уровням. Итоговый контроль – тестовые задания на Первый сертификационный уровень. Все тесты по лексике и грамматике проводятся с ограничением во времени. Например, на выполнение тестов рубежного контроля в рамках элементарного уровня (70 вопросов) отводится 45 минут, базовый уровень (100 вопросов) – 60 минут. Итоговый контроль – Первый сертификационный уровень (165 вопросов) – 80 минут. Таким образом, процесс овладения иностранным языком осуществляется в соответствии с психофизиологическими особенностями слушателя и в этой связи носит личностно ориентированный характер.

Среда дистанционного обучения (СДО) Moodle имеет разнообразный ин-

струментарий для разработки банков тестовых заданий и проведения контроля знаний в автоматическом режиме. Тесты по лексике и грамматике как элемент электронного онлайн-курса могут быть следующих типов:

1) тест в закрытой форме, который предполагает выбор правильного ответа из указанных вариантов. Количество дистракторов задается по усмотрению разработчика теста (рис. 1, 2);

2) тест на выбор пропущенных слов, в котором в необходимых местах во фразе или тексте из предложенного списка выбирается подходящее слово (рис. 3);

3) тест на соответствие, в котором требуется сопоставить элементы двух списков. Второй список может содержать больше элементов, чем первый, и тогда парные элементы выбираются из выпадающих списков (см. рис. 3, 4);

4) тест на перетаскивание лексем в текст, в котором задание представляет собой фрагмент текста с пропущенными словами и список слов-ответов, которые обучающийся должен перетащить из этого списка в определенные места в тексте для заполнения пропусков [16, с. 438] (рис. 5).

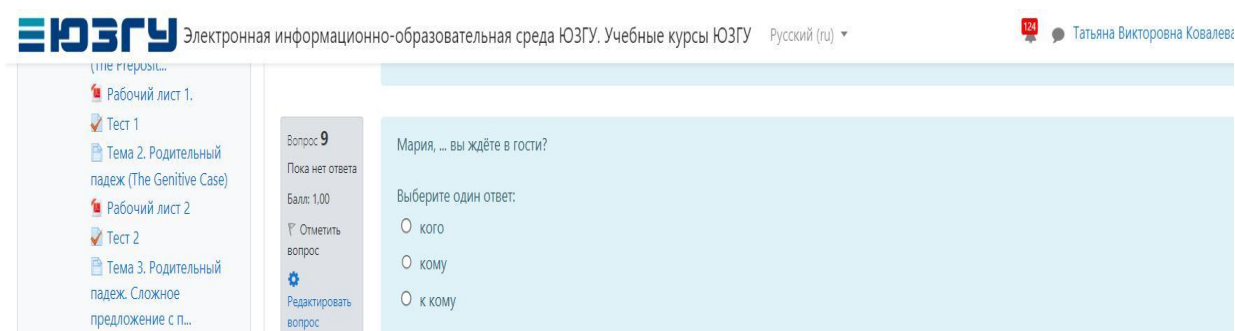

Рис. 1. Фрагмент теста по теме «Винительный падеж имен существительных» (элементарный уровень) в электронной информационно-образовательной среде ЮЗГУ

Fig. 1. Fragment of the test on the topic “Accusative case of nouns” (elementary level) in SWSU’s electronic information and educational environment

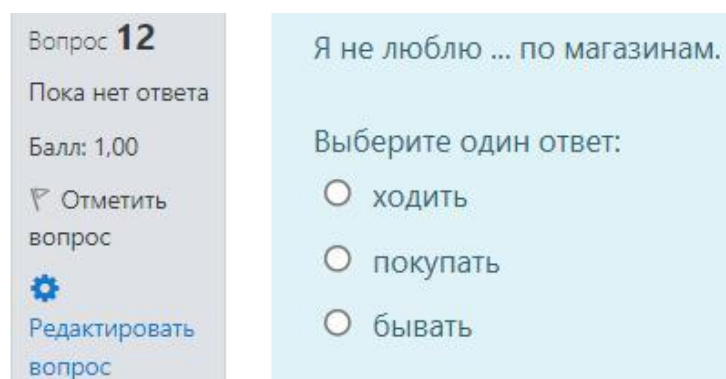

Рис. 2. Фрагмент теста по теме «Глаголы» (базовый уровень) в электронной информационно-образовательной среде ЮЗГУ

Fig. 2. Fragment of the test on the topic “Verbs” (basic level) in SWSU’s electronic information and educational environment

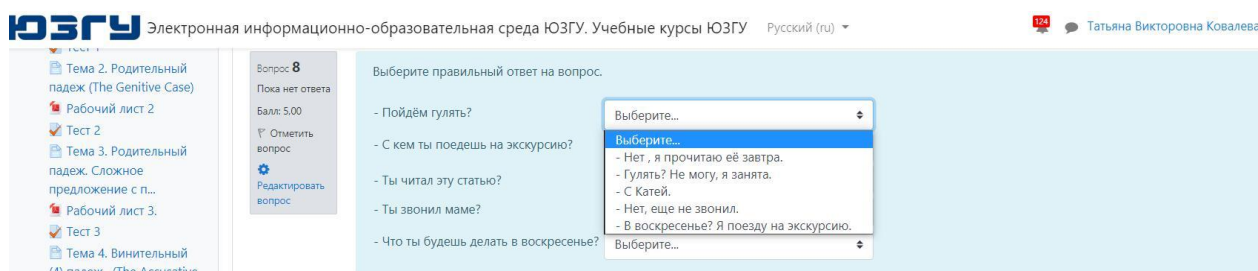

Рис. 3. Фрагмент теста по теме «Глаголы несовершенного и совершенного вида» (базовый уровень) в электронной информационно-образовательной среде ЮЗГУ

Fig. 3. Fragment of the test on the topic “Imperfect and perfect verbs” (basic level) in SWSU’s electronic information and educational environment

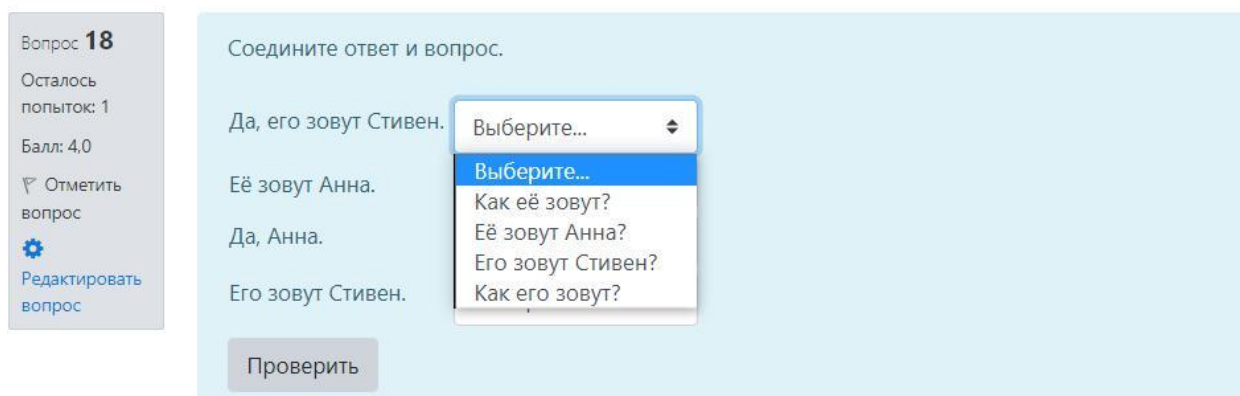

Рис. 4. Фрагмент теста по теме «Типы вопросительных предложений» (элементарный уровень) в электронной информационно-образовательной среде ЮЗГУ

Fig. 4. Fragment of the test on the topic “Types of interrogative sentences” (elementary level) in SWSU’s electronic information and educational environment

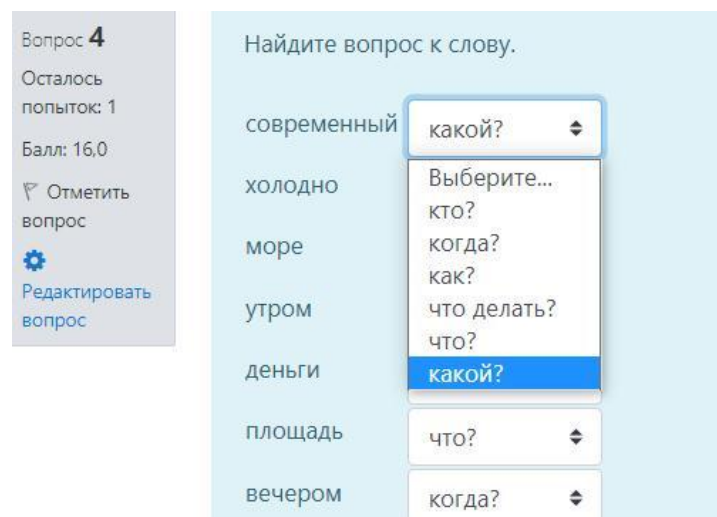

Рис. 5. Фрагмент теста по теме «Части речи» (Элементарный уровень) в электронной информационно-образовательной среде ЮЗГУ

Fig. 5. Fragment of the test on the topic "Parts of speech" in SWSU's electronic information and educational environment

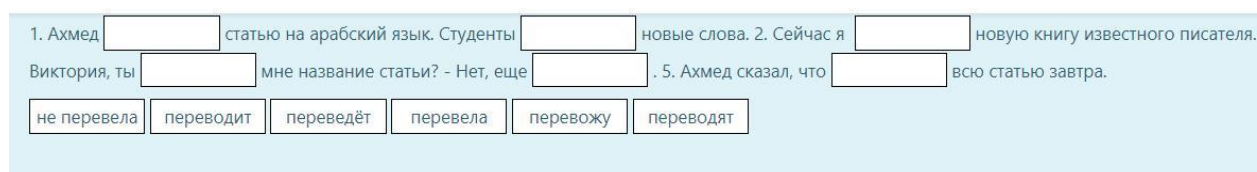

Рис. 6. Фрагмент теста по теме «Глаголы несовершенного и совершенного вида» (Базовый уровень) в электронной информационно-образовательной среде ЮЗГУ

Fig. 6. Fragment of the test on the topic "Imperfect and perfect verbs" (basic level) in SWSU's electronic information and educational environment

Процесс тестирования, обработка результатов и статистический анализ качества представленных тестов с помощью программы Moodle более технологичен по сравнению с процессом тестирования, проводимого аудиторно на бланках. Платформа Moodle имеет широкий спектр инструментов для проектирования (разработки) тестовых заданий и статистической обработки результатов прохождения тестов, а также включает опцию, позволяющую получить информацию о качестве тестов, их валидности и надежности, а значит, улучшить качество тестовых материалов. Например, LMS Moodle предоставляет возможности выявления «слишком легких и слишком трудных заданий, заданий с малой дисперсией ре-

зультатов, а также заданий с низким или отрицательным значением коэффициента дифференциации» [17, с. 104]. Для того чтобы иметь доступ к статистике по одному из тестов, необходимо открыть нужный тест и перейти в меню настроек к элементу «Статистика». По каждому тесту формируется таблица «Анализ структуры теста», в которой имеются данные по каждому вопросу, содержащие количество попыток, индекс легкости, стандартное отклонение, балл случайного угадывания, намеченный вес, эффективный вес, индекс дискриминации, эффективность дискриминации (рис. 6).

Анализ структуры теста

Скачать табличные данные как: Значения, разделенные запятой (csv) Скачать

№	Идентификатор	Название вопроса	Попытки	Индекс легкости	Стандартное отклонение	Балл случайного угадывания	Наименьший вес	Эффективный вес	Индекс дискриминации	Эффективность дискриминации
1	101	201	38	66,67%	38,75%	33,33%	4,92%	4,67%	54,63%	62,81%
2	102	202	38	73,02%	36,72%	25,00%	6,58%	5,69%	60,59%	70,75%
3	103	203	38	78,95%	32,11%	25,00%	6,58%	5,50%	71,82%	81,58%
4	104	204	38	81,58%	39,29%	50,00%	1,64%	2,67%	56,68%	77,37%
5	105	205	38	86,84%	34,26%	50,00%	1,64%	2,39%	52,05%	72,60%
6	106	206	38	50,00%	50,67%	50,00%	1,64%	2,00%	21,96%	28,22%
7	107	207	38	65,79%	48,08%	50,00%	1,64%	2,99%	57,86%	72,58%
8	108	208	38	68,42%	47,11%	50,00%	1,64%	2,74%	48,85%	61,52%
9	109	209	38	47,37%	50,60%	50,00%	1,64%	2,51%	37,12%	48,44%
10	110	210	38	71,05%	45,96%	50,00%	1,64%	3,08%	63,91%	82,72%
11	111	211	38	76,32%	43,09%	50,00%	1,64%	2,91%	57,33%	68,75%
12	112	212	38	71,05%	45,96%	50,00%	1,64%	2,39%	37,32%	47,60%
13	113	213	38	78,95%	41,32%	50,00%	1,64%	2,58%	49,95%	66,80%
14	114	214	38	68,42%	47,11%	50,00%	1,64%	2,51%	40,39%	50,73%
15	115	215	38	86,84%	34,26%	50,00%	1,64%	2,33%	49,48%	69,08%
16	116	216	38	65,79%	48,08%	50,00%	1,64%	2,93%	55,53%	69,73%
17	117	217	38	73,08%	44,63%	33,33%	1,64%	2,28%	34,77%	44,85%
18	118	218	38	65,79%	48,08%	33,33%	1,64%	2,95%	56,46%	71,20%
19	119	219	38	78,95%	41,32%	33,33%	1,64%	1,41%	12,40%	16,58%
20	120	220	38	73,68%	44,63%	33,33%	1,64%	2,88%	58,07%	75,73%
21	121	221	38	55,26%	50,39%	33,33%	1,64%	2,49%	36,57%	46,14%
22	122	222	38	73,68%	44,63%	33,33%	1,64%	2,75%	52,58%	68,27%
23	123	223	38	78,95%	41,32%	33,33%	1,64%	2,73%	56,39%	75,06%

Рис. 7. Анализ структуры теста № 21 «Причастия» для текущего контроля (первый сертификационный уровень)

Fig. 7. Analysis of the structure of Test No. 21 "Participles" for current control (first certification level)

Индекс легкости – один из показателей качества разработанных тестов – отражает соотношение среднего значения баллов, полученных всеми обучающимися при выполнении задания к максимальному количеству баллов за это задание. Если индекс легкости приближается к 100%, то задание является более легким. Например, рассмотрим показатели индекса лёгкости вопросов в тесте № 21 «Причастия» (рис. 7, 8, 9). Самый сложный вопрос (позиция 9) по индексу легкости набирает 47,37 %. Самый легкий вопрос (позиция 27) по индексу легкости – 90,46%.

Важным показателем качества электронных тестов является индекс дискриминации, который определяет способность тестового задания отличить сильных студентов от слабых и показывает связь между результатами его выполнения отдельными обучающимися и их оценками за весь тест. Качественное тестовое задание предусматривает, что сту-

денты с высокими баллами за него покажут более высокие результаты и за весь тест.

Эффективность дискриминации является показателем, который отражает соотношение ответов сильных и слабых студентов. При определении данного коэффициента принято брать результаты всей группы, не выделяя при этом разделения на сильных, средних и слабых обучающихся, поэтому данный показатель дает более точные результаты.

Коэффициент «Стандартное отклонение» устанавливает диапазон баллов, которые были получены при ответе на то или иное задание. При максимальном количестве одинаковых ответов, отклонение равняется нулю. В тесте № 21 «Причастия» стандартное отклонение составляет выше нуля по каждому из вопросов. В теории педагогических измерений считается, что тесты хорошего качества должны включать вопросы разного уровня сложности.

Статистика по позиции вопроса

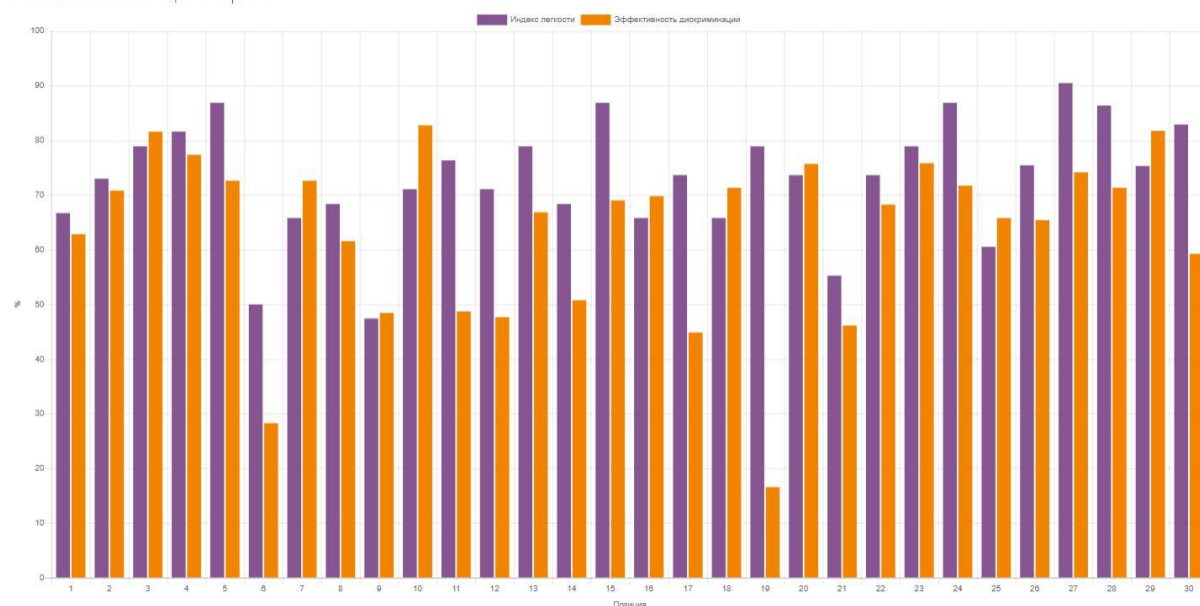

Рис. 8. Статистические данные по позиции вопроса (тест № 21 «Причастия») для текущего контроля (Первый сертификационный уровень)

Fig. 8. Statistical data on the position of the question (Test No. 21 “Participles”) for current control (first certification level)

Эффективный вес показывает фактическую долю того или иного вопроса в итоговой оценке. Эффективный вес и эффективность дискриминации являются важными показателями, «позволяющими выявить так называемые «парадоксальные» тестовые задания, то есть вопросы, на которые сильные студенты чаще дают неверный ответ, а слабые, наоборот, верный» [18]. Статистический анализ показывал, что в тесте № 21 такие «парадоксальные вопросы» отсутствуют.

Платформа Moodle представляет возможность автоматической обработки результатов тестирования, которые представлены в виде таблицы и диаграммы. В таблице имеются данные по каждому участнику тестирования, о времени начала и завершения им теста, количество попыток, затраченное на выполнение теста

время и оценка в баллах. Количественная оценка знаний обучающихся производится нами по 100-балльной системе с последующей конвертацией в 5-балльную и соответствует следующим оценкам 0–49 баллов – оценка «неудовлетворительно», 50–69 баллов – оценка «удовлетворительно», 70–84 баллов – оценка «хорошо», 85 – 100 баллов – оценка «отлично». Результаты тестирования по теме «Причастия», являющейся одной из самых сложных на начальном этапе обучения, показали, что большинство обучающихся справились с заданиями: 26,3% – оценку «удовлетворительно», 21,05% – оценку «хорошо», 44,7% – оценку «отлично». Обучающимся, которые получили неудовлетворительный результат (7,9%), потребовались дополнительные корректировочные упражнения и вторая попытка.

	Индекс легкости	Эффективность дискриминации
1	66.67	62.81
2	73.03	70.75
3	78.95	81.58
4	81.58	77.37
5	86.84	72.60
6	50.00	28.22
7	65.79	72.58
8	68.42	61.52
9	47.37	48.44
10	71.05	82.72
11	76.32	48.75
12	71.05	47.60
13	78.95	66.86
14	68.42	50.73
15	86.84	69.06
16	65.79	69.73
17	73.68	44.85
18	65.79	71.28
19	78.95	16.58
20	73.68	75.73
21	55.26	46.14
22	73.68	68.27
23	78.95	75.86
24	86.84	71.71
25	60.53	65.81
26	75.44	65.36
27	90.46	74.19
28	86.84	74.86

Рис. 9. Фрагмент статистического анализа теста № 21 «Причастия» по индексам легкости и эффективности дискриминации

Fig. 9. Fragment of a statistic analysis of Test No. 21 "Participles" on the indices of the lightness and effectiveness of discrimination

Выводы

Данные исследования показывают, что автоматизированные тесты по лексике и грамматике для текущего, промежуточного и итогового контроля оптимизируют процесс обучения и объективизи-

руют контроль, дают обучающимся возможность самоконтроля как в рамках дистанционного, так и смешанного обучения. Оценка успешности освоения лексических и грамматических тем помогает скорректировать задания (материалы), приемы обучения.

Использование автоматизированных тестов существенно сокращает временные затраты на проверку и анализ результатов. Работа с тестами в цифровой среде показывает, что тест используется и как инструмент контроля, и как инструмент учебной деятельности. Система Moodle дает возможность составителю тестов вносить необходимые коррективы в те-

сты, ориентируясь на статистику: количество попыток, индекс легкости, стандартное отклонение, балл случайного угадывания, намеченный вес, эффективный вес, индекс дискриминации, эффективность дискриминации. Учет полученных данных в процессе корректировки тестов обеспечивает большую эффективность мониторинга знаний обучающихся.

Список литературы

1. Амелина И.О. Особенности использования современных информационно-коммуникационных технологий при обучении инофонов в дистанционном формате // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2021. Т. 11, № 4. С. 116–129.
2. Балыхина Т.М. Стандартизированная контрольно-оценочная деятельность в обучении русскому языку как иностранному // Тестирование в обучении русскому языку как иностранному: современное состояние и перспективы. Научно-методические очерки. Терминологический словарь / под общ. ред. Т.М. Балыхиной. М.: Московский государственный университет печати, 2003. С. 64–74.
3. Балыхина Т.М. Государственная система тестирования по русскому языку как иностранному в аспекте общеевропейских стандартов // Уроки русской словесности: сборник научных трудов / под. ред. Л.А. Константиновой. Тула–Москва: Тульский государственный университет, 2017. С. 82–85.
4. Иванова А.С., Поморцева Н.В. Концепция нового формата контрольно-измерительных материалов для выпускников подготовительных отделений вузов РФ // Неделя науки СПбПУ: материалы конференции с международным участием (Санкт-Петербург, 13–19 ноября 2017 г.). СПб.: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2017. С. 64–66.
5. Раннева Н.А. Дидактические основы построения тестовой системы контроля: На примере начального этапа обучения русскому языку как иностранному: дис. ... канд. пед. наук. Ростов-на-Дону, 2002. 192 с.
6. Раннева Н.А., Самойлова Н.Б. Концептуальная модель тестовой системы контроля на предвузовском этапе обучения РКИ // Слово. Грамматика. Речь. 2015. № 16. С. 501–503.
7. Руденко-Моргун О.И., Жиндаева А.Г. Электронные упражнения как средство формирования лексических и грамматических навыков на этапе довузовской подготовки инофонов // Вестник РУДН. Серия Вопросы образования: языки и специальность. 2012. № 3. С. 186–192.
8. Румянцева Н.М. Проблемы адаптивного тестирования адаптации тестов к национальными личностным особенностям тестируемых // Тестирование в обучении русскому языку как иностранному: современное состояние и перспективы. Научно-методические очерки. Терминологический словарь / под общ. ред. Т.М. Балыхиной. М.: Московский государственный университет печати, 2003. С. 64–74.

9. Румянцева Н.М., Рубцова Д.Н., Терёчик Л.Б. К проблеме разработки национально-ориентированных тестов по РКИ // Русский тест: теория и практика. 2017. № 5. С. 13-18.
10. Тарчимаева Л.Ц. Тестирование как современная форма педагогического контроля в обучении русскому языку как иностранцев // Вестник Бурятского государственного университета. 2013. № 1. С. 129–132.
11. Куринин И.Н., Нардюжев В.И., Нардюжев И.В. Комплексная технология компьютерного тестирования // Вестник РУДН. Серия: Информатизация образования. 2013. № 2. С. 112-121.
12. Нестеров С.А., Сметанина М.В. Оценка качества тестовых заданий средствами дистанционного обучения Moodle // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Информатика. Телекоммуникации. Управление. 2013. № 5(181). С. 87–92.
13. Протасова И.В., Толстобров А.П., Коржик И.А. Методика анализа и повышения качества тестов в системе электронного обучения Moodle // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Системный анализ и информационные технологии. 2014. № 3. С. 61-72.
14. Амелина И. О., Ковалева Т. В. Использование видеофильмов как эффективного средства повышения мотивации в языковом образовании // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2020. Т. 10, № 4. С. 69–81.
15. Stepanova N.S., Amelina I.O., Gromenko M.V., Kovaleva T.V. RFL Online Course in Moodle LMS: Development and Application // TSNI 2021 – Textbook: Focus on Students' National Identity. M., 2021. С. 905-919.
16. Ковалева Т.В., Шульгина Н.П. Электронный учебник по РКИ как учебник нового типа // Современный учебник русского языка для средней школы: теория и практика: материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 25–26 марта 2021 года) / отв. ред. А.Д. Дейкина, В. Д. Янченко; сост. и ред. А. Д. Дейкина, В. Д. Янченко, О. Н. Левушкина, А. П. Еремеева, А. Ю. Устинов, С. С. Фролова. М.: МПГУ, 2021. С. 423-440.
17. Толстобров А.П., Коржик И.А. Возможности анализа и повышения качества тестовых заданий при использовании сетевой системы управления обучением Moodle // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Системный анализ и информационные технологии. 2008. № 2. С.100–106.
18. Чиркина А.А., Булгакова Н.В. Использование возможностей среды дистанционного обучения Moodle для оценки качества текстов // Наука – образованию, производству, экономике: материалы 73-й Регион. науч.-практ. конф. преподавателей, науч. сотрудников и аспирантов (Витебск, 11 марта 2021 г.). Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2021. С. 61-64.

References

1. Amelina I.O. Osobennosti ispol'zovaniya sovremennyh informacionno-kommunikacionnyh tekhnologij pri obuchenii inofonov v distancionnom formate [Features of Using Modern Information and Communication Technologies in Teaching Foreign Students in a Distance-Learning Format]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika*

i pedagogika = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*, 2021, no. 11(4), pp. 116–129.

2. Balykhina T.M. [Standardized control and evaluation activities in teaching Russian as a foreign language]. *Testirovanie v obuchenii russkomu yazyku kak inostrannomu: sovremennoe sostoyanie i perspektivy. Nauchno-metodicheskie ocherki. Terminologicheskij slovar'* [Testing in teaching Russian as a foreign language: current state and prospects. Scientific and methodical essays. Terminological dictionary]; ed. by T.M. Balykhina. Moscow, Moscow State University of Printing Arts Publ., 2003, pp. 64–74 (In Russ.).

3. Balykhina T.M. [State system of testing in Russian as a foreign language in the aspect of common European standards]. *Uroki russkoj slovesnosti. Sbornik nauchnyh trudov* [Lessons of Russian literature. Collection of scientific papers]; ed. by L.A. Konstantinovoj. Tula– Moscow, Tula State University Publ., 2017, pp. 82–85 (In Russ.).

4. Ivanova A.S., Pomorceva N.V. [The concept of a new format of control and measuring materials for graduates of the preparatory departments of universities of the Russian Federation]. *Nedelya nauki SPbPU. Materialy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem* [SPbPU's Science Week. Materials of the conference with international participation]. St. Petersburg, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University Publ., 2017, pp. 64–66 (In Russ.).

5. Ranneva N.A. *Didakticheskie osnovy postroeniya testovoj sistemy kontrolya: Na primere nachal'nogo etapa obucheniya russkomu yazyku kak inostrannomu*. Diss. kand. ped. nauk [Didactic foundations for building a test control system: On the example of the initial stage of teaching Russian as a foreign language. Cand. ped. sci. diss.]. Rostov-na-Donu, 2002. 192 p.

6. Ranneva N.A., Samojlova N.B. *Konceptual'naya model' testovoj sistemy kontrolya na predvuzovskom etape obucheniya RKI* [Conceptual model of the test control system at the pre-university stage of teaching Russian as a foreign language]. *Slovo. Grammatika. Rech' = Word. Grammar. Speech*, 2015, no. 16, pp. 501–503.

7. Rudenko-Morgun O.I., Zhindaeva A.G. *Elektronnye uprazhneniya kak sredstvo formirovaniya leksicheskikh i grammaticheskikh navykov na etape dovuzovskoj podgotovki inofonov* [Electronic exercises as a means of forming lexical and grammatical skills at the stage of pre-university training of foreign students]. *Vestnik RUDN. Seriya Voprosy obrazovaniya: yazyki i special'nost' = Vestnik RUDN. Series Questions of Education: Languages and Specialty*, 2012, no. 3, pp. 186–192.

8. Rumyancheva N.M. [Problems of adaptive testing of adaptation of tests to the national personal characteristics of the tested]. *Testirovanie v obuchenii russkomu yazyku kak inostrannomu: sovremennoe sostoyanie i perspektivy. Nauchno-metodicheskie ocherki. Terminologicheskij slovar'* [Testing in teaching Russian as a foreign language: current state and prospects. Scientific and methodical essays. Terminological dictionary]; ed. by T.M. Balykhina. Moscow, Moscow State University of Printing Arts Publ., 2003, pp. 64–74 (In Russ.).

9. Rumyancheva N.M., Rubcova D.N., Teryochik L.B. *K probleme razrabotki nacional'no-orientirovannyh testov po RKI* [To the problem of developing national-oriented tests for RFL]. *Russkij test: teoriya i praktika = Russian test: theory and practice*, 2017, no. 5, pp. 13–18.

10. Tarchimaeva L.Ts. *Testirovanie kak sovremennaya forma pedagogicheskogo kontrolya v obuchenii russkomu yazyku kak inostrancev* [Testing as a modern form of pedagogical control

in teaching the Russian language as foreigners]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Bulletin of the Buryat State University*, 2013, no. 1, pp. 129–132.

11. Kurinin I.N., Nardyzhev V.I., Nardyzhev I.V. Kompleksnaya tekhnologiya komp'yuternogo testirovaniya [Complex technology of computer testing]. *Vestnik RUDN. Seriya: Informatizatsiya obrazovaniya* = *Vestnik RUDN. Series: Informatization of education*, 2013, no. 2, pp. 112–121.

12. Nesterov S.A., Smetanina M.V. Ocenka kachestva testovykh zadaniy sredstvami distantsionnogo obucheniya Moodle [Assessment of the quality of test tasks by Moodle means of distance learning]. *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta. Informatika. Telekommunikacii. Upravlenie* = *St. Petersburg Polytechnical University Journal. Computer Science. Telecommunication and Control Systems*, 2013, no. 5(181), pp. 87–92.

13. Protasova I.V., Tolstobrov A.P., Korzhik I.A. Metodika analiza i povysheniya kachestva testov v sisteme elektronno obucheniya Moodle [Methods for analyzing and improving the quality of tests in the e-learning system Moodle]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sistemnyy analiz i informacionnye tekhnologii* = *Proceedings of Voronezh State University. Series: Systems Analysis and Information Technologies*, 2014, no. 3, pp. 61–72.

14. Amelina I. O., Kovaleva T. V. Ispol'zovanie videofil'mov kak effektivnogo sredstva povysheniya motivatsii v yazykovom obrazovanii [Using Videos as an Effective Means of Increasing Motivation in Language Education]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Lingvistika i pedagogika* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*, 2020, no. 10(4), pp. 69–81.

15. Stepanova N.S., Amelina I.O., Gromenko M.V., Kovaleva T.V. RFL Online Course in Moodle LMS: Development and Application. *TSNI 2021 – Textbook: Focus on Students' National Identity*. Moscow, 2021, pp. 905–919.

16. Kovaleva T.V., Shul'gina N.P. *Elektronnyy uchebnik po RKI kak uchebnik novogo tipa* [Electronic textbook on Russian as a foreign language as a textbook of a new type]. *Sovremennyi uchebnik russkogo yazyka dlya srednej shkoly: teoriya i praktika. Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Modern textbook of the Russian language for secondary school: theory and practice. Materials of the International scientific and practical conference]; ed. by A.D. Dejkina, V. D. Yanchenko. Moscow, MPSU Publ., 2021, pp. 423–440 (In Russ.).

17. Tolstobrov A.P., Korzhik I.A. Vozmozhnosti analiza i povysheniya kachestva testovykh zadaniy pri ispol'zovanii setevoy sistemy upravleniya obucheniem Moodle [Possibilities of analyzing and improving the quality of test tasks using Moodle network learning management system]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sistemnyy analiz i informacionnye tekhnologii* = *Proceedings of Voronezh State University. Series: Systems Analysis and Information Technologies*, 2008, no 2, pp.100 –106.

18. Chirkina A.A., Bulgakova N.V. [Using the capabilities of Moodle distance learning environment to assess the quality of texts]. *Nauka – obrazovaniyu, proizvodstvu, ekonomike. Materialy 73-j Region. nauch.-prakt. konf. prepodavatelej, nauch. sotrudnikov i aspirantov* [Science - education, production, economics. Materials of the 73rd Regional scientific-practical conference of teachers, scientific staff and graduate students]. Vitebsk, VSU named after P. M. Masherov Publ., 2021, pp. 61–64 (In Russ.).

Информация об авторах / Information about the Authors

Ковалева Татьяна Викторовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры русского языка и общеобразовательных дисциплин для иностранных граждан, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: t_kovaleva@mail.ru, ORCID: 0000-0002-8492-3472, SPIN-код: 8654-2402, Autor ID: 686170

Tatiana V. Kovaleva, Cand. of Sci. (Historical), Associate Professor of the Department of the Russian Language and General Education Disciplines for Foreign Citizens, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: t_kovaleva@mail.ru, ORCID: 0000-0002-8492-3472, SPIN-code: 8654-2402, Autor ID: 686170

Амелина Ирина Олеговна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языка и общеобразовательных дисциплин для иностранных граждан, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: amelina.i.o@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-3533-6263, SPIN-код: 2472-3514, Autor ID: 739989

Irina O. Amelina, Cand. of Sci. (Pedagogical), Associate Professor of the Department of the Russian Language and General Education Disciplines for Foreign Citizens, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: amelina.i.o@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-3533-6263, SPIN-code: 2472-3514, Autor ID: 739989

Оригинальная статья / Original article

УДК 78.071.4(470.23-25)+78.035(485)

<https://doi.org/10.21869/2223-151X-2023-13-1-121-135>

**«Северных стран соловей»: о вокальной школе
Генриетты Ниссен-Саломан**

Е. Н. Кирносова¹✉, В. А. Моисеева¹, С. Тапия Саманьего²

¹Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, Курск 305040, Российская Федерация

²Технологический университет Равноденствия
ул. Румипамба, между ул. Бургеойс и Атауальпа, г. Кито, Эквадор

✉ e-mail: vi-kafedra@mail.ru

Резюме

Актуальность темы обусловлена введением в научный оборот в последнее десятилетие новых исследовательских материалов, связанных с творческой личностью Генриетты Ниссен-Саломан. Переиздана её «Школа пения», впервые вышедшая в 1880 году. Прославленная шведская певица, профессор Санкт-Петербургской консерватории, Г. Ниссен-Саломан за девятнадцать лет жизни в России подготовила около тридцати выдающихся исполнительниц, педагогов-вокалистов.

Цель данной публикации – раскрыть значение артистической и педагогической деятельности Г. Ниссен-Саломан для становления и развития национальной вокальной школы. В задачи авторов входит представление основных этапов её творческого пути, оперного и концертного репертуара, характеристика работы в консерватории в русский период жизни.

Принципы, на которых основывалась вокально-педагогическая система Г. Ниссен-Саломан – последовательность, постепенность и целесообразность в приобретении технического мастерства, формировании у воспитанников музыкально-теоретических познаний и чувства стиля, – были унаследованы её ученицами. В их числе – Н. А. Ирецкая, Е. А. Лавровская, В. М. Зарудная, внёсшие существенный вклад в продолжение традиций Г. Ниссен-Саломан в стенах Санкт-Петербургской и Московской консерваторий, на концертных и оперных сценах.

Историческая дистанция, позволяющая объективно рассмотреть ведущие положения методики Г. Ниссен-Саломан в контексте опыта зарубежных мастеров (прежде всего М. Гарсиа), педагогических подходов М. И. Глинки, А. Е. Варламова и других создателей русской национальной школы пения, даёт основания для высокой оценки эффективности её системы. Без сомнения, Г. Ниссен-Саломан входит в когорту основоположников русской вокальной школы и занимает в ней почетное место, а её «Школа пения», созданная в период становления и расцвета отечественного вокального искусства, имеет большое практическое значение для обучения современных молодых певцов.

Ключевые слова: Генриетта Ниссен-Саломан; русская вокальная школа; Санкт-Петербургская консерватория.

Конфликт интересов: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Кирносова Е. Н., Моисеева В. А., Тапия Саманьего С. «Северных стран соловей»: о вокальной школе Генриетты Ниссен-Саломан // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2023. Т. 13, № 1. С. 121-135. <https://doi.org/10.21869/2223-151X-2023-13-1-121-135>.

Статья поступила в редакцию 16.12.2022 Статья подписана в печать 27.01.2023

Статья опубликована 15.04.2023

«The Nordic Countries Nightingale»: about Henrietta Nissen-Saloman's Vocal School

Elena N. Kirnosova¹✉, Valeria A. Moiseeva¹, Cecilia Tapia Samaniego²

¹Southwest State University

50 let Oktyabrya 94, Kursk 305040, Russian Federation

² Equator Technological University

Rumipamba s/n, between Burgeois and Avenida Atahualpa, Quito, Ecuador

✉ e-mail: vi-kafedra@mail.ru

Abstract

The relevance of the topic is due to the introduction into scientific circulation in the last decade of new research materials related to the creative personality of Henrietta Nissen-Saloman. Her «School of Singing», first published in 1880, has been republished. The famous Swedish singer, professor of the St. Petersburg Conservatory, G. Nissen-Saloman has trained about thirty outstanding performers, vocal teachers for nineteen years of her life in Russia.

The purpose of this publication is to reveal the significance of the artistic and pedagogical activities of Nissen-Saloman for the formation and development of the national vocal school. The authors' tasks include presenting the main stages of her creative path, opera and concert repertoire, and characteristics of her work at the conservatory during the Russian period of her life.

The principles on which the vocal-pedagogical system of G. Nissen-Saloman was based – consistency, gradualness and expediency in acquiring technical skills, the formation of musical-theoretical knowledge and a sense of style among pupils – were inherited by her students. Among them are N. A. Iretskaya, E. A. Lavrovskaya, V. M. Zarudnaya, who made a significant contribution to the continuation of the Nissen-Saloman's traditions in the St. Petersburg and Moscow conservatories, on concert and opera stages.

The historical distance, which allows us to objectively consider the leading provisions of the Nissen-Saloman methodology in the context of the experience of foreign masters (primarily M. Garcia), the pedagogical approaches of M. I. Glinka, A. E. Varlamov and other creators of the Russian national singing school, gives grounds for a high assessment of the effectiveness of her system. Without a doubt, G. Nissen-Saloman is one of the cohort of the founders of the Russian vocal school and occupies an honorable place in it, and her «Singing School», created during the formation and heyday of the national vocal art, is of great practical importance for the training of modern young singers.

Keywords: Henrietta Nissen-Saloman; Russian vocal school; St. Petersburg Conservatory.

Conflict of interest: The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Kirnosova E. N., Moiseeva V. A., Cecilia Tapia Samaniego. «The Nordic Countries Nightingale»: about Henrietta Nissen-Saloman's Vocal School. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*. 2023, 13(1): 121–135 (In Russ.). <https://doi.org/10.21869/2223-151X-2023-13-1-121-135>.

Received 16.12.2022

Accepted 27.01.2023

Published 15.04.2023

Введение

В последнее десятилетие заметно возрос интерес к истории академического вокального искусства и методике работы с певческими голосами. Он проявился, в частности, в издании множества сборников вокализов и упражнений, руководств

и «Школ пения» представителей вокальной педагогики и исполнительства XVIII – начала XX веков.

Многие из них долгое время оставались библиографической редкостью или впервые переведены на русский язык. В перечне имён зарубежных авторов –

Ф. Абт, И.-Ф. Агрикола, Дж. Априле, М.-У. Балф, А. Безанте, А. Бусты, Н. Ваккаи, М. Гарсиа, Ю. Гей, О. Гутман, Э. Делле Седие, Ж.-Л. Дюпре, Г. Зейдлер, Э. Карузо и Л. Тетрацини, Дж. Конконе, Д. Кривелли, Л. Лаблаш, Фр. Ламперти, М. Маркези, Г. Панофка, А.-М. Пелегрини-Челони, Дж. Россини, Дж.-Б. Рубини, Ч. Сэнтли, Л. Чинти-Даморо, И.-Ф. Шуберт и др. Все эти работы сейчас доступны специалистам, что делает возможным введение основных положений «золотого фонда» вокальной литературы в практику подготовки молодых певцов.

Среди переизданных методических пособий, созданных в России в период формирования национальных традиций академического пения: трудов А. Е. Варламова, М. И. Глинки, Ф. Е. Евсеева, Г. Я. Ломакина и др., – особое место занимает «Школа пения Генриетты Ниссен-Саломан», написанная знаменитой шведской певицей, первой женщиной-профессором вокального класса Санкт-Петербургской консерватории. Завершенная в 1879 году, эта работа стала обобщением её успешного сценического и педагогического опыта. Вскоре после ухода Г. Ниссен-Саломан из жизни рукопись была подготовлена к публикации З. Саломаном и издана в 1880 году В. Бесселем на русском, французском и немецком языках в одном томе (три части – теория, практика и приложение) [1]. Известно, что «Школа пения Генриетты Ниссен-Саломан» применялась как учебное пособие не только в России, но также в консерваториях Парижа и Брюсселя.

В названии нашей статьи – строки из русского перевода мемориального стихотворения шведского автора (Н. W.), помещённого в первой публикации «Школы» и в переиздании 2015 года: «Смолкли волшебные звуки чарующих песен, / Тех, что певала ты, северных стран соловей <...> Кто же заменит тебя, северный наш соловей?» [2, с. 17]. В этом же вступительном разделе-некрологе дается такая оценка её педагогического труда:

«Госпожа Ниссен-Саломан образовала в России школу, в полном значении этого слова, воздвигши себе таким образом навсегда прекрасный и прочнейший памятник. Всё, что в Петербурге и внутри России поет *хорошо* – суть исключительно её ученицы» [2, с. 15].

Слава и международное признание Г. Ниссен-Саломан были огромными: она имела почётные звания члена Королевской академии музыки в Стокгольме, Филармонических обществ Санкт-Петербурга и Флоренции, общества Святой Цецилии в Риме, была награждена российской медалью «За усердие» и королевской медалью Швеции «Letteris et artibus» (Литературы и искусств), орденом Красного Креста. Генриетта Ниссен (после замужества Ниссен-Саломан) выступала на европейских сценах в одних спектаклях и концертах с величайшими исполнителями того времени: Д. Гризи, Л. Лаблашем, Дж. Линд, Ф. Персиани, Дж.-Б. Рубини, А. Тамбурини – и с исключительным успехом пела на гастролях в Швеции, Италии, Англии, Шотландии, Ирландии, Германии, Голландии, Франции, России.

В российском музыковедении имя Г. Ниссен-Саломан неизменно упоминалось с пиететом, однако её творческая биография и вокальная методика были представлены недостаточно полно. Среди немногих обстоятельных аналитических статей – соответствующий раздел в книге И. К. Назаренко «Искусство пения. Очерки и материалы по истории, теории и практике художественного пения. Хрестоматия», где помещены биографические сведения о певице и обширные выдержки из «Школы пения» с нотными примерами и комментариями [3, с. 244-281].

Во втором десятилетии XXI века исследовательская база значительно расширилась благодаря ряду публикаций Е. Ю. Пономаренко, защитившей в 2013 году кандидатскую диссертацию «Исполнительская деятельность и педагогические принципы Генриетты Ниссен-

Саломан» [4]. В 2015 году была переиздана «Школа пения Генриетты Ниссен-Саломан» [2]; в 2017 году вышла книга К. И. Плужникова, дающая представление о репертуарных предпочтениях и профессиональных установках в её вокальном классе [5].

Исследования последних лет позволяют рассмотреть методику Г. Ниссен-Саломан в контексте педагогических подходов М. И. Глинки, А. Е. Варламова и других основоположников русской вокальной школы. Историческая дистанция и результаты деятельности Г. Ниссен-Саломан, воспитавшей около 30 известных исполнителей и педагогов, позволяют высоко оценить эффективность её методической системы.

Результаты и обсуждение

Педагогическое мастерство Г. Ниссен-Саломан стало продолжением и следствием успешной артистической деятельности.

Будущая певица родилась 12 марта 1819 года в семье богатого торговца мануфактурой в шведском городе Гётеборге. Начальное музыкальное образование она получила там же в Певческой академии под руководством пастора и органиста протестантской церкви Г. Гюнтера и с детства проявляла исключительную музыкальную одаренность.

По совету балетмейстера датского Королевского театра О. Бурнонвиля Генриетта с 1939 года начала профессионально заниматься вокалом в Париже у выдающегося педагога М. Гарсиа. Как писал шведский издатель А. Кроок, «Мануэль дель Гарсиа при первой проверке певческих способностей высказался довольно удовлетворительно относительно её голоса и музыкальных способностей, а также с определенным живым восторгом предсказал, что из неё могло бы получиться нечто великое» [цит. по: 6, с. 163]. Впоследствии М. Гарсиа считал её одной из лучших своих учениц и положительно

отозвался о воспитаннице Г. Ниссен-Саломан, выступавшей в Париже.

Уроки игры на фортепиано, полученные у П.-Ж.-Г. Циммермана и Ф. Шопена, позволили молодой певице прекрасно овладеть инструментом и в дальнейшем без концертмейстера аккомпанировать ученикам на занятиях, свободно транспонировать даже сложные вокальные произведения. Другой ценной стороной её дарования было превосходное владение техникой пения, позволившее сохранить голос и в педагогическом процессе без затруднений демонстрировать самые сложные фиоритуры.

Дебютной для Генриетты стала партия Адальджизы из оперы В. Беллини «Норма» в Парижской итальянской опере (1843 г.). Следующее триумфальное выступление, после которого ей был предложен контракт, – партия Эльвиры в «Дон Жуане» В.-А. Моцарта.

Биография Г. Ниссен содержит поразительные примеры «экстренных» выступлений, когда в Париже она без предварительных репетиций исполнила партию Розины в «Севильском цирюльнике» Дж. Россини, заменив заболевшую Ф. Персиани; во Франкфурте-на-Майне высокопрофессионально и проникновенно спела «с листа» в оратории Г.-Ф. Генделя «Иевфай» партию Ифис вместо заболевшей солистки [2, с. 13-14]. Это свидетельствует не только об её отличной подготовке, но и о личностных качествах – мобильности, способности к концентрации и показу лучших качеств голоса, к числу которых слушатели относили виртуозную технику, выразительность пения и красоту тембра.

В оперном репертуаре певицы ведущее место занимала итальянская музыка: партии сопрано в операх Г. Доницетти «Паризина» (Паризина), «Анна Болейн» (Джоанна Сеймур), «Лючия ди Ламмермур» (Лючия), «Велизарий» (Ирена), «Лукреция Борджиа» (Лукреция); Дж. Россини «Севильский цирюльник» (Розина), «Танкред» (Аменаида); Дж. Верди «Атил-

ла» (Одабелла), «Эрнани» (Эльвира), «Ломбардцы» (Джизельда), «Двое Фоскари» (Лукреция); В. Беллини «Норма» (Адалджиза, Норма), «Сомнамбула» (Амина). Публика с восторгом принимала её трактовку образа Донны Анны в «Дон Жуане» В.-А. Моцарта, выступления в опере З. Саломана «Бриллиантовый крест». Кроме итальянского и шведского, Г. Нис-

сен пела на английском и немецком языках.

В 1850 году певица вышла замуж за Зигфрида Саломана – датского скрипача и композитора, автора семи опер, увертюр, камерных инструментальных и вокальных сочинений, – после чего оставила оперную сцену, но продолжила активную концертную деятельность.

Рис. 1. Генриетта Ниссен, ок. 1850 г.

Fig. 1. Henriette Nissen, approx. in 1850.

В числе причин, подтолкнувших Г. Ниссен к отказу от театра, исследователи называют своеобразное соперничество с другой шведской певицей, Дженни Линд (1820-1887). Обладательница колоратурного сопрано, она вызывала неизменное восхищение своим искусством, стяжала славу в Европе и Америке, была членом Шведской королевской музыкальной академии, профессором пения Королевского колледжа музыки в Лондоне.

Генриетта впервые встретилась с соотечественницей на занятиях у М. Гар-

сия: в это время он помогал Дж. Линд преодолеть последствия болезни голосовых связок из-за неправильной вокальной техники. Дженни, к тому времени уже приобретшая известность, была вынуждена присутствовать на уроках Гарсия с Ниссен, но воздерживаться от пения в течение трех месяцев. А. Кроок передавал мнение педагога относительно своих учениц следующим образом: «Если бы Дженни имела голос Генриетты, а Генриетта – смышленость Дженни, кто-нибудь из них мог бы стать величайшей в мире певицей» [цит. по: 7, с. 194].

Соперничество двух молодых исполнительниц подогревалось откликами в прессе. В 1843 году после выступлений Г. Ниссен и Дж. Линд в Стокгольме вышла статья, автор которой писал: «лавровый венок богини победы не перешел из одних рук в другие, а был распростерт между ними обеими. Северная прелесть и душевная непосредственность, которыми обладала Дженни Линд, компенсировались у Генриетты Ниссен вкусом и темпераментом» [7]. Исполненный певицами в одной из шведских церквей дуэт из «Нормы» вызвал следующее рассуждение рецензента о «небесном дуэте»: «Какой цветок прекраснее, роза или лилия? Что прекраснее, ясный августовский день или романтическая лунная ночь?..» [8].

Эпитет «шведский соловей», который вначале употребляли по отношению к Г. Ниссен, перешел к Дж. Линд, и игра слов в противопоставлении «соловей – жаворонок» сыграла свою роль в творческой судьбе Г. Ниссен-Саломан, которую стали именовать «шведским жаворонком». Э. Коссак высказался так: «если уж дали Женни Линд титул шведского соловья, то мы должны потребовать безусловно, чтобы назвали Генриетту Ниссен шведским жаворонком» [2, с. 15].

После встречи с Дж. Линд в Берлинской Большой опере в 1850 году Г. Ниссен, несмотря на восторженный приём публики, приняла решение не выступать больше на оперной сцене, прочитав в прессе: «...пение жаворонка в своем роде, возможно, не уступает пению соловья, но соловей является более изысканной птицей» [цит. по: 7, с. 194]. Кстати, Дж. Линд также достаточно рано, в возрасте около тридцати лет, отказалась от театральной карьеры.

Г. Ниссен продолжила в 1850-х годах артистическую деятельность, представляя слушателям весьма разнообразные концертные программы. Наряду с

итальянскими оперными ариями значительное место в них занимала музыка немецких мастеров. В репертуар Г. Ниссен входили вокальные сочинения А. Марчелло, А. Страделлы, Дж.-Б. Перголези, И.-С. Баха, Г.-Ф. Генделя, К.-В. Глюка, Ф. Шуберта, К.-М. Вебера, Ф. Мендельсона, С. МеркадANTE, Л. Шпора, А. Клапписсона, Ф. Лахнера и других старинных и современных композиторов. При исполнении романсов Р. Шумана ей неоднократно аккомпанировала Клара Шуман [8].

В России Г. Ниссен-Саломан гастролировала в 1844-1845 годах в составе итальянской оперной труппы. В 1850-1853 годах вместе с З. Саломаном она выступила в Петербурге, Москве, Курске, Воронеже, Тамбове, Пензе, Симбирске, Казани, Саратове, Харькове, Одессе, Константинополе, Херсоне, Николаеве, Полтаве, Чернигове, Орле.

По окончании певческой карьеры Генриетты, по предложению А. Г. Рубинштейна, супруги переехали в Петербург. С 1860 года Ниссен-Саломан вела занятия в классах пения, открытых Русским музыкальным обществом, платный курс для дам, затем частные курсы [9], а в 1862 году после открытия первой русской консерватории стала профессором класса пения и работала там, с перерывом, тринадцать лет.

Можно предположить, что приглашению в Россию способствовали не только мировая известность певицы и успех у русской публики, но и то, что она являлась продолжательницей традиций семейства Гарсиа. В статье «Музыкальный салон при дворе великой княгини Елены Павловны» А. А. Алексеев-Борецкий пишет: «Большой популярностью и расположением Елены Павловны пользовалась П. Виардо, вследствие чего школа Гарсиа стала основной вокальной методикой Петербургской консерватории: Г. Ниссен-

Саломан, К.-Ф. Эверарди были учениками Мануэля Гарсиа-сына, брата Полины Виардо, добавим также, что в консерватории некоторое время преподавала дочь Полины Луиза Эрит-Виардо, в её классе учился Ф. И. Стравинский» [10, с. 158].

А. Г. Рубинштейн, по словам Л. Г. Барсовой, преклонялся перед П. Виардо, «принимал участие в её концертах и содействовал изданию в России её романсов на стихи русских поэтов (экземпляр первого вышедшего в России альбома Виардо Тургенев немедленно подарил Г. Ниссен-Саломан)» [11, с. 112]. Выпускницы класса Г. Ниссен-Саломан Н. А. Ирецкая (впоследствии выдающаяся камерная исполнительница и профессор Петербургской консерватории) и Е. А. Лавровская (прославленная оперная и камерная певица, профессор Московской консерватории) позже оттачивали вокальное мастерство в Париже у П. Виардо.

В Петербурге Г. Ниссен-Саломан часто приглашали выступить в частных и благотворительных концертах, проходивших в Михайловском дворце, залах Энгельгардта, Дворянского собрания, в зале дома Мятлевых. Её партнерами на сцене были вокалисты итальянской труппы и русские певцы: Дж.-Б. Рубини, А. Тамбурини, П. Виардо, М. Альбони, О. А. Петров, С. С. Артемовский, В. М. Кажинский [4, с. 12], М. М. Степанова [12, с. 193] и многие другие. Характеризуя голос Г. Ниссен-Саломан (в зрелые годы ближе к драматическому сопрано), рецензенты отмечали его мягкость, силу, объем, гибкость, наполненность звуков нижнего регистра, «приятность, нежность» [4, с. 15].

Примерно через два года с начала преподавательской деятельности Г. Ниссен-Саломан стала проводить в своем доме в Петербурге воскресные утренние концерты, получившие спустя годы следующую оценку современников: «Воскресные музыкальные утра, основанные

ею уже более девяти лет в её собственной квартире, приобрели обширную основательную, общую известность; на них собиралось всегда множество лиц, вершин искусства и науки, равно как избранная высшая аристократия. Безустанной, неутомимой деятельности г-жи Ниссен удавалось устроить невероятное, часто собрать новое, интересное, привлекательное: разнообразные программы этих “утр”, всегда представлявших что-либо новое, полных интереса, способных привлечь, служат тому доказательством. Новые, более выдающиеся и успевшие её ученицы выступали на этих утрах, постепенно приучаясь к публике; исполнялись маленькие и большие ансамбли и хоры» [2, с. 16].

Консерваторские выпускные экзамены проходили в театре Михайловского дворца. В начале педагогической деятельности один из отзывов о результатах обучения в классе Г. Ниссен-Саломан, наряду с констатацией несомненных успехов, содержал и критические замечания, впрочем, достаточно субъективные: «Весьма блистательно сошел экзамен пения класса г-жи Ниссен-Саломан. Господствующий элемент в этом классе – иностранный, зато, по крайней мере, у учениц поставлены голоса весьма правильно, и искусство вокализации развивается у них с полным знанием дела и добросовестностью. Г-жа Ниссен занимается со своими ученицами необыкновенно усердно, отчасти может она доходить до педантизма. Чересчур усиленная обработка голоса – свыше средств, излишнее протягивание звуков может иногда отзываться неблагоприятно на слабые организмы и влиять на голоса. В фразировке следовало бы тоже давать более свободы, более простора собственному чувству учащихся, чем подчинять их условным приемам, потому что только при врож-

дённом чувстве можно ожидать простоты в фразировке; при усиленном же учении неминуемо берёт верх аффектация – вообще в консерватории следует пренебрегать ослепляющими эффектами» [цит. по: 11, с. 110-111].

Однако в целом Г. Ниссен-Саломан имела как педагог непререкаемый авторитет, об этом свидетельствуют, например, положительные высказывания О. А. Петрова, А. С. Даргомыжского. В отчете РМО за 1864-65 год отмечено, что выпускной экзамен «обнаружил несколько женских голосов, которые могут в скором времени украсить русскую оперную сцену; более же всего заслуживает одобрения отличная метода преподавания г-жи Ниссен, и если ученицы её класса будут иметь возможность поступить на сцену, то они могут принести большую пользу распространением истинно хорошей методы пения в России» [цит. по: 13, с. 179].

Педагогическая деятельность Ниссен-Саломан была исключительно продуктивной, и многие её студентки прославили русское вокальное искусство в нашей стране и за рубежом: А. Бичурина, П. Веревкина, З. Греннинг-Вильде, Н. Енгальчева, В. Зарудная, Н. Ирецкая, М. Каменская, Е. Клебек, А. Крутикова, Е. Лавровская, А. Латернер, П. Левицкая, М. и О. Лейброк, О. Минквиц, М. Милорадович, А. Молас, А. Панаева-Карцева (Карцова), А. Полякова-Хвостова, К. Прохорова-Маурелли, В. Рааб, Ю. Решке-Кроненберг, С. Рубинштейн, Е. Серно-Соловьевич, М. Славина, Ф. Стравинский, А. Фострем, Е. Цванцигер и другие.

Остановимся на творческих биографиях трёх певиц, которые продолжили в столичных консерваториях и других учебных заведениях традиции, заложенные Г. Ниссен-Саломан: Натальи Александровны Ирецкой (1843-1922), Елиза-

веты Андреевны Лавровской (1845-1919) и Варвары Михайловны Зарудной (1857-1939).

Имена Н. Ирецкой (сопрано) и Е. Лавровской (контральто) стали широко известны после представления оперы К.-В. Глюка «Орфей» 21 мая 1867 года в Михайловском дворце. А. Г. Рубинштейн решил поставить спектакль в знак признательности великой княгине Елене Павловне за попечительство и постоянную заботу о консерватории. Он остановился на третьей редакции оперы «Орфей», выполненной Г. Берлиозом для П. Виардо в главной партии. К участию были привлечены в качестве режиссёра именитый актер и певец В. М. Самойлов, балетмейстера – преподаватель балета А. Д. Чистяков, декоратора – художник мастерских Императорских театров М. А. Шишков. Либретто перевел на русский язык известный литератор П. И. Калашников [14, с. 5-6].

Хор и оркестр состояли из студентов и выпускников консерватории, солистками были выбраны ученицы Г. Ниссен-Саломан, дирижировал сам А. Рубинштейн. В воспоминаниях А. И. Рубца, участника спектакля, живо и остроумно представлен ход репетиций, описано само представление и запечатлена восторженная реакция публики. Особенное впечатление произвела Елизавета Лавровская в партии Орфея: «чудеснейший голос Лавровской звучал густым низким, прекрасным по тембру и по постановке, альтом, сочетаясь с рельефной мимикой [и] с твердыми, но грациозными движениями» [14, с. 10]. После бурных аплодисментов исполнителям и А. Г. Рубинштейну, «когда вызвали мадам Ниссен, она немедленно и гордо сделала низкий книксен Высочайшим особам» [14, с. 11].

Если для Е. А. Лавровской это было началом яркой сценической карьеры, то для Н. А. Ирецкой (Эвридики) – единственным в жизни выходом на оперную сцену [4, с. 110]. По окончании консерватории она продолжила обучение за рубежом у П. Виардо, много выступала как камерная певица. В 1874 году вернулась в Россию и начала преподавательскую деятельность, с 1881 года стала профессором Петербургской консерватории. Среди известнейших учениц Н. Ирецкой – Н. Акцери, Л. Андреева-Дельмас, Н. Забела-Врубель, К. Дорлиак, Е. Катульская, Л. Липковская, З. Лодий, Е. Лучезарская, С. Гладкая, А. Жеребцова-Андреева, В. Зарудная, Д. Мусина-Пушкина и многие другие певицы.

Е. А. Лавровская (по мужу княгиня Цертелева) по окончании Санкт-Петербургской консерватории с успехом выступала в Мариинском и Большом театрах, завоевала мировую известность. С 1888 года и до конца своей жизни была профессором Московской консерватории. Воспитала прекрасных певцов и певиц: Б. Абрамова, С. Августинович, А. Бреви, В. Быстров, Н. Веков, В. Гепецкий, М. Дулова, Е. Збруева, О. Китаева, М. Лебедева, С. Лысенкова, В. Малышев, Л. Маркова, М. Махарина, Н. Миланова, А. Мосин, Н. Новоспасская, Е. Обокевич, И. Парамонов, А. Пасхалова, А. Политова, М. Полякова (мать певицы Н. Шпиллер), Р. Радица (Фигнер), В. Рыбальченко (псевдоним В. Дальский), М. Слонов, Н. Соколова-Мшанская, К. Тугаринова, В. Цветков, Е. Цветкова, М. Чупрыников, В. Харитонов, Е. Шаврова-Юст, А. Шперлинг.

П. И. Чайковский писал о певице: «Лавровская никогда не выходит за пределы строгой целомудренной художественности...» [цит. по: 12, с. 301]. Именно она предложила композитору

написать оперу на сюжет «Евгения Онегина» А. С. Пушкина. Чайковский посвятил Лавровской шесть романсов ор. 27 («На сон грядущий», «Смотри, вон облако», «Не отходи от меня», «Вечер», «Али мать меня рожала», «Моя баловница») и вокальный квартет «Ночь». С. В. Рахманинов написал для неё романсы «Она, как полдень, хороша», «В моей душе», С. И. Танеев – «Люди спят».

В. М. Зарудная – выдающаяся оперная певица (лирическое сопрано) и вокальный педагог – родилась в Екатеринославе, училась пению в Харьковском музыкальном училище РМО у К. А. Прохоровой-Маурелли (ученицы Г. Ниссен-Саломан). В 1872 году поступила в Петербургскую консерваторию, первые три месяца занималась у Н. А. Ирецкой, потом в классе Г. Ниссен-Саломан и затем у К. Эверарди. Окончив консерваторию в 1882 году, В. М. Зарудная поступила в Тифлисскую оперу, где пела партии Татьяны, Марии («Мазепа») в присутствии П. И. Чайковского.

В. М. Зарудная принимала участие в симфонических концертах в Москве под управлением В. И. Сафонова (1893 г.). В том же году вместе со своим мужем, композитором М. М. Ипполитовым-Ивановым переехала в Москву и была приглашена в консерваторию (1894 год), где была профессором до 1924 года. В 1917 году супруги организовали при Московской консерватории вокальную студию им. П. Чайковского.

Учениками В. М. Зарудной были Е. Егоров, М. Мирзоева, В. Петрова-Званцева, А. Позднякова, П. Перегудов и множество других известных вокалистов. Её биография содержит интересные факты творческих контактов с выдающимися деятелями музыкальной культуры этого времени [12, с. 420-422].

Рис. 2. Фотография Генриетты Ниссен-Саломан в период её работы в Санкт-Петербургской консерватории, 1870-е гг. (фотоателье Генриха Иоганна (Андрея Ивановича) Деньера)

Fig. 2. Photo of Henriette Nissen-Saloman during her work at the St. Petersburg Conservatory, the 1870s (photo studio of Heinrich Johann (Andrey Ivanovich) Denier)

Обобщением результатов творческого и педагогического опыта Г. Ниссен-Саломан стало пособие, подготовленное ею по просьбе А. Г. Рубинштейна. В основе методики Ниссен-Саломан лежит школа Гарсиа-младшего, представленная через призму её собственных взглядов и профессиональной эрудиции. Она приводит на страницах «Школы» советы из пособий Л. Лаблаша, Ф. Зибера; цитирует информацию из публикаций «Петербургского медицинского журнала» 1878 года о положительном влиянии пения на физиологию людей; рекомендует познакомиться с трудами, посвящёнными проблемам произношения иностранных текстов. Основные вокально-педагогические принципы Ниссен-Саломан перекликаются с рекомендациями из зарубежных руководств, с положениями русской вокальной педагогики, сформулированными и про-

веренными на практике М. И. Глинкой, А. Е. Варламовым, А. С. Даргомыжским.

«Школа пения» Г. Ниссен-Саломан – фундаментальный труд, охватывающий все стороны профессиональной вокальной подготовки. В нём раскрыты теоретические и практические аспекты работы над звукообразованием, голосоведением, дыханием, точностью интонирования и дикцией, над формированием общей музыкальной образованности, последовательным достижением виртуозности, технической свободы и содержательности исполнения (показательно, что несмотря на преобладание иностранного репертуара, арии из опер содержат и русские переводы). Рекомендательные списки включают вокальную музыку старинных мастеров, представителей западноевропей-

ского барокко, классицизма и романтизма. Из вокальных сочинений русских композиторов в упражнения включены технически сложные фрагменты некоторых оперных арий А. Г. Рубинштейна.

Остаются актуальными суждения Г. Ниссен-Саломан о значении фортепианной подготовки для вокалистов-педагогов и концертирующих певцов. Владение инструментом необходимо на всех ступенях работы над техникой и конкретным вокальным сочинением – от начального этапа до углубления в авторский замысел в процессе поиска его индивидуальной интерпретации [15, с. 5-9]. Г. Ниссен-Саломан не рекомендовала своим ученицам исполнять сложные, объемные пьесы во избежание вредно сказывающегося на пении утомления. В таком случае существенную помощь может оказать игра в ансамбле, которая не только развивает комплекс исполнительских и слуховых навыков, но также «расширяет круг интересов студентов, музыкальный вкус, эрудицию в области музыкального творчества, навыки сценического поведения и актёрского мастерства, образное мышление» [16, с. 283].

Принципы, на которых основывалась педагогическая деятельность Ниссен-Саломан – последовательность и постепенность в освоении техники исполнения, целесообразность развития вокального мастерства и музыкальной грамотности обучающихся, формирование чувства стиля, – были унаследованы её учениками и продолжены ими.

Один из авторов данной статьи, Сесилья Тапия Саманьего, – выпускница Московской консерватории по классу Веры Николаевны Кудрявцевой-Лемешевой (1911-2009), которая, в свою очередь, прошла обучение в Ленинградской консерватории у Софьи Владимировны Акимовой-Ершовой (1887-1972). В профес-

сиональном становлении Софьи Акимовой сыграла огромную роль её педагог Мария Александровна Славина (1858-1951), упомянутая выше в списке учениц Г. Ниссен-Саломан. Из воспоминаний С. Акимовой-Ершовой можно многое узнать о М. Славиной и её методических приёмах, которые во многом перекликаются с рекомендациями Г. Ниссен-Саломан [17, с. 26-27].

Студенты С. Тапия Саманьего (К.-Л. Соса Лимонес, Э.-А. Агирре Матуте, Д.-А. Соса Балсека) приехали в Россию и продолжили вокальное обучение на кафедре вокального искусства Юго-Западного государственного университета в классе заведующей кафедрой, заслуженной артистки Российской Федерации, профессора Ирины Филипповны Стародубцевой, стажировавшейся в своё время у В. Н. Кудрявцевой-Лемешевой [18, с. 5]. Таким образом, эстафета вокальной школы прославленной шведской певицы и педагога продолжается.

Выводы

В заключение следует ещё раз подчеркнуть: Генриетта Ниссен-Саломан была уникальной певицей и блестящим педагогом, мастерство и высокий профессионализм которой получили признание во всем мире. В период активной исполнительской деятельности она успешно выступала в крупнейших оперных театрах и на концертных площадках Европы. О ней восторженно писали в прессе, отмечая яркий, сильный голос, великолепную технику и безупречный музыкальный вкус.

Повинуясь чувству долга и относясь исключительно ответственно к своей педагогической миссии в России, Г. Ниссен-Саломан отвергла лестные приглашения работать в консерваториях Штутгарта и Вены. Ей принадлежат следую-

щие слова: «Уже давно признано, что русский народ во всех его слоях одарен превосходными способностями к музыке, подтверждением чего является, например, такое сокровище, как его народные песни. Россия сверх того богата голосами, по преимуществу меццо-сопрано, контральто и басами, – богатство, долго остававшееся втуне. Печально, что кроме немногих исключений, преподавание пения почти везде идет плохо, тогда как для других музыкальных инструментов имеются профессора или отличные, или, по крайней мере, имеющие достаточные сведения. Под влиянием этого обстоятельства пропадает бесследно множество чудесных голосов.<...> часто случается, что самые лучшие голоса попадают в руки неумелых и неопытных учителей <...>. Тогда нередко приходится терять множество невозвратимого, если не напрасного, труда и драгоценного времени, чтобы исправить недостатки первона-

чального преподавания, и то только в случае, когда голос не исчез уже совершенно безвозвратно» [2, с. 21].

«Школа пения» Генриетты Ниссен-Саломан – одно из важнейших пособий в обучении профессиональных певцов. Этот методический труд, созданный в период становления и расцвета русского вокального искусства, имеет большое практическое значение в наше время.

За девятнадцать лет жизни в Петербурге шведская певица и педагог воспитала исполнительниц, составивших славу русского искусства: «С неутомимой, никогда не остывающей ревностью исполняла она свои новые обязанности; как многого умела она достигнуть, показывает масса образованных ею учениц, рассеянных по России» [2, с. 15]. Без сомнения, Г. Ниссен-Саломан входит в когорту основоположников русской вокальной школы и занимает в ней почётное место.

Список литературы

1. Школа пения Генриетты Ниссен-Саломан. СПб.: В. Бессель, 1880. 439 с. (Предисловие издателя. Генриетта Ниссен-Саломан. Некролог – с. I-VIII).
2. Ниссен-Саломан Г. Школа пения: учебно-методическое пособие / науч. ред. Е. П. Пономаренко. СПб.: Изд-во «Лань»; Изд-во «ПЛАНЕТА МУЗЫКИ», 2015. 440 с.
3. Назаренко И. К. Искусство пения: Очерки и материалы по истории, теории и практике художественного пения. М.: Музыка, 1968. 624 с.
4. Пономаренко Е. Ю. Исполнительская деятельность и педагогические принципы Генриетты Ниссен-Саломан: автореф. дис. ... канд. искус. СПб., 2013. 24 с.
5. Плужников К. И. Вокальная школа Генриетты Ниссен-Саломан. Педагогический репертуар (Серия «Женские голоса. Современный взгляд»). СПб.: Композитор • Санкт-Петербург, 2017. 108 с.
6. Пономаренко Е. Ю. Вокально-исполнительское искусство Генриетты Ниссен-Саломан // Общество. Среда. Развитие: научно-теоретический журнал, 2012. Вып. 4. С. 163-166.
7. Пономаренко Е. Ю. Исследование материалов о Генриетте Ниссен-Саломан на основе методов музыкально-исторического источниковедения // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2013 (июнь). № 23. С. 190-195.
8. Husebye A. Henriette Nissen-Saloman // Svenskt biografiskt lexicon. URL: <https://sok.riksarkivet.se/sbl/artikel/8129> (дата обращения: 20.09.2022).

9. Цветкова А. Н. Ниссен-Саломан (урожд. Ниссен), Генриетта (Henriette Nissen-Saloman) (1819–1879). URL: <https://www.conservatory.ru/esweb/nissen-saloman-urozhd-nissen-genrietta-henriette-nissen-saloman-1819-1879> (дата обращения: 20.09.2022).

10. Алексеев-Борецкий А. А. Музыкальный салон при дворе великой княгини Елены Павловны // 300 лет Петергофской дороге. 300 лет Ораниенбауму. История. Реставрация. Музеефикация: сб. статей по материалам научно-практической конференции ГМЗ «Петергоф», 2011 (Проблемы сохранения культурного наследия. XXI век. II). СПб.: Изд-во «Европейский Дом», 2012. С. 157-171.

11. Барсова Л. Г. Из истории петербургской вокальной школы. Эверарди, Габель, Томарс, Ирецкая. СПб.: Изд-во «Лань»; Изд-во «ПЛАНЕТА МУЗЫКИ», 2017. 156 с.

12. Лымарева Т. В. История вокального искусства в России. СПб.: Изд-во «Лань»; Изд-во «ПЛАНЕТА МУЗЫКИ», 2022. 520 с.

13. История русской музыки в десяти томах. Т. 6. 50-60-е годы XIX века. М.: Музыка, 1989. 384 с.

14. Алексеев-Борецкий А. А. «Орфей» в Михайловском дворце // Музыка все время процветала...». Музыкальная жизнь императорских дворцов: материалы научно-практической конференции. Гатчина, 22-23 октября 2015. СПб. Своё издательство, 2015. С. 3-14.

15. Норцов В. В., Башкеева К. С. Основы аккомпанемента для студентов-вокалистов. Курск, 174 с.

16. Петрухина С. А., Моисеева В. А. Роль фортепианного ансамблевого исполнительства в музыкальном развитии и воспитании студента-вокалиста // За нами будущее: взгляд молодых ученых на инновационное развитие общества: сборник научных статей 2-й Всероссийской молодежной научной конференции / отв. ред. А. А. Горохов. Курск, 2021. Т. 2. С. 281-285.

17. Акимова С. В. Воспоминания певицы / предисл. и общ. ред. Г. Тигранова. Л.: Музыка, 1978. 96 с.

18. Вопросы профессиональной подготовки студентов-вокалистов: коллективная монография / К. С. Башкеева, Е. Н. Кирносова, Л. В. Колесникова [и др.]. Курск, 2019. 140 с.

References

1. *Shkola peniya Genrietty Nissen-Saloman* [Henrietta Nissen-Saloman Singing School]. St. Petersburg, V. Bessel' Publ., 1880. 439 p. (Predislovie izdatelya. Genrietta Nissen-Saloman. Nekrolog – s. I VIII).

2. Nissen-Saloman G. *Shkola peniya* [Singing School]; ed.by E. P. Ponomarenko. St. Petersburg, 2015. 440 p.

3. Nazarenko I. K. *Iskusstvo peniya: Ocherki i materialy po istorii, teorii i praktike khudozhestvennogo peniya* [The Art of Singing: Essays and materials on the history, theory and practice of artistic singing]. Moscow, Muzyka Publ., 1968. 624 p.

4. Ponomarenko E. Yu. *Ispolnitel'skaya deyatel'nost' i pedagogicheskie printsipy Genrietty Nissen-Saloman*. Avtoref. diss. kand. Iskus. [Performing activity and pedagogical principles of Henrietta Nissen-Saloman. Cand. iskus. sci. abstract. diss.]. St. Petersburg, 2013. 24 p.

5. Pluzhnikov K. I. *Vokal'naya shkola Genrietty Nissen-Saloman. Pedagogicheskii repertuar (Seriya "Zhenskie golosa. Sovremenniy vzglyad")* [Henrietta Nissen-Saloman Vocal School. Ped-

agogical repertoire (Series "Women's voices. A modern look"). St. Petersburg, Kompozitor • Sankt-Peterburg Publ., 2017. 108 p.

6. Ponomarenko E. Yu. Vokal'no-ispolnitel'skoe iskusstvo Genrietty Nissen-Saloman [Vocal and performing art of Henrietta Nissen-Saloman]. *Obshchestvo. Sreda. Razvitie. Nauchno-teoreticheskii zhurnal = Society. Wednesday. Development: Scientific and theoretical journal*, 2012, is. 4, pp. 163-166.

7. Ponomarenko E. YU. Issledovanie materialov o Genriette Nissen-Saloman na osnove metodov muzykal'no-istoricheskogo istochnikovedeniya [Research of materials about Henrietta Nissen-Saloman based on methods of musical and historical source studies]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv = Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts*, 2013, (iyun'), no. 23, pp. 190-195.

8. Husebye A. Henriette Nissen-Saloman. Svenskt biografiskt lexicon. Available at: <https://sok.riksarkivet.se/sbl/artikel/8129> (accessed 20.09.2022).

9. Tsvetkova A. N. *Nissen-Saloman (urozhd. Nissen), Genrietta (Henriette Nissen-Saloman)* [Nissen-Saloman (nee. Nissan), Henriette (Henriette Nissen-Saloman)] (1819–1879). Available at: <https://www.conservatory.ru/esweb/nissen-saloman-urozhd-nissen-genrietta-henriette-nissen-saloman-1819-1879> (accessed 20.09.2022).

10. Alekseev-Boretskii A. A. [Music salon at the court of Grand Duchess Elena Pavlovna]. 300 let Petergofskoi doroge. 300 let Oranienbaumu. *Istoriya. Restavratsiya. Muzeifikatsiya: sb. statei po materialam nauchno-prakticheskoi konferentsii GMZ "Peterhof", 2011 (Problemy sokhraneniya kul'turnogo naslediya. XXI vek. II)* [300 years of the Peterhof Road. 300 years of Oranienbaum. History. Restoration. Museification: collection of articles based on the materials of the scientific and practical conference of the GMZ "Peterhof", 2011 (Problems of preservation of cultural heritage. XXI century. II)]. St. Petersburg, Evropeiskii DoM Publ., 2012, pp. 157-171 (In Russ.).

11. Barsova L. G. *Iz istorii peterburgskoi vokal'noi shkoly. Ehverardi, Gabel', Tomars, Iretskaya* [From the history of the St. Petersburg vocal school. Everardi, Gabel, Tomars, Iretskaya]. St. Petersburg, 2017. 156 p.

12. Lymareva T. V. *Istoriya vokal'nogo iskusstva v Rossii* [The History of vocal art in Russia]. St. Petersburg, 2022. 520 p.

13. *Istoriya russkoi muzyki v desyati tomakh* [The History of Russian music in ten volumes]. Moscow, Muzyka Publ., 1989, vol. 6. 384 p.

14. Alekseev-Boretskii A. A. ["Orpheus" in the Mikhailovsky Palace]. *Muzyka vse vremya protsvetalA...». Muzykal'naya zhizn' imperatorskikh dvortsov. Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Music flourished all the time ...". Musical life of Imperial palaces. Materials of the scientific and practical conference]. St. Petersburg, Svoe izdatel'stvo Publ., 2015, pp. 3-14 (In Russ.).

15. Nortsov V. V., Bashkeeva K. S. *Osnovy akkompanementa dlya studentov-vokalistov* [Basics of Accompaniment for Vocal students]. Kursk, 174 p.

16. Petrukhina S. A., Moiseeva V. A. [The role of piano ensemble performance in the musical development and upbringing of a student-vocalist]. *Za nami budushchee: vzglyad molodykh uchenykh na innovatsionnoe razvitie obshchestva. Sbornik nauchnykh statei 2 i Vserossiiskoi molodezhnoi nauchnoi konferentsii* [The future is ours: the view of young scientists on the innovative development of society. Collection of scientific articles of the 2nd All-Russian Youth Scientific Conference]; ed. by. A. A. Gorokhov. Kursk, 2021, vol. 2, pp. 281-285 (In Russ.).

17. Akimova S. V. *Vospominaniya pevitsy* [Memories of the singer]; ed. by. G. Tigranova. Leningrad, Muzyka Publ., 1978. 96 p.

18. Bashkeeva K. S., Kirnosova E. N., Kolesnikova L. V. eds. *Voprosy professional'noi podgotovki studentov-vokalistov* [Questions of professional training of vocal students]. Kursk, 2019. 140 p.

Информация об авторах / Information about the Authors

Кирносова Елена Николаевна, кандидат искусствоведения, доцент, доцент кафедры вокального искусства, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: elena.kirnosova@gmail.com

Elena N. Kirnosova, Cand. of Sci. (Historical), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Vocal Art, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: elena.kirnosova@gmail.com

Моисеева Валерия Александровна, студентка факультета лингвистики и межкультурной коммуникации, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: moiseeva-lera2016.moiseeva@yandex.ru

Valeria A. Moiseeva, Student of the Faculty of Linguistics and Intercultural Communication, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: moiseeva-lera2016.moiseeva@yandex.ru

Тапия Саманьего Сесилья, дирижёр полифонического хора Технологического университета Равноденствия, г. Кито, Эквадор,
e-mail: cecytapia_7@hotmail.com

Tapia Samaniego Cecilia, Conductor of the Polyphonic Choir of the Equator Technological University, Quito, Ecuador,
e-mail: cecytapia_7@hotmail.com

Оригинальная статья / Original article

УДК 378.147

<https://doi.org/10.21869/2223-151X-2023-13-1-136-148>

Геймификация как новая образовательная технология в современном высшем образовании

И.Н. Чеботарева¹ ✉, Д.О. Чистилина¹, А.В. Лясковец¹

¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: cheb_irina@mail.ru darya-chistilina@yandex.ru skalabor@gmail.com

Резюме

Актуальность исследования обусловлена необходимостью совершенствования образовательного процесса в высшей школе. Образовательные технологии должны быть направлены на повышение мотивации студентов к усвоению знаний. Существующие методики преподавания постепенно утрачивают свою эффективность ввиду изменения нравственной, экономической, социальной составляющих современного мира. Тенденцией последних лет является цифровизация, затрагивающая все сферы жизни общества, поэтому образовательные технологии должны соответствовать изменяющимся условиям.

Целью исследования является выявление положительных и отрицательных черт геймификации как образовательной методики в современной высшей школе.

Задачами исследования являются: определить понятие «геймификация» и выявить ее отличия от понятия «игра»; рассмотреть составляющие геймификации как образовательной методики; выявить мотивационную роль игровых технологий в образовательном процессе; рассмотреть возможные способы повышения мотивации студентов в ходе учебной деятельности; проанализировать недостатки внедрения игровых технологий в образовательный процесс.

Методология. Методологической основой исследования является метод диалектического научного познания; системный подход к рассматриваемой проблеме, исторический метод, аналитический метод и др.

Результаты. В ходе исследования были выявлены и систематизированы различные подходы к понятию «геймификация». Авторы выявили положительные и отрицательные черты внедрения игровых технологий в образовательный процесс, а также рассмотрели мотивационную составляющую обучения современного студента.

Вывод. Игровые технологии в образовании используются достаточно редко, так как многие педагоги недооценивают их потенциал. Кроме того, их внедрение в образовательный процесс требует от преподавателя приложения усилий, в том числе и творческих. Подобные технологии позволяют вовлечь в образовательный процесс большее количество студентов за счет повышения интереса к чему-то новому и отличающемуся от классической методики преподавания. Безусловно, использование игровых технологий в образовательном процессе имеет ряд недостатков, которые можно нивелировать успешным сочетанием инновационных и классических методик преподавания.

Ключевые слова: геймификация; образовательный процесс; мотивация; преподаватель высшей школы; профессиональные компетенции.

Конфликт интересов: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Финансирование. Статья подготовлена в рамках реализации программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030»

Для цитирования: Чеботарева И.Н., Чистилина Д.О., Лясковец А.В. Геймификация как новая образовательная технология в современном высшем образовании // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2023. Т. 13, № 1. С. 136-148. <https://doi.org/10.21869/2223-151X-2023-13-1-136-148>.

Статья поступила в редакцию 14.12.2022 Статья подписана в печать 20.01.2023

Статья опубликована 15.04.2023

Gamification as a New Educational Technology in Modern Higher Education

Irina N. Chebotareva¹ ✉, Daria O. Chistilina¹, Andrei V. Liaskovets¹

¹Southwest State University

50 let Oktyabrya 94, Kursk 305040, Russian Federation

e-mail: darya-chistilina@yandex.ru

Abstract

The relevance of the research is due to the need to improve the educational process in higher education. Educational technologies should be aimed at increasing the motivation of students to acquire knowledge. The existing teaching methods are gradually losing their effectiveness due to changes in the moral, economic, and social components of the modern world. The trend of recent years is digitalization, affecting all spheres of society, so educational technologies must meet changing conditions.

The purpose of the research is to identify the positive and negative features of gamification as an educational technique in modern higher education.

The objectives of the research: to define the concept of "gamification" and to identify its differences from the concept of "game"; to consider the components of gamification as an educational technique; to identify the motivational role of gaming technologies in the educational process; to consider possible ways to increase students' motivation during educational activities; to analyze the shortcomings of the introduction of gaming technologies in the educational process.

Methodology. The methodological basis of the research is the method of dialectical scientific cognition; a systematic approach to the problem under consideration, the historical method, the analytical method, etc.

Results. In the course of the research, various approaches to the concept of "gamification" were identified and systematized. The authors identified the positive and negative features of the introduction of gaming technologies into the educational process, and also considered the motivational component of the modern student's education.

Conclusion. Gaming technologies are rarely used in education, as many teachers underestimate their potential. In addition, their introduction into the educational process requires the teacher to make efforts, including creative ones. Such technologies make it possible to involve more students in the educational process by increasing interest in something new and different from the classical teaching methods. Of course, the use of gaming technologies in the educational process has a number of disadvantages that can be offset by a successful combination of innovative and classical teaching methods.

Keywords: gamification; educational process; motivation; high school teacher, professional competencies.

Conflict of interest: The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

Funding. The article was prepared as part of the implementation of the strategic academic leadership program "Priority-2030"

For citation: Chebotareva I. N., Chistilina D. O., Liaskovets A. V. Gamification as a New Educational Technology in Modern Higher Education. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*. 2023, 13(1): 136–148 (In Russ.). <https://doi.org/10.21869/2223-151X-2023-13-1-136-148>.

Received 14.12.2023

Accepted 20.01.2023

Published 15.04.2023

Введение

Образовательный процесс в высшей школе в настоящее время представляет собой сложный многогранный процесс, который требует оперативного реагиро-

вания на условия развития общества. Современные тенденции рынка труда предполагают, что потенциальный выпускник вуза должен быть не только грамотным теоретически подкованным специалистом

в своей области, но также иметь практические навыки профессиональной деятельности, развитие которых ложится на плечи преподавателя высшей школы.

Вполне естественно, что образовательный процесс является динамическим. Он вынужден адаптироваться к новым условиям рынка труда, социальным и психологическим особенностям как нынешних, так и будущих обучающихся. В этой связи вопрос модернизации образовательного процесса стоит на повестке дня практически постоянно.

Модернизация образовательного процесса невозможна без учета имеющихся в обществе тенденций, одной из которых является все большее проникновение в различные сферы общественной жизни новых информационных технологий. Данная задача представляется весьма многогранной, так как в силу широкого трактования категории «информационные технологии» под ними понимают весьма разнообразные образовательные методики. Необходимо признать, что данный процесс является естественным, так как развитие технологий на современном этапе подразумевает их все более активное применение в различных отраслях. И сфера образования не является исключением.

Далеко не секрет, что в современных условиях процесс образования классической высшей школы не всегда находит отклик у обучающихся. Лекции, семинарские занятия в привычном виде представляют собой заучивание теоретического материала, которое не интересно современному студенту. Попытка же внедрения новых информационных технологий в образовательный процесс, к сожалению, чаще всего ограничивается использованием презентаций в рамках лекций. Суть таких технологий сводится, как правило, к банальному копированию классических лекций, представляя их обучающимся в новой красивой обертке. Безусловно, даже подобные подвижки к информационному совершенствованию

образовательных технологий следует рассматривать как исключительно позитивное явление, однако реалии современного общества требуют использования новых методов, которые позволят не просто вызвать интерес у студента к дисциплине, но и «говорить с ним на одном языке».

Помимо вышеизложенного следует отметить, что информационные технологии в настоящий момент востребованы, в первую очередь, в практической деятельности. Базовый навык использования обозначенных технологий закладывается, как правило, еще на уровне средней школы. В рамках системы высшего образования студент должен не только развить свои навыки, но и адаптировать их к специфике своей будущей профессиональной деятельности. Без использования же информационных технологий в образовательном процессе решить данную задачу весьма затруднительно, а порой, практически невозможно.

Следует отметить, что совершенствование практических навыков представляет собой комплексную задачу, которую необходимо решать как классическими образовательными технологиями, так и с использованием новых методик, которые учитывают актуальные вопросы профессиональной области знаний, а также повышают у студента интерес к преподаваемой дисциплине.

В то же время процесс внедрения информационных технологий в образование должен базироваться на актуальных методиках, которые могут иметь реальные перспективы с точки зрения практического внедрения. Бездумное же внедрение элементов компьютеризации на практике может создать ситуацию, при которой подобные технологии не только не дают эффективного результата, а, порой, и создают весьма существенные пробелы в знаниях обучающихся. При этом в силу специфики информационных технологий подобные пробелы не всегда

возможно восполнить классическими методами.

Одним из трендов последних лет стали попытки внедрения игровых технологий в образовательный процесс высшей школы. Данная тенденция вызывает достаточно ожесточенные дискуссии, которые затрагивают как теоретические аспекты внедрения подобных технологий, так и практическое содержание конкретных игровых методов, а также их эффективность в образовании. Обозначенная дискуссия требует детального анализа перспектив использования игровых методов.

Материалы и методы

В рамках проведенного исследования авторами применялась совокупность как общенаучных, так и специальных исследовательских методов. Исследование современной системы взглядов на понятие и содержание категории «геймификация» проводилось с использованием аналитического и исторического методов. Отметим, что аналитический метод включал не только анализ литературных источников, раскрывающих обозначенную систему взглядов, но и анализ исторических предпосылок формирования геймификационных методик и практического опыта их применения.

Результаты и обсуждение

Система взглядов на понятие и содержание геймификации

Процесс внедрения и использования игровых технологий в различных сферах общественной жизни принято называть термином «геймификация». Следует отметить, что на современном этапе развития педагогической науки рассматриваемый термин практически не используется, несмотря на активное внедрение его элементов в образовательный процесс. Во избежание двойственности трактовок и для формирования единого категориального аппарата попробуем более детально остановиться на ее определении.

Для более подробного изучения рассматриваемого вопроса обратимся к истокам формирования категории «геймификация». Основоположителем внедрения игровых элементов в различные сферы общественной жизни принято считать Г. Зихермана, который определял геймификацию как процесс использования игровых методик и игрового мышления для решения неигровых задач и для вовлечения людей в какой-либо процесс [1, с. 56]. Необходимо подчеркнуть, что подобное определение было дано автором в первую очередь применительно к такой сфере деятельности, как маркетинг, однако следует отметить, что в известной степени оно применимо и к процессу образования.

Развитие обозначенное определение получило в работе К. Вербаха, который указывал на конкретные игровые элементы, которые могут быть применимы для решения задач геймификации. Автором было отмечено, что мотивирующий фактор в качестве структурного элемента геймификации играет центральную роль. То есть реализация данной технологии имеет своей целью мотивацию играющего для овладения каким-либо предметом или навыком [2, с. 32].

Детализируя понятие геймификации, некоторые специалисты касаются практического наполнения данной категории, указывая на то, что геймификация представляет собой реализацию элементов игрового дизайна в рамках неигрового контекста [3, с. 2]. Данный подход, по нашему мнению, не является эффективным применительно к образовательной деятельности. Использование лишь отдельных игровых элементов без создания полноценной игры не просто не дополнит имеющиеся образовательные технологии, но, скорее, усложнит классические лекции и практические занятия, которые изначально под данные элементы не адаптированы.

В то же время данное определение стало катализатором дискуссии о разгра-

ничении понятий «игра» и «геймификация», которая активно обсуждается специалистами в ряде Западных стран. В то же время мы считаем необходимым отметить, что такого рода дискуссия важна в первую очередь с точки зрения определения геймификации в качестве технологии, применяемой в бизнес-структурах, к образовательному же процессу она имеет весьма опосредованное отношение. Однако анализ данного определения позволяет выявить конкретные практические элементы геймификации – в частности элементы игрового дизайна. Данный элемент не является единственным и позволяет более детально рассмотреть сущность геймификации, в том числе применительно к образовательному процессу.

Рассматривая геймификацию в контексте образовательного процесса, специалисты выделяют две ее составляющие – структурную и содержательную. В случае структурной геймификации игровые механизмы перерабатывают содержание изучаемого предмета, адаптируя его под игровые технологии. Во втором случае геймплей представляет собой своеобразную оболочку, которая упрощает изучение преподаваемой дисциплины для обучающегося [4, с. 47]. По мнению большинства исследователей, структурная геймификация в данном контексте является более удобным инструментом с точки зрения адаптации учебного материала под исследуемую образовательную технологию [5, с. 128].

На наш взгляд, данная трактовка геймификации все же не совсем актуальна, так как в подобном случае игровые механизмы, заменяя классические образовательные методики, требуют адаптации конкретной дисциплины, что далеко не всегда возможно реализовать на практике. Все же геймификация призвана дополнять уже имеющиеся технологии образования, а не заменять их в полной мере.

Вопрос использования игровых технологий в образовательном процессе является предметом исследования не толь-

ко в зарубежных странах, но и в отечественной научной литературе.

Как отмечает Б. П. Дьяконов, игра как дидактический феномен в том или ином виде применяется в образовательном процессе уже достаточно продолжительное время. Она используется, в первую очередь, как средство для активизации учебного процесса, в то же время развивая и личностные качества обучаемого [6, с. 383]. Исходя из данной позиции, геймификация может рассматриваться как дополнительный элемент в рамках классических образовательных технологий, имеющий стимулирующую цель. На наш взгляд, подобная точка зрения лишь частично раскрывает сущность геймификации как образовательной технологии.

Большинство специалистов в своих определениях, как правило, рассматривают лишь части данного явления, не затрагивая всего комплекса методик, подпадающих под рассматриваемую категорию. Так, Л.П. Варенина определяет геймификацию как «применение игровых методик в неигровых ситуациях» [7, с. 315]. Нетрудно заметить, что данное определение во многом базируется на концепции Г. Зихермана.

Ларькин М. Д. предлагает определить геймификацию образования «не только как увеличение «удельного веса» игровых образовательных технологий в обучении и воспитании, но и как учет игрового контекста в процессе социализации и образования» [8, с. 134]. Подобный подход, как нам кажется, является достаточно проработанным, так как позволяет рассмотреть геймификацию не только как факультативный элемент образовательного процесса, а, скорее, как его необходимую часть.

Дьячкова Е. А., раскрывая практическую составляющую геймификации, утверждает, что это «эффективный мотивирующий и вовлекающий способ, применяющий виды поощрений и технологий как: выставление баллов, выдача наград и знаков отличия, размещение лучших на

доске почета, а также digital-метод, использующий вполне вещественные стимулы» [9, с. 68]. Безусловно, нельзя не согласиться с данным утверждением, так как использование игровых методов в образовательном процессе уже не первый год показывает положительный результат.

Анализ данных выше определений позволяет сделать вывод о том, что большинство специалистов рассматривают геймификацию в качестве процесса внедрения отдельных игровых элементов в различные сферы деятельности, не связанные с игрой напрямую. В то же время мы считаем необходимым подчеркнуть, что применительно к образовательному процессу такой подход видится далеко не полным, так как внедрение лишь отдельных элементов не позволяет полноценно достичь желаемых целей.

Мотивационная роль игровых технологий в образовательном процессе

В образовательном процессе важнейшую роль играет мотивационная составляющая, которая может быть детально раскрыта в рамках внедрения игровых технологий.

Использование игровых элементов имеет значительный мотивационный потенциал, создавая некий соревновательный элемент. Г. Зихерман отмечал, что игры способны без принуждения мотивировать людей совершать определенные действия в ситуациях, когда люди не всегда знают, насколько они хотят их совершать. [10, с. 26]

Наибольшую актуальность вопрос мотивации студентов приобретает в контексте проведенного С.М. Мурзиной исследования, в рамках которого было установлено, что восторженное настроение студентов к третьему курсу сменяется на переосмысление правильности выбора профессиональной деятельности и скептическую оценку вуза и преподавателей. Именно в этот момент очень важно педагогу подобрать такую методику пре-

подавания, которая находила бы отклик у большинства студентов, учитывая умственный, энергетический потенциал, интересы и жизненные обстоятельства современных студентов. Среди причин потери интереса студентов к обучению выделяют трудности в понимании материала, недостатки методики преподавания и т.д. [11, с. 307-314] В связи с этим не лишним будет корректировка классической методики преподавания, ориентированной исключительно на трансляцию знаний, а не качество ее усвоения.

Традиционная пятибалльная система оценок не всегда может служить соответствующим мотиватором в процессе обучения (далеко не секрет, что значительная часть студентов без проблем готова согласиться на тройку, если для этого не придется прилагать значительных усилий). Подобная тенденция, на наш взгляд, является весьма существенной проблемой, которую можно решить только с использованием методов мотивации, так как эффективность обучения находится в непосредственной зависимости от мотивации обучающегося. При наличии таковой восприятие им материала, преподаваемого на занятиях, будет происходить более качественно. В частности, Дж. Келлер отмечает, что мотивация обучающегося выступает одним из условий эффективного образования [12, с. 177].

Подобная точка зрения, на наш взгляд, является достаточно обоснованной, так как при отсутствии мотивации обучающегося к усвоению материала эффективность образовательного процесса сводится к нулю. Следовательно, одной из важнейших задач современного преподавателя высшей школы является создание и использование образовательных технологий, которые стимулируют мотивацию обучающегося. Игровые технологии в данном контексте, как нам кажется, являются достаточно эффективным инструментом.

Кроме того, существующий переизбыток информации ставит вопрос об

умении ее правильно фильтровать и перерабатывать. Точечная, но в то же время комплексная подача учебного материала в игровой форме может помочь решить проблему его усвоения. Студенты не остаются один на один с большим количеством информации, предлагаемой различными источниками, зачастую устаревшей, что особенно актуально для многих юридических дисциплин. У студента больше времени останется на усвоение материала, а не его поиск и переработку при существующем дефиците времени. Активное использование педагогами и студентами цифровых технологий будет способствовать воспитанию у молодого поколения уважительного и критичного отношения к окружающему миру и повышению цифровой компетентности [13, с. 248-251].

Также важной составляющей при усвоении учебного материала является понимание. Для практико-ориентированной концепции обучения пониманию важно правильно сформировать принципы учебного взаимодействия преподавателя и студента. Студент должен стать не просто пассивным получателем информации, а активным участником процесса обучения с возможностью и желанием наибольшего проникновения в практическую сферу применения полученных знаний в доступной и интересной для него форме [14, с. 136-142].

Мотивационная сфера личности включает актуальные мотивы и потребности, латентные мотивационные образования (направленность личности, мотивационные установки, интересы), которые проявляют себя как ситуативные функциональные конструкты, сменяющие друг друга [15, с. 68-70]. Современные исследователи, как правило, рассматривают такую категорию, как мотивация в качестве сложного явления, имеющего определенную структуру. В психологии принято выделять внешнюю и внутреннюю мотивацию. Внутренняя мотивация носит ярко выраженный субъек-

тивный характер. Ее основа заложена в неотъемлемом желании человека искать что-то новое, развивать свои способности в различных отраслях, получать новые знания. Внешняя же мотивация представляет собой объективную управляемую внешними факторами деятельность человека для достижения определенных целей и решения поставленных задач.

По мнению большинства специалистов, эффективность внутренней мотивации обучающегося несоизмеримо выше, нежели внешняя мотивация. Субъективный характер внутренней мотивации делает подобный приоритет вполне естественным. Очевидно, что интересы обучающегося для него более близки, нежели цели и задачи, которые транслируются ему с привлечением посторонних инструментов. Управляемость внешней мотивации со стороны педагогов вполне естественно вызывает отторжение у студента. По сути, в рамках подобного механизма студент вовлечен в искусственно созданные условия, требующие от него решения задач, которые могут быть ему не интересны. В подобной ситуации внешние инструменты доминируют над внутренними творческими и личностными интересами. В таких условиях студент изучает преподаваемую дисциплину не потому, что она ему интересна или необходима, а потому что он вынужден это делать, так как этого требует преподаватель и в случае невыполнения его требований студенту грозят негативные последствия. Отметим, что такой подход нельзя считать исключительно отрицательным, так как образовательный процесс в рамках высшей школы предполагает изучение значительного количества преподаваемых дисциплин, которые помогают сформировать грамотного специалиста. Далеко не все из этих дисциплин вызывают интерес со стороны обучающихся. В подобной ситуации использование инструментов внешней мотивации является не просто эффективным, а скорее необходимым.

В рамках образовательного процесса необходимо разработать систему, которая будет эффективно сочетать оба упомянутых структурных элемента мотивации. Конечной целью такого рода стимулирования выступают образовательные цели, однако их достижение должно проходить с учетом тенденций внутренней мотивации [16, с. 64]. Использование игровых технологий в рамках образовательного процесса, на наш взгляд, является оптимальным инструментом в данном случае.

Среди психологических особенностей возрастной категории «студенты» многие исследователи выделяют то, что именно данный возраст является центральным периодом становления характера и интеллекта и интенсивного формирования специальных способностей в связи с профессионализацией. Поэтому для педагога важной задачей становится создание комфортных условий обучения, блокирующих возможность конфликта со средой.

Как отмечает И. В. Ребро, наиболее яркими критериями мотивации является стремление к самостоятельной и творческой деятельности, состязательности [17, с. 47]. По нашему мнению, игра как элемент обучения удовлетворяет данным условиям.

В рамках игры интерес к изучаемой дисциплине закладывается путем получения неких внутриигровых наград, будь то значки, знаки отличия, ранги и т.п. Сочетание же подобных поощрений с реальными оценками по предмету может явиться весьма мощным стимулом, так как студент не просто получает новые умения и навыки, но также и удовольствие от игрового процесса, который при грамотной реализации весьма эффективно может отразиться и на показателях успеваемости.

Помимо этого, студент может проявить свои творческие способности для решения различного рода игровых ситуаций, а также реализовать стремление к состязательности. Играя в игру, студент

не просто рассматривает какие-то практические примеры, а ассоциирует себя с персонажем. Например, при изучении криминалистики студент решает в игровой форме задачи, расследуя преступление. Причем в данной ситуации процесс поиска преступника зависит именно от играющего. То есть дело расследует не некий посторонний следователь, а персонаж, с которым ассоциирует себя играющий, по сути, сам студент. Такой подход вызывает интерес и азарт, так как это не просто взгляд на ситуацию со стороны, а вызов для обучающегося, который он внутренне принимает и соглашается на предложенные условия.

Сочетание мотивирующего фактора, интуитивно понятного и современного для студента подхода в усвоении изучаемых дисциплин, а также соревновательный элемент позволяет рассматривать геймификацию как весьма эффективный инструмент в образовательном процессе.

Помимо мотивационного эффекта использование игровых технологий в образовательном процессе высшей школы имеет также ряд иных преимуществ.

Современный молодой специалист должен не просто владеть базой теоретических знаний, но и уметь решать практические задачи. Безусловно, в рамках высшей школы студент проходит ряд практик, которые предусмотрены учебным планом конкретного направления подготовки. Однако следует признать, что эффективность таких практик далеко не всегда является высокой. Использование же игровых технологий, позволяет создавать практические задачи без отрыва от образовательного процесса. В рамках игры студент, используя накопленный им базис теоретических знаний, может решать конкретные задачи практического характера. В этой связи геймификация требует серьезного подхода со стороны преподавателя с точки зрения создания в рамках игры такого рода ситуаций.

Помимо этого, игровые технологии позволяют снизить формализм учебного процесса, а также осуществлять коммуникацию с преподавателем на новом уровне. Преподаватель, который внедряет игровые технологии в образовательный процесс, не просто «машина по чтению лекций», а человек говорящий со студентом на одном языке. Такой подход является серьезным стимулом для улучшения показателей успеваемости студентов.

Недостатки внедрения игровых технологий в образовательный процесс

Дискуссия об использовании игровых технологий в рамках образовательного процесса будет неполной, если мы не коснемся вопроса о недостатках геймификации образования.

Ряд исследователей указывает на возможные негативные последствия геймификации и высказывает мнение о том, что ее применение в образовательном процессе может навредить.

Так, Т.Е. Пахомова указывает на возможность формирования у студента игровой зависимости [18, с. 33]. То есть, обучающийся, увлекшись образовательной компьютерной игрой, может перестать воспринимать иные образовательные технологии, что, безусловно, следует рассматривать как исключительно негативное явление. Предпочитая образование в форме игры, такой студент не просто не воспринимает знания в иной форме, в подобной ситуации традиционные методики образования могут вызывать у него раздражение, и стать неким антимотиватором. Также следует понимать, что ассоциирование себя с персонажем игры имеет и обратную сторону, когда студент видит перед собой цели персонажа, забывая о своих целях. В подобной ситуации образование отходит на второй план, а целью игрока становится удовлетворение желания «прокачать героя».

Также ряд специалистов вполне справедливо отмечает, что данная технология подходит далеко не всем студен-

там. Некоторые из них могут рассматривать использование игровых методик в качестве лишнего смысла времяпрепровождения, так как они пришли в вуз для получения знаний, а не для игр, пусть и связанных с будущей профессией [19, с. 75]. Такой взгляд видится вполне оправданным. Не существует универсальной образовательной технологии, а игра в силу своей нестандартности, по меркам образования, вызывает отклик далеко не у всех обучающихся.

Справедливо утверждение о том, что не существует двух абсолютно одинаковых людей. У студентов отличаются как физические, так и психологические характеристики, формирующие у одних повышенную усидчивость и работоспособность, а у других – полную апатию или желание отложить все «на последний день». В связи с этим знание психологических особенностей личности, понимание их природы может обеспечить правильную профориентацию и помочь подобрать корректную методику преподавания в сложившихся условиях, обеспечивающих разнообразные формы взаимодействия преподавателя со студентами [20, с. 76-78].

Еще одним недостатком геймификации в качестве образовательной методики является тот факт, что на практике она нередко подменяет классические методы преподавания. Отдельные преподаватели в стремлении внедрить рассматриваемые технологии в процесс преподавания дисциплины практически полностью игнорируют иные методы преподавания, в том числе лекции и семинары. Отметим, что геймификация как образовательная методика ни в коей мере не заменяет собой классические методы, а призвана их дополнить. Перевод преподавания исключительно на игровые рельсы вызывает целый ряд негативных последствий, в числе которых можно отметить хотя бы тот факт, что студент привыкает рассматривать практические проблемы как очередное игровое испытание, не считая их реальными. Произошедшая подмена по-

нений негативным образом сказывается на дальнейшей профессиональной деятельности.

Выводы

Попытаемся сформулировать основные выводы, полученные нами в ходе проведенного исследования. Геймификация на современном этапе представляется относительно новой технологией, которая находит свое активное применение в различных отраслях общественной жизни. Система взглядов на понятие и содержание рассматриваемой категории является предметом оживленной дискуссии в среде специалистов. В наиболее общем виде геймификацию представляют как процесс использования игровых методик в неигровых ситуациях. Однако подобный подход является чересчур обобщенным и должен быть детализирован применительно к конкретной отрасли, в которой реализуются элементы геймификации. В рамках образовательного процесса геймификация может быть реализована как технология обработки преподаваемого материала, с целью улучшения его восприятия обучающимися. Специалисты отмечают мотивирующую роль игровых методов, которые при качественном сочетании эффективно мотивируют для обучения студента с использованием как

объективных, так и субъективных факторов.

Игровые технологии в образовании на данный момент реализуются недостаточно полно, так как в педагогической науке еще не сложилась однозначная точка зрения по вопросу о необходимости внедрения элементов геймификации в образовательный процесс. В силу неопределенности содержания и сущности образовательной геймификации в современной науке на практике ее реализация вызывает затруднения. В то же время результаты проведенного нами исследования позволяют сделать выводы о ее востребованности в рамках образовательного процесса в высшей школе.

Подводя итог вышеизложенному отметим, что геймификация в образовательном процессе представляет собой относительно новое перспективное направление, которое имеет целый ряд преимуществ по сравнению с традиционными образовательными технологиями. Однако использование подобного рода методик должно быть дозированным и ни в коей мере не должно подменять классические образовательные приемы. Только качественный симбиоз геймификации и традиционных подходов в образовательном процессе позволит получить максимальный положительный результат.

Список литературы

1. Zichermann G., Cunningham C. Gamification by Design: Implementing Game Mechanics in Web and Mobile Apps, Sebastopol, O'Reilly Media., 2011. 182 p.
2. Werbach Kevin, HunterDan. For the Win: How Game Thinking Can Revolutionize Your Business., Wharton Digital Press, 2012. 148 p.
3. Deterding Sebastian, Dixon Dan, Khaled Rilla, Nacke Lennart E. (2012) Gamification: Toward a Definition// CHI 2011 Gamification Workshop Proceedings, Vancouver, BC, Canada, pp. 1-4
4. Kapp Karl. M. The gamification of learning and instruction: game-based methods and strategies for training and education. John Wiley & Sons, 2012. 336 p.
5. Шуклин Д.А., Погорелов В.И., Зими́на Д.В., Козак О.О. Геймификация как средство повышения мотивации студентов при дистанционном обучении // Успехи современной науки и образования. 2016. Т. 5. № 12. С. 127-130.
6. Дьяконов Б.П. Геймификация: новое понятие и явление в непрерывном профессиональном образовании // Понятийный аппарат педагогики и образования. Екатеринбург, 2016. С. 380-386.

7. Варенина Л. П. Геймификация в образовании // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. Т. 6. № 6–2 (28). С. 314–317.
8. Ларькин М.Д. Геймификация в современном образовании // Вестник Владимирского государственного университета им. Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Серия: Педагогические и психологические науки. 2019. № 37 (56). С. 133-138.
9. Дьячкова Е.А. Геймификация в дистанционном образовании как средство активизации обучения студентов-архитекторов // Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института. 2019. № 4. С. 66-71.
10. Zichermann G., Linder J. Game-Based Marketing: Inspire Customer Loyalty Through Rewards, Challenges, and Contests. Wiley, Hoboken, NJ, 2010. 240 p.
11. Мурзина С. М. Психология и типология личности студента // Ученые записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2010. №1. С. 307-314.
12. Keller J.M. First principles of motivation to learn and e3-learning. Distance Education, 2009, vol. 29 (2), pp.175-185.
13. Морозикова И.В. «Психозэкология: особенности восприятия информационного воздействия студентами вуза в цифровом обществе» // Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития человека. Коломна, 2018. С. 248-251.
14. Дюмина С. В. Реализация системно-деятельностного подхода к обучению в системе высшего образования как условие развития профессиональной компетентности обучающихся // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2019. Т. 9. № 1(30). С. 136-142.
15. Разуваева О.О., Клепач Ю.В. Особенности конкурентоспособности и учебной мотивации студентов различных специальностей // IN SITU. 2016. № 6. С. 68-70
16. Simpson E. Educational objectives in the psychomotor domain. Behavioral objectives in curriculum development: Selected readings and bibliography. Eaglewood Cliffs, Educational Technology Publications., 1971, pp. 60–68.
17. Ребро И.В. Внутренние и внешние условия построения задачной ситуации, направленной на формирование мотивации самореализации учащихся // Известия Волгоградского государственного технического университета. Серия: Новые образовательные системы и технологии обучения в вузе. 2005. № 4. С. 46-48.
18. Пахомова Т.Е. Геймификация как средство подготовки студентов педагогического колледжа к решению профессиональных задач // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Профессиональное образование, теория и методика обучения. 2015. № 6. С. 31 – 39.
19. Кубеков Б.С., Кривицкий В.А., Науменко В.В. Геймификация в современном образовании: возможности применения, преимущества и недостатки // Теоретические и прикладные аспекты современной науки. 2015. № 7-9. С. 74-77.
20. Жуматаева М.С., Бапаева М.К., Шайжанова К.У. Психологические и психофизиологические особенности студентов // Современные инновации. 2016. №5 (7). С. 76-78.

References

1. Zichermann G., Cunningham C. Gamification by Design: Implementing Game Mechanics in Web and Mobile Apps, Sebastopol, O'Reilly Media., 2011. 182 p.
2. Werbach Kevin, HunterDan. For the Win: How Game Thinking Can Revolutionize Your Business., Wharton Digital Press, 2012. 148 p.

3. Deterding Sebastian, Dixon Dan, Khaled Rilla, Nacke Lennart E. (2012) Gamification: Toward a Definition. *CHI 2011 Gamification Workshop Proceedings*, Vancouver, BC, Canada, p. 1-4

4. Kapp Karl. M. The gamification of learning and instruction: game-based methods and strategies for training and education. John Wiley & Sons, 2012. 336 p.

5. Shuklin D.A., Pogorelov V.I., Zimina D.V., Kozak O.O. Gejmifikaciya kak sredstvo povysheniya motivacii studentov pri distancionnom obuchenii [Gamification as a means of increasing students' motivation in Distance learning]. *Uspekhi sovremennoj nauki i obrazovaniya*, 2016, vol. 5. no. 12, pp. 127-130.

6. D'yakonov B.P. [Gamification: a new concept and phenomenon in continuing professional education]. *Ponyatijnyj apparat pedagogiki i obrazovaniya* [Conceptual apparatus of pedagogy and education]. Ekaterinburg, 2016, pp. 380-386 (In Russ.).

7. Varenina L. P. Gejmifikaciya v obrazovanii [Gamification in education]. *Istoricheskaya i social'no-obrazovatel'naya mysl' = Historical and Socio-Educational Thought*, 2014, vol. 6, no. 6-2 (28), pp. 314-317

8. Lar'kin M.D. Gejmifikaciya v sovremenном obrazovanii [Gamification in modern education]. *Vestnik Vladimirskogo gosudarstvennogo universiteta im. Aleksandra Grigor'evicha i Nikolaya Grigor'evicha Stoletovyh. Seriya: Pedagogicheskie i psihologicheskie nauki = Bulletin of Vladimir State University named after Alexander Grigoryevich and Nikolai Grigoryevich Stoletov. Series: Pedagogical and Psychological Sciences*, 2019, no. 37 (56), pp. 133-138.

9. D'yachkova E.A. Gejmifikaciya v distancionnom obrazovanii kak sredstvo aktivizacii obucheniya studentov-arhitektorov [Gamification in distance education as a means of activating the training of architecture students]. *Vestnik Moskovskogo informacionno-tekhnologicheskogo universiteta – Moskovskogo arhitekturno-stroitel'nogo instituta = Bulletin of the Moscow Information Technology University – Moscow Architectural and Construction Institute*, 2019, no. 4, pp. 66-71.

10. Zichermann G., Linder J. Game-Based Marketing: Inspire Customer Loyalty Through Rewards, Challenges, and Contests. Wiley, Hoboken, NJ, 2010. 240 p.

11. Murzina S. M. Psihologiya i tipologiya lichnosti studenta [Psychology and typology of a student's personality]. *Uchenye zapiski OGU. Seriya: Gumanitarnye i social'nye nauki = Scientific Notes of OSU. Series: Humanities and Social Sciences*, 2010, no. 1, pp. 307-314.

12. Keller J.M. First principles of motivation to learn and e3-learning. *Distance Education*, 2009, vol. 29 (2), pp. 175-185.

13. Morozikova I.V. ["Psychoecology: peculiarities of perception of information impact by university students in a digital society"]. *Cifrovoe obshchestvo kak kul'tur-noistoricheskij kontekst razvitiya cheloveka* [Digital society as a cultural and historical context of human development]. Kolomna, 2018, pp. 248-251 (In Russ.).

14. Dyumina S. V. Realizaciya sistemno-deyatel'nostnogo podhoda k obucheniyu v sisteme vysshego obrazovaniya kak uslovie razvitiya professional'noj kompetentnosti obuchayushchihsya [Implementation of a system-activity approach to learning in the higher education system as a condition for the development of professional competence of students]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*, 2019, vol. 9, no. 1(30), pp. 136-142.

15. Razuvaeva O.O., Klepach YU.V. Osobennosti konkurentosposobnosti i uchebnoj motivacii studentov razlichnyh special'nostej [Features of competitiveness and educational motivation of students of various specialties]. *IN SITU*, 2016, no. 6, pp. 68-70

16. Simpson E. Educational objectives in the psychomotor domain. Behavioral objectives in curriculum development: Selected readings and bibliography. Eaglewood Cliffs, Educational Technology Publications, 1971, pp. 60-68.

17. Rebro I.V. Vnutrennie i vneshnie usloviya postroeniya zadachnoj situacii, napravlennoj na formirovanie motivacii samorealizacii uchashchihsya [Internal and external conditions for the construction of a task situation aimed at the formation of motivation for self-realization of students]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya: Novye obrazovatel'nye sistemy i tekhnologii obucheniya v vuze* = *Proceedings of the Volgograd State Technical University. Series: New educational systems and technologies of higher education*, 2005, no. 4, pp. 46-48.

18. Pahomova T.E. Gejmifikaciya kak sredstvo podgotovki studentov pedagogicheskogo kolledzha k resheniyu professional'nyh zadach [Gamification as a means of preparing pedagogical college students to solve professional problems]. *Uchenye zapiski Zabajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Professional'noe obrazovanie, teoriya i metodika obucheniya* = *Scientific notes of the Trans-Baikal State University. Series: Vocational education, theory and teaching methods*, 2015, no. 6, pp. 31 – 39

19. Kubekov B.S., Krivickij V.A., Naumenko V.V. Gejmifikaciya v sovremennom obrazovanii. vozmozhnosti primeneniya. preimushchestva i nedostatki [Gamification in modern education. application possibilities. advantages and disadvantages]. *Teoreticheskie i prikladnye aspekty sovremennoj nauki* = *Theoretical and Applied Aspects of Modern Science*, 2015, no. 7-9, pp. 74-77.

20. Zhumataeva M.S., Bapaeva M.K., Shajzhanova K.U. Psihologicheskie i psihofiziologicheskie osobennosti studentov [Psychological and psychophysiological features of students]. *Sovremennyye innovacii* = *Modern Innovations*, 2016, no. 5 (7), pp. 76-78.

Информация об авторах / Information about the Authors

Чеботарева Ирина Николаевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: cheb_irina@mail.ru, ORCID: 0000-0002-2130-3102

Irina N. Chebotareva, Cand. of Sci. (Juridical), Associate Professor, Associate Professor of Criminal Procedure and Criminalistics Department, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: cheb_irina@mail.ru, ORCID: 0000-0002-2130-3102

Чистилина Дарья Олеговна, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: darya-chistilina@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-0115-8876

Daria O. Chistilina, Cand. of Sci. (Juridical), Associate Professor of Criminal Procedure and Criminalistics Department, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: darya-chistilina@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-0115-8876

Лясковец Андрей Владимирович, старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: skalabor@gmail.com, ORCID: 0000-0002-9897-7578

Andrei V. Liaskovets, Senior Lecturer of Criminal Procedure and Criminalistics Department, Southwest State University, Kursk, Russian Federation e-mail: skalabor@gmail.com, ORCID: 0000-0002-9897-7578

Оригинальная статья / Original article

УДК 378.016:784-057.875

<https://doi.org/10.21869/2223-151X-2023-13-1-149-155>

Работа над дыханием и звукообразованием с начинающими певцами

С. В. Шенгелия¹✉, В. А. Моисеева¹

¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: vi-kafedra@mail.ru

Резюме

Актуальность данной темы состоит в том, что молодые педагоги зачастую не уделяют должного внимания организации певческого дыхания у обучающихся, и это приводит к дефектам звукообразования. В статье рассматриваются вопросы, касающиеся подготовки академических вокалистов в аспекте правильной организации дыхания. Певческое дыхание является основой всего исполнительского процесса, от него зависят не только совершенствование вокально-технических навыков, но и художественный результат. Задача, которую ставят перед собой авторы – рассмотреть дыхание как основу звуковедения и раскрыть особенности работы над ним.

Дыхание, как фундамент профессионального пения, связано с другими факторами звукообразования: с их развитием и совершенствованием параллельно укрепляется дыхание. Авторами формулируются условия для получения высокой певческой позиции: свободное положение гортани и ротовой полости, округлый и прикрытый звук, мягкая атака звука, близкое и яркое звучание. В результате возникают красота и насыщенность тембра, «полётность» голоса. В процессе занятий важны приподнятый тонус, желание и устремлённость певца к достижению цели.

Обучение вокалу является процессом сугубо индивидуальным, поэтому молодые педагоги должны находиться в тесном контакте с учениками, контролируя их первые шаги в освоении вокальной техники: в организации дыхания, выработке высокой певческой позиции, снятии мышечных зажимов гортани, контроле за звуковедением. Авторы обобщают рекомендации выдающихся вокальных педагогов прошлых лет, а также предлагают свои указания и термины, основываясь на многолетнем личном вокально-педагогическом и исполнительском опыте.

Ключевые слова: певческое дыхание; высокая позиция звука; звуковедение; опора; положение гортани; резонаторы.

Конфликт интересов: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Шенгелия С. В., Моисеева В. А. Работа над дыханием и звукообразованием с начинающими певцами // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2023. Т. 13, № 1. С. 149-155. <https://doi.org/10.21869/2223-151X-2023-13-1-149-155>.

Статья поступила в редакцию 25.01.2023 Статья подписана в печать 11.03.2023

Статья опубликована 15.04.2023

The Work on Breathing and Sound Formation with Aspiring Singers

Svetlana V. Shengelia¹✉, Valeria A. Moiseeva¹

¹Southwest State University

50 let Oktyabrya 94, Kursk 305040, Russian Federation

e-mail: vi-kafedra@mail.ru

Abstract

The relevance of this topic is that young teachers often do not pay due attention to the organization of singing breathing among students, and this leads to defects in sound formation. The article deals with issues related to the training of academic vocalists in the aspect of proper organization of breathing. Singing breathing is the basis of the entire performing process, not only the improvement of vocal and technical skills, but also the artistic result depend on it. The task set by the authors is to consider breathing as the basis of sound science and to reveal the features of working on it. Breathing, as the foundation of professional singing, is connected with other factors of sound formation: with their development and improvement, breathing is strengthened in parallel. The authors formulate the conditions for obtaining a high singing position: free position of the larynx and mouth, rounded and covered sound, soft attack of sound, close and bright sound.

As a result, there is beauty and saturation of timbre, "flight" of the voice. In the course of classes, the raised tone, desire and aspiration of the singer to achieve the goal are important. Vocal training is a purely individual process, therefore, young teachers should be in close contact with students, controlling their first steps in mastering vocal technique: in the organization of breathing, the development of a high singing position, the removal of muscle clamps of the larynx, the control of sound science. The authors summarize the recommendations of outstanding vocal teachers of the past years, and also offer their own instructions and terms based on many years of personal vocal pedagogical and performing experience.

Keywords: singing breathing; high position of sound; sound science; support; position of the larynx; resonators.

Conflict of interest: The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Shengelia S.V., Moiseeva V. A. The Work on Breathing and Sound Formation with Aspiring Singers. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*. 2023, 13(1): 149–155 (In Russ.). <https://doi.org/10.21869/2223-151X-2023-13-1-149-155>.

Received 25.01.2023

Accepted 11.03.2023

Published 15.04.2023

Введение

В наши дни интерес к вокальному искусству чрезвычайно высок. По вопросам теории пения существует обширная литература, но она не всегда применяется в процессе подготовки певцов, и практика вокального дела протекает почти независимо от неё, своими путями, на основе устной передачи опыта педагогов, мастеров вокального дела [1]. Это обязывает тех, кто занимается преподаванием пения, поделиться опытом и рассказать о своих наблюдениях в этой области. Какого-то общего, универсального метода ра-

боты по воспитанию певца и его голоса ни в вокальной практике, ни в теории преподавания пока не создали.

Обучение вокальному делу очень индивидуально. В настоящее время ни наука, ни наличие прекрасно выработанного музыкально-вокального слуха у педагогов не могут в достаточной мере помочь обучающемуся установить объективные причины хорошего или плохого звучания голоса. К тому же субъективные представления педагога и учащегося часто не совпадают.

Передать словами ощущения, возникающие при звукообразовании, чрезвычайно трудно. Раскрывая свои установки при показе должного звучания, преподаватель пытается вызвать у ученика аналогичные певческие ощущения. На самом же деле эти ощущения очень обманчивы и индивидуальны и у обучающегося могут быть иными, то есть ему приходится подстраиваться к словесным объяснениям педагога в проекции на собственные мышечные звуковые представления.

Успешность таких методов может быть обусловлена способностью некоторых певцов копировать правильные мышечные приёмы, которыми пользуется его педагог, или же интуитивно осуществлять некий идеал красивого звучания голоса. Копируя педагога, певец вырабатывает мышечные навыки, обеспечивающие тот звук, который соответствует его идеальным представлениям.

Трудности и сомнения возникают почти у всех молодых преподавателей, начинающих вокальную работу со студентами. Казалось бы, сами учились, много пели за годы учёбы, но индивидуальность певческого голоса у каждого обучающегося ставит перед педагогом множество вопросов, тем более что преподавание вокала – это не точная наука, а творческий процесс, связанный с настоящей импровизацией.

Конечно, предлагаемая методика очень схожа со многими рекомендациями и указаниями известных специалистов [2], однако авторы опираются на собственный педагогический и исполнительский опыт. Методика преподавания может быть одна, но она сугубо индивидуальна для каждого обучающегося.

Результаты и обсуждение

Вопрос о дыхании в вокальной методике имеет немаловажное значение потому, что дыхание является той силой, которая приводит в действие голосовой аппарат. Знаменитый исследователь и педагог вокала Мануэль Гарсиа-сын писал в

своем пособии «Полный трактат об искусстве пения» о том, что нельзя сделаться искусным певцом, не овладев искусством управления дыханием [3, с. 308-311, 4]. И действительно, дыхание – это двигательная сила голоса. Без дыхания голосовой аппарат, при всём его природном совершенстве, беззвучен. Общеизвестно классическое изречение, приписываемое Фр. Ламперти: «Искусство пения есть искусство дыхания».

С первых уроков нужно добиваться простоты и естественности звукообразования, обратив внимание обучающегося на необходимость снятия ненужного напряжения. Это чаще всего относится к мышцам челюсти и гортани, которые в процессе занятий необходимо раскрепостить [5, с. 17]. Главная задача – «поставить» голос на дыхание, то есть голос должен получить опору. Дыхание нижне-реберно-диафрагматическое: сделать вдох плавный, глубокий вниз и в стороны; во время вдоха хорошо почувствовать ребра и спину, сохранять ощущение «певческого пояса». Вдох легкий, следить, чтобы не пережималось дыхание, набирать воздух можно одновременно через рот и нос, так как этот способ даёт возможность пользоваться ртом (при необходимости взять быстро и много воздуха).

Работу над дыханием лучше вести на певческом звуке при помощи медленных упражнений. Следует делать паузы между фразами, чтобы мышцы могли отдохнуть и точно настроиться на следующую фразу. При удобном звучании можно попросить обучающегося запомнить ощущения, дающие свободу, контролировать вдох и выдох, рассчитывать свое дыхание на всю фразу при каждом упражнении. Необходимо следить за плавностью звуковедения, добиваться, чтобы поющий не выкрикивал ноты, а пропевал их. Не допускать пения на пределе дыхания, это утомляет мышечную систему. Если темпы медленные, то возможно на первых порах работы несколько ускорять темпы, пока происходит впевание фраз. После

некоторого времени можно вернуться к первоначальному темпу.

Дыхание является *важнейшим средством* выразительности пения. Опора и сила воздушной струи в различных регистрах и участках диапазона голоса различны. Расход воздуха в грудном регистре значительно меньше, чем в головном, поэтому подача слишком большого напора дыхания в грудном регистре углубляет звук и «проваливает» нижние и средние тона. В то же время недостаточная подача дыхания в верхнем, головном регистре приводит к тому, что звук «садится на горло». На эти моменты в процессе работы необходимо обращать серьезное внимание. В начале занятий рекомендуется петь несложные и не длинные упражнения, чтобы не утомлять дыхательные мышцы. Важно уделять внимание первым звукам упражнений, так как студенты чаще всего сразу отдают много дыхания, а на последующие фразы его уже не остается. Необходимо напоминать, чтобы оно распределялось с запасом.

По мере овладения певческим дыханием можно начинать работу над выразительностью пения. Красивое звуковедение – это умение регулировать подачу дыхания, иначе возможно возникновение фальшивого звучания. Фальшивая интонация бывает из-за плохого дыхания, неправильного пользования им. Если певец теряет опору звука, то интонация понижается, особенно часто это происходит при пении *piano*, так как оно требует особой регулировки, перебор дыхания влечет повышение интонации при пении *forte*. «Полнейшая верность интонации есть первое условие пения; поэтому обязанность учителя тотчас же в начале занятий обратить исключительное внимание на развитие слуха ученика» [6, с. 41] Динамические оттенки, филировка – все делается подачей дыхания, но это будет в дальнейшем обучении, а с первых же занятий необходимо обращать внимание на свободу в гортани.

Некоторые педагоги рекомендуют не говорить про гортань, но как не обращать внимание, если слышно, что гортань сужена, а внутренние мышцы затянуты. При таком положении «узкой глоточки» звук не пройдет ни на опору, ни на грудное резонирование у мужских голосов и низких женских голосов. Нужно учиться расслаблять гортань, чтобы «внутренним зрением» можно было бы видеть проход в грудь и звучание почувствовать как бы на глубине, на уровне нижних ребер. Одновременно важно представить, что в гортани звучит свободный звук «А», наполняя и разворачивая её объёмом и теплотой. Причем нужно обратить внимание на то, что этот звук «А» поётся ближе к «О» на корнях верхних зубов. В этом положении важно внутри ощущать над зубами легкий зевок. Таким образом, получается следующее: в гортани – свободный объёмный звук «А», сверху над легким зевком – «О», звук «засеребрится», если его не углублять вглубь ротовой полости.

Следующий этап – это попросить полученное звучание мысленно собрать в верхней части переносицы и провести его между бровями в район «третьего глаза», посоветовав обучающемуся перенести внимание на пение в этом месте, причём следить, чтобы в гортани оставалось прежнее положение – свобода и теплота. Этот приём быстро приведёт звук в красивое, свободное, объёмное звучание, а состояние расслабленной гортани даст возможность в дальнейшем переходить к другим певческим гласным звукам, не меняя полученных ощущений внутри.

Практика показывает, что если начинать обучение с собранности звука в переносице, не обращая внимания на положение гортани, то это приводит к «узкому» звучанию голоса и зажатости шейных и гортанных мышц, расслабить которые в будущем очень сложно и требует длительного времени.

Наиболее сложной задачей является нахождение высокой позиции звука. Как

же этого добиться? Какие отличия у низкого и высокого по позиции звука?

Голос низкий по позиции большей частью звучит открыто, плоско, в нём нет объёмного звучания, он узок и ограничен в красках. Мышечный зажим гортани и шеи вызывает неизбежную форсировку, отсюда звук резок и криклив. Для выработки высокой позиции внимание обучающегося фиксируется на вибрационных ощущениях в головных резонаторах: используются упражнения на «мычание», «Округление», «притемнение» тембра способствует его однородности. Для пониженного положения гортани при фонации и достижения полного диапазона голоса рекомендуются гаммообразные упражнения в быстром темпе, «округление» нот переходного регистра [7, с. 2]. Самому поющему кажется, что его голос звучит сильно, то есть при нажиме мышц гортани поющий слышит звук в ушах, на самом же деле он просто оглушает себя, а голос в зал не летит, то есть отсутствует важное качество звука – «полётность».

Высокий по позиции голос звучит округленно, прикрыто, он легко прорезает оркестровую звучность, богат красками, звучит объёмно и свободно, легко филируется. Это звук, богатый обертонами, что в переводе с немецкого означает – «звуки над основным тоном». В педагогической практике они называются «звончками» в голосе или «серебристым» звуком. Чем больше «звончков», тем качественнее звучание. На самом же деле – это окраска соответствующего резонатора. Верхние звуки больше резонируют в головных резонаторах, по мере спуска вниз усиливается грудная резонанция.

Полости глотки и рта сами являются резонаторами и выступают как бы связующим звеном между верхним и нижним резонаторами. Педагог, работая с певцом, всегда должен помнить, что основная задача, стоящая перед ним, – сохранение на всем диапазоне голоса действия головных резонаторов.

Для того, чтобы добиваться высокой позиции звука, нужно придерживаться следующих рекомендаций:

1. Дыхание не должно быть перегруженным, петь надо на умеренном запасе воздуха. Оно должно быть глубоким и эластичным. Возможны такие рекомендации: «Наберите дыхание под нижние ребра, ощущая весь “вокальный пояс”, постарайтесь пропеть на этой глубине. Не забывайте следить, чтобы подача звука была направлена к передним верхним зубам, а не уходила бы вглубь ротовой полости к затылку». Направление к зубам и ощущение серебристого звучания на них быстрее приведут к попаданию в верхний головной резонатор, учащийся сразу ощущает «звонки в голосе», что дает быстрое запоминание этого удобного и звучащего места.

2. Положение достаточно широко раскрытых полости рта и глотки. Внутри рта необходимо добиваться большей свободы и объёма, как бы держать лёгкий зев, а петь сверху над зевком. Одновременно следить за нижней челюстью: она должна быть расслабленной вместе с нижней частью гортани. Степень раскрытия рта абсолютно индивидуальна, устанавливается педагогом и ощущением певца во время занятий.

3. Третье условие для выработки высокой позиции – это округлённый или прикрытый звук на всем диапазоне и у мужских, и у женских голосов. Разница только в степени прикрытия и в различной дозировке использования резонаторов.

4. Четвёртое условие – это характер атаки, которая должна быть мягкой, что даёт возможность легче управлять голосовым аппаратом.

5. Пятое условие – место формирования гласных, так как именно они являются носителями вокала, могут гибко менять окраску и объём: близко (ярко), далеко (глухо), низко (тяжело), высоко (приподнято, легко), собранно, расплывчато и т. д. Это можно наблюдать не только в пении, но и в речи: один говорит

близко, ярко, другой как бы внутри себя – глухо, гнусаво [7].

Высокую позицию можно отличить от низкой. При низкой позиции гласного звука «А» в нём слышится призыв «Е» или «Ы», пение как бы «посажено» на нижнюю челюсть, головные резонаторы не включены, что ведёт к неточности интонации. Между тем пение требует совершенно других условий и иного формирования звуков в гортани, чем в речи [8]. Обязательным является высокое положение нёбной занавески так, чтобы она полностью перекрывала вход в полость носа [3, с. 242-243]. Это предохранит от гнусавого оттенка и будет способствовать созданию у певца ощущения высокой позиции звука.

На любом упражнении, которое начинается снизу, гласный звук округляется, т. е. начинается в прикрытой позиции и по мере поднятия мелодии вверх представляется поющему, как идущему по лестнице, всё выше в голову, причем усиливается резонанция головных резона-

торов. На упражнениях сверху вниз гласный звук «прикрывается высоко в голове», и, спускаясь вниз, необходимо следить за сохранностью высокой установки.

На выработку высокой позиции звука также очень влияет тонус певца, его желание и целеустремленность [9, с. 64].

Выводы

В заключение хочется ещё раз обратить внимание на то, что именно дыхание является основой всего певческого процесса, от него зависит не только совершенствование вокально-технических навыков, но и рост исполнительского мастерства будущих певцов [10]. Обучение вокалу является процессом сугубо индивидуальным, поэтому молодые педагоги должны находиться в тесном контакте с учениками, контролируя их первые шаги в освоении вокальной техники: в организации дыхания, выработке высокой певческой позиции, снятии мышечных зажимов гортани.

Список литературы

1. Белоусенко М. И., Стародубцева И. Ф. Обобщение концепций вокального исполнительства в системе музыкального искусства // Современное педагогическое образование. 2022. № 1. С. 67-70.
2. Аплечеева М. В. История вокального искусства. СПб.: Изд-во «Лань»; Изд-во «ПЛАНЕТА МУЗЫКИ», 2020. 168 с.
3. Гарсия М. Полный трактат об искусстве пения. 1-е изд. СПб.: Изд-во «ПЛАНЕТА МУЗЫКИ», 2015. 416 с.
4. Багадуров В. А. Очерки по истории вокальной методологии. Ч. I. 2-е изд., испр. СПб.: Изд-во «Лань»; Изд-во «ПЛАНЕТА МУЗЫКИ», 2018. 468 с.
5. Рудякова А. Э. Вокальная школа профессора кафедры академического пения Саратовской консерватории имени Л. В. Собинова Александра Ивановича Быстрова // Образовательный вестник «Сознание». 2021. №10. С. 16-23.
6. Ниссен-Саломан Г. Школа пения / науч. ред. Е. П. Пономаренко. СПб.: Изд-во «Лань»; Изд-во «ПЛАНЕТА МУЗЫКИ», 2015. 440 с.
7. Стулова Г. П. Взаимосвязь речевой и певческой функции учащихся в процессе их вокального воспитания // Наука и школа. 2021. № 1. С. 190-198.
8. Покровский А. В. Практическая работа по постановке голоса. Ч. III. Работа над голосом // Евразийский Союз Ученых. 2020. №7-6 (76). С. 11-13.

9. Юань С. Необходимые вокальные навыки певца в подготовке к сценическому выступлению // *Sciences of Europe*. 2022. № 97. С. 62-65.

10. Технологические аспекты исполнительского искусства в вокальной педагогике / авт.-сост.: М. И. Белоусенко, И. Ф. Стародубцева. Белгород: БГИИК, 2021. 134 с.

References

1. Belousenko M. I., Starodubtseva I. F. Obobshchenie kontseptsii vokal'nogo ispolnitel'stva v sisteme muzykal'nogo iskusstva [Generalization of the concepts of vocal performance in the system of musical art]. *Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie = Modern Pedagogical Education*, 2022, no. 1, pp. 67-70.

2. Aplecheeva M. V. Istoriya vokal'nogo iskusstva [History of vocal art]. St. Petersburg, Izd-Lan' Publ.; PLANETA MUZYKI Publ., 2020. 168 p.

3. Garsiya M. *Polnyi traktat ob iskusstve peniya* [A complete treatise on the art of singing]. St. Petersburg, PLANETA MUZYKI Publ., 2015. 416 p.

4. Bagadurov V. A. Ocherki po istorii vokal'noi metodologii [Essays on the history of vocal methodology]. St. Petersburg, Lan' Publ.; PLANETA MUZYKI Publ., 2018. 468 p.

5. Rudyakova A. E. Vokal'naya shkola professora kafedry akademicheskogo peniya Saratovskoi konservatorii imeni L. V. Sobinova Aleksandra Ivanovicha Bystrova [Vocal school of Professor of the Academic singing Department of the Saratov Conservatory named after L. V. Sobinov Alexander Ivanovich Bystrov]. *Obrazovatel'nyi vestnik "Soznanie" = Educational Bulletin "Consciousness"*, 2021, no. 10, pp. 16-23.

6. Nissen-Saloman G. Shkola peniya [Singing School]; ed. by. E. P. Ponomarenko. St. Petersburg, Lan' Publ.; PLANETA MUZYKI Publ., 2015. 440 p.

7. Stulova G. P. Vzaimosvyaz' rechevoi i pevcheskoi funktsii uchashchikhsya v protsesse ikh vokal'nogo vospitaniya [The relationship between the speech and singing functions of students in the process of their vocal education]. *Nauka i shkola = Science and School*, 2021, no. 1, pp. 190-198.

8. Pokrovskii A. V. Prakticheskaya rabota po postanovke golosa. Ch. III. *Rabota nad golosom* [Practical work on voice production. Pt. III. Work on the voice]. *Evrasiiskii Soyuz Uchenykh = Eurasian Union of Scientists*, 2020, no. 7-6 (76), pp. 11-13.

9. Yuan' S. Neobkhodimye vokal'nye navyki pevtsa v podgotovke k stsenicheskomu vystupleniyu [The necessary vocal skills of a singer in preparation for a stage performance]. *Sciences of Europe*, 2022, no. 97, pp. 62-65.

10. *Tekhnologicheskie aspekty ispolnitel'skogo iskusstva v vokal'noi pedagogike* [Technological aspects of performing arts in vocal pedagogy]; ed. by. M. I. Belousenko, I. F. Starodubtseva. Belgorod, BGIK Publ., 2021. 134 p.

Информация об авторах / Information about the Authors

Шенгелия Светлана Владимировна, доцент кафедры вокального искусства, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: svetlana.shengelia@yandex.ru

Svetlana V. Shengelia, Associate Professor of the Department of Vocal Art, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: svetlana.shengelia@yandex.ru

Моисеева Валерия Александровна, студентка факультета лингвистики и межкультурной коммуникации, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: moiseeva-lera2016.moiseeva@yandex.ru

Valeria A. Moiseeva, Student of the Faculty of Linguistics and Intercultural Communication, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: moiseeva-lera2016.moiseeva@yandex.ru

Оригинальная статья / Original article

УДК 303.621.34:331.4

<https://doi.org/10.21869/2223-151X-2023-13-1-156-173>

Исследование факторов, формирующих установку работников строительства на небезопасное поведение в трудовой деятельности

В. И. Томаков¹ ✉, И. А. Томакова¹

¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, 94, Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: : tomakov52@mail.ru

Резюме

Актуальность. Высокий травматизм работников строительной отрасли остается постоянной проблемой на протяжении многих лет. Наиболее распространенной непосредственной причиной травмирования работников является их собственное небезопасное поведение при выполнении работ. Выявление факторов, формирующих установку работников на небезопасное поведение, является началом эффективной реализации программ безопасности в строительных проектах и принятия мер по предупреждению травматических ситуаций.

Цель – изучить производственные факторы, формирующие установку строительных рабочих на небезопасное поведение в трудовой деятельности.

Задачи: выявить личное отношение и восприятие производственных опасностей работниками организаций строительной отрасли; исследовать уровни выраженности трех основных компонентов predisposedness личности к небезопасной деятельности – когнитивного, аффективного и поведенческого, формирующих установку личности на небезопасное поведение.

Методология. Исследование выполнено методом анонимного анкетирования. Вопросы сосредоточены на выявлении особенностей отношения работников к опасностям и их поведения, которые могут непосредственно влиять на безопасность труда и обуславливать травматизм.

Результаты. Получен качественный материал для выявления и систематизации факторов, которые формируют установку на небезопасное поведение работников в производственной обстановке.

Выводы. Полученные результаты объективно свидетельствуют о том, что представления об опасности трудового процесса и производственной среды не соответствуют действительности и являются факторами, формирующими установку на небезопасное поведение работников. Сформированная установка не позволяет субъекту принимать адекватные решения и контролировать свою деятельность. Специалист по охране труда может использовать полученные данные для выявления причин опасного поведения и мер их профилактики. В системе управления персоналом организации необходимо проводить психологическое тестирование работников, путем тренинга формировать чувство ответственности за соблюдение техники безопасности на рабочем месте.

Ключевые слова: строительство; анонимное анкетирование; производственная среда; травматизм; охрана труда; оценка опасностей; установка на поведение.

Конфликт интересов: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Томаков В. И., Томакова И. А. Исследование факторов, формирующих установку работников строительства на небезопасное поведение в трудовой деятельности // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2023. Т. 13, № 1. С. 156-173. <https://doi.org/10.21869/2223-151X-2023-13-1-156-173>.

Статья поступила в редакцию 31.01.2023 Статья подписана в печать 14.03.2023

Статья опубликована 15.04.2023

Investigation of the factors forming the attitude of construction workers to unsafe behavior in work

Vladimir I. Tomakov¹ ✉, Irina A. Tomakova¹

¹Southwest State University
50 let Oktyabrya 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: tomakov52@mail.ru

Abstract

Relevance. The high injury rate of construction industry workers has been a constant problem for many years. The most common direct cause of injury to workers is their own unsafe behavior when performing work. Identification of personal factors that form the attitude of a person to unsafe behavior is the beginning of effective implementation of safety programs in construction projects and taking measures to prevent traumatic situations.

The purpose of the study: to study the installation on unsafe behavior of construction workers.

Private tasks: to study the personal attitude and perception of occupational hazards of employees of organizations in the construction industry; to investigate the levels of severity of the three main components of a person's predisposition to unsafe activities: cognitive, affective and behavioral.

Methodology. The study was carried out by anonymous questionnaire using specially designed questionnaires. The questions focus on identifying the characteristics of the attitude to hazards and the behavior of employees that can directly affect occupational safety and cause injuries.

Results. According to the responses of employees, high-quality material was obtained to identify and systematize the factors that determine their unsafe behavior in the industrial environment.

Conclusion. The results obtained objectively indicate that the ideas about the danger of the production environment do not correspond to reality and are factors of unsafe behavior of workers. The formed attitude does not allow the subject to make adequate decisions and control his activities. In the personnel management system of the organization, it is necessary to develop training programs in the aspect of occupational safety, the implementation of which in the training process will contribute to the formation of an attitude to the safe behavior of employees and the reduction of dangerous incidents ending in injuries.

Keywords: construction; anonymous survey; injuries; occupational safety; industrial environment; hazard assessment; attitude to behavior.

Conflict of interest: The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Tomakov V. I., Tomakova I. A. Investigation of the factors forming the attitude of construction workers to unsafe behavior in work. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*. 2023, 13(1): 156–173 (In Russ.). <https://doi.org/10.21869/2223-151X-2023-13-1-156-173>.

Received 31.01.2023

Accepted 14.03.2023

Published 15.04.2023

Введение

Актуальность проблемы. Охрана труда является важной обязанностью работодателя по обеспечению государственных нормативных требований охраны труда и одним из важнейших приоритетов деятельности любых организаций всех форм собственности. Однако на предприятиях различных сфер экономики

Курской области производственный травматизм продолжает оставаться одной из актуальных социально-экономических проблем, поскольку имеют место несчастные случаи со смертельным исходом [1, 2]. При многоотраслевом укладе экономики региона наиболее высокий уровень производственного травматизма

со смертельным исходом регистрируется в строительстве [3, 4].

В качестве стандартного показателя статистического учета и анализа уровня производственного травматизма используется коэффициент частоты производственного травматизма Кч, подсчитываемый отношением общего числа несчастных случаев за рассматриваемый период (год) к среднесписочной численности ра-

ботников за этот период в расчете на 1000 работающих.

Численность пострадавших при несчастных случаях на производстве (в т.ч. со смертельным исходом) в расчете на 1000 работающих в целом в экономике Курской области и в строительстве за многолетний период представлена диаграммами на рис. 1.

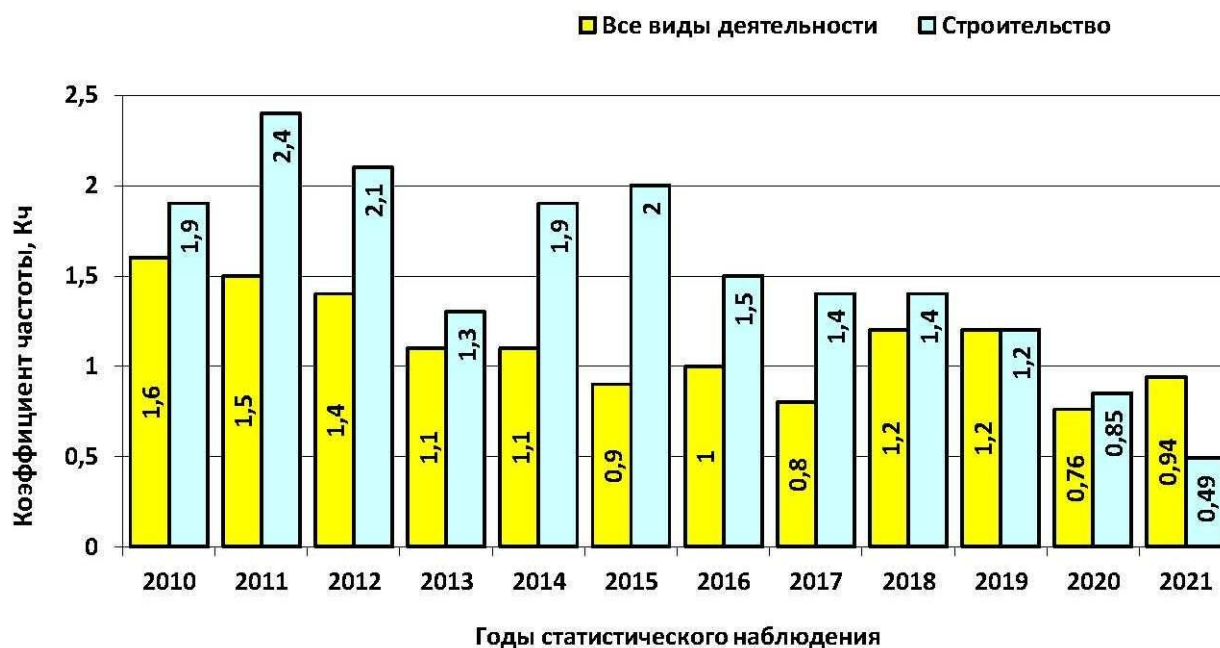

Рис. 1. Коэффициент частоты производственного травматизма (в т.ч. со смертельным исходом) на 1000 работников по всем видам экономической деятельности и в строительстве

Fig. 1. The coefficient of the frequency of occupational injuries (including fatal ones) per 1000 employees in all types of economic activity and in construction

Данные свидетельствуют, в частности, что регистрируемый уровень производственного травматизма со смертельным исходом в строительстве выше среднего показателя в экономике Курской области в 3,5 раза. Так, средний показатель Кч за наблюдаемый период в строительной отрасли составил 0,233, тогда как в целом по экономике региона - 0,066. Этот факт указывает на необходимость исследования «человеческого фактора» с целью поиска причин установки на небезопасное поведение работника.

Строительная отрасль имеет ряд особенностей, отличающих её от других отраслей специфическими условиями труда, которые в значительной мере влияют на условия и безопасность труда работников. К основным отличиям следует отнести:

- осуществление строительных работ в несколько стадий, отличающихся между собой сроками выполнения и содержанием;

- разнообразие технологических процессов, используемой техники и выполняемых видов строительных работ;
- зависимость значительной части работ от погодных условий;
- значительная продолжительность сроков строительства (как правило, свыше 1 года);
- наличие большого количества опасных и вредных производственных факторов, объективно обусловленных технологическими процессами;
- выполнение работ может осуществляться одновременно несколькими подрядными организациями.

Необходимо также отметить высокий уровень движения рабочей силы, который в 2020 г. в строительных организациях Курской области составил 77,4 %, в 2021 – 86,4 %[4].

Отмеченные особенности определяют высокий уровень производственного травматизма в строительстве в сравнении с другими отраслями экономики.

Сложность выполнения требований охраны труда непосредственно на строительных объектах обусловлена тем, что рабочее место непостоянное, и от того, как организован труд и как сам работник относится к выполнению требований техники безопасности, будет зависеть его безопасность и безопасность тех людей, которые работают рядом. Следовательно, сохранение жизни и здоровья занятых на нем работников будет определяться, по крайней мере, двумя факторами:

- тем, как полно работодатели выполняют свои обязанности в области охраны труда и принимают меры по организации безопасных рабочих мест и предотвращению аварийных ситуаций;
- стремлением и личной ответственностью каждого работника выполнять требования безопасности.

Выполнение требований охраны труда участниками строительного про-

цесса – одно из важнейших условий организации безопасного труда, определяемых политикой управления в области охраны труда организации.

Политика направлена на выполнение вполне конкретных требований законодательства в области охраны труда как руководителем, так и работником, закрепляет эффективные организационные и управленческие методы непосредственно на производственных участках и рабочих местах [5, 6].

Чтобы реализовать мероприятия, направленные на достижение безопасного труда, необходимо иметь объективную информацию о причинах, которые потенциально могут привести к несчастному случаю.

Подавляющее большинство причин производственного травматизма на предприятиях региона случается по вине руководителей и самих работников – они не в полной мере выполняют возложенные на них функции и обязанности [1, 2].

В ходе расследования несчастных случаев, произошедших на объектах строительства, установлено, что до 75% случаев производственных травм происходит по вине руководителей и вследствие неправильных действий самих работников, т.е. основное место принадлежит «человеческому фактору» [1, 2]. Так, в 2021 г. в стране пострадали на производстве 4631 чел., из них – 1682 чел. по вине работодателей и самих работников. В этот же год в Курской области на производстве пострадали 155 чел., из них – 73 чел. по вине работодателей и самих работников (стоит отметить, что лишь 1 пострадавший работник находился в алкогольном опьянении) [3].

Как правило, процедура расследования несчастного случая позволяет провести анализ причин травматизма. Эта процедура заканчивается однозначным выводом – формулировкой причины, как

этого требует положение о расследовании несчастного случая на производстве. Однако несчастный случай – это не случайность. Каждый случай – внутренне скрытая закономерность поведения человека. Все данные, приведенные в актах о расследовании причин несчастного случая, констатируют лишь ту конкретную конечную причину, из-за которой произошло событие.

Исходные первопричины появления конечного события не отражаются. В целях установления истинных предпосылок причин производственного травматизма и повышения эффективности работы по обеспечению безопасности труда на предприятиях необходимо устанавливать не только причинно-следственные связи между зарегистрированной причиной несчастного случая и факторами рабочей обстановки, условиями труда, но также и причинами, сформировавшими поведение работника.

Теоретические предпосылки исследования и разработанность проблемы. Социальные психологи давно признали и объяснили, что существует взаимосвязь между установками и поведением субъекта, т.е. имеется связь факторов обуславливающих его поведение. Однако человек нарушает свои установки потому, что и они, и его поведение всегда подвержены другим влияниям [7].

Профессиональная деятельность человека определяется внешними факторами: содержанием и трудностью задач, производственной средой и рабочим окружением. Психика человека позволяет активно отражать объективную реальность и осуществлять регуляцию поведения в производственной среде при выполнении профессиональной деятельности. Как ответная реакция на производственные ситуации формируются психические состояния. Каждое психическое состояние представляет собой функцио-

нальную систему и включает в себя психофизиологические, эмоциональные и др. её части, трактуется как сложное «полиструктурное и полифункциональное» явление, в котором выделяются компоненты: регулятивные и эмоционально-волевые, когнитивные, эмоциональные, поведенческие и др. [8].

В социальной психологии и социологии эти компоненты определяют установку (аттитюд). Установка – одно из центральных понятий и обобщенная характеристика личности мыслить и целенаправленно действовать определенным образом в отношении какого-либо объекта или ситуации, часто сопровождаемая мнениями и чувством. Установка в деятельности субъекта обуславливает устойчивый и целенаправленный процесс, исполняет роль стабилизации, позволяющий сохранить направленность деятельности в непрерывно меняющихся ситуациях. Из этого следует, что сформировавшаяся ранее установка на невыполнение правил техники безопасности и опасные действия на рабочих местах, затем будет распространяться и на другие похожие объекты деятельности. В определенных условиях риск опасности реализуется в виде несчастного случая.

В исследовании [9] показано, что личностная установка работника к безопасности основывается на трех основных компонента – когнитивном, аффективном и поведенческом. Когнитивный компонент установки основан на знаниях и опыте человека и отражает его убеждения, представления, мнения относительно объекта или ситуации. Может включать в себя оценки людей, проблем, объектов или событий. Это относится к той части отношения, которая отражает намерение человека в краткосрочной или долгосрочной перспективе. Такие оценки часто бывают положительными или отрица-

тельными, но иногда они также могут быть неопределенными.

В вопросах производственной безопасности когнитивный компонент включает в себя оценку того или иного воздействующего фактора, как опасного – угрожающего здоровью и жизни, так не угрожающего безопасности работника. Под отношением к опасностям на рабочем месте понимается способность человека обнаруживать угрозы (сензитивность к опасностям) и останавливать свой выбор на адекватных или неадекватных способах реагирования в ситуациях опасности [10, 11]. По сочетанию выраженности уровня сензитивности к опасностям и преимущественного выбора того или иного способа реагирования формируется и определенное отношение к ним – вплоть до того, что работник может существенно умалить её и даже полностью игнорировать. Поэтому последующие действия работника и его поведение может оказаться травмоопасными. Аффективный компонент отражает переживание, эмоции и чувства человека (позитивные или негативные), определяет поведение человека в области чувств и эмоций и то, как он может относиться к определенному объекту или ситуации (эмоциональная реакция).

Под поведенческим компонентом рассматриваются определенные действия, стремления, замыслы, ожидания, которые может проявить человек к объекту. Социальные психологи давно признали, что существует взаимосвязь между установками и совершаемым действием. Установка априори закладывает то, какие действия предпримет работник в ситуациях с опасностью – избежать её или продолжить свою деятельность.

Так, в контексте производственной безопасности Программа управления безопасным поведением людей – BBS рассматривает действия работника как ос-

новную причину несчастных случаев и аварий. Выводы базируются на многочисленных исследованиях, которые показали, что от 85 до 95 инцидентов из 100 происходят из-за несоблюдения сотрудниками требований безопасности [12]. BBS является предметом применения науки о поведении в области безопасности. Она работает за рубежом более 20 лет и оказывает большое влияние на предотвращение несчастных случаев.

Авторами работы [13] на основании эмпирических исследований в рамках программы BBS выявлено, что представления и чувства работников о безопасности в организации (аффективный компонент) активизируют и запускают в действие поведенческие факторы.

В работе [7] продемонстрировано, что установка у работников строительной отрасли к безопасности в основном представлена когнитивным и поведенческим компонентами. Вследствие этого, чтобы эффективно влиять на поведение строительных рабочих в области безопасности, необходимо в комплексе исследовать три влияющих компонента аттитюда.

Материалы и методы

В современной практике управления персоналом организаций, в практике принятия решений в части организации производства, изменения процессов труда и др. широко используется метод анкетирования, относящийся к традиционным методам [14].

Для разработки превентивных мер, необходимых для улучшения условий труда, профилактики несчастных случаев на производстве также стал применяться этот метод [15, 16, 17, 18, 19] и др. Его основными принципами стали выявление и последующий учет всех аспектов производственной среды, человеческого фактора и превентивность, т. е. направленность на профилактику несчастного слу-

чая. Анонимное анкетирование по вопросам условий труда и охраны труда – распространенный способ получения обратной связи от сотрудников организаций [7, 18, 20, 21]. Анонимный опрос дает персоналу возможность высказать свою точку зрения, а руководитель может оперативно получить не приукрашенную информацию о положении дел в части соблюдения правил безопасности работниками и организации охраны труда на предприятии. Заполняя анкету, работники получают возможность высказать критику честно, не опасаясь быть уволенными [22].

Решения, принятые по результатам такого рода исследования, позволяют перенести акцент с реактивных принципов управления, немедленной реакции на произошедшее событие, на проактивное управление, носящее опережающий характер и разработку мероприятий, предупреждающих возникновение предпосылок несчастного случая в процессе труда, т.е. профилактических мероприятий. По этой причине эксперты рекомендуют периодически проводить такого рода анкетирование, чтобы иметь возможность принимать правильные стратегические решения в системе управления персоналом организации в аспекте безопасного труда. В контексте безопасности труда методом анонимного анкетирования исследуется установка (аттитюд), характеризующая predisposedность (склонность) работника к определенному поведению на рабочем месте и совершению действий в условиях опасных производственных факторов. Подготовка к опросу предусматривала разработку вопросов и анкетного бланка, удобного для ответов и статистической обработки результатов. При разработке анкет принимались во внимание рекомендации, изложенные в [23, 24, 25, 26] и др. Анкетирование проводилось с условием полной анонимности. Для анализа было передано 577 ан-

кет, получено - 501. Опрашивались работники строительной отрасли, опрашиваемая категория - «рабочий». Опыт работ по строительной профессии опрашиваемых работников составил: более 10 лет – 246; от 3 до 10 лет – 124; От 3 до 5 лет – 61; от 1 года до 3 лет – 47; без опыта – 23. Таким образом, количество работников, имеющих опыт работ по строительной профессии выше 3 лет, составил 431 чел. или 86 %. Именно эта категория работников, имеющая достаточный профессиональный опыт, наиболее объективно может оценить производственную ситуацию и дать объективные ответы на заданные вопросы. Труд в строительстве является преимущественно мужским, что обусловлено спецификой условий труда и выполняемых работ. По данным Росстата, на долю женщин приходится около 19% от общего числа занятых в строительстве граждан. В данном исследовании доля мужчин, ответивших на вопросы при анкетировании, составила 97%.

Анкета состояла из вопросов, основанных на существующих эмпирических и теоретических связях с отношениями к безопасности – аффективные, когнитивные и поведенческие компоненты (опыт, обучение технике безопасности, нормативные убеждения и субъективные нормы, воспринимаемый поведенческий контроль, поведенческие намерения и др.). В данном исследовании инструмент анкетирования измеряет аффективные (восемь вопросов), когнитивные (восемь вопросов) и поведенческие (восемь вопросов) компоненты установки работников строительной отрасли на безопасное выполнение работ.

Результаты и обсуждение

Результаты представлены в табл. 1 и табл. 2, которые иллюстрируют результаты оценки аффективного и познаватель-

ного компонентов установки, полученные в результате анкетирования.

Таблица 1. Выраженность аффективного компонента установки на безопасное выполнение работ

Table 1. The severity of the affective component of the attitude to the safe performance of work

Вопрос	Доля ответов, %		
	А	Б	С
1. Считаете ли вы, что при организации работ на новом объекте обучение технике безопасности на рабочих местах необходимо?	62,8	26,13	11,07
2. Будете ли Вы чувствовать себя в большей безопасности, работая с тем работником, который прошел курс обучения технике безопасности?	58,65	28,05	13,3
3. Согласны ли Вы с тем, что прохождение курса обучения технике безопасности сделает Вас компетентным в вопросах безопасности труда на рабочем месте?	58,3	20,6	21,1
4. Вы считаете риск неизбежным и обычным явлением на рабочем месте?	64,8	25,1	10,1
5. Вы испытываете чрезмерные физические нагрузки при выполнении работ?	35,2	48,3	16,5
6. Вы испытываете психологическое напряжение, тревогу или страх при выполнении опасных работ?	57,4	33,7	8,9
7. Вы чувствуете себя безопасно на рабочем месте при выполнении работ на высоте?	35,1	50,8	14,1
8. Достаточно ли у Вас информации о правилах и обязанностях соблюдения безопасности труда на Вашем рабочем месте, участке, территории?	35,8	45,3	18,9

Ответы: А – Да; Б – Нет; С – Затрудняюсь ответить.

Анализ выраженности аффективного компонента установки. Проведенный опрос выявил, что 64,8 % всех строительных работников обычно принимают риск как нормальную часть своей работы, считая их неизбежными. Поэтому 50,8 % работников чувствуют себя небезопасно на рабочем месте при выполнении работ на высоте, при этом 57,4 % - испытывают психологическое напряжение, тревогу или страх при выполнении опасных работ, а чрезмерные физические нагрузки при выполнении работ не являются основным – так ответили 48,3 % опрошенных строителей. Следует заметить, что работник будет чувствовать себя в большей безопасности, действуя с теми коллегами, которые прошли обучение – так считают 58,65 % респондентов. Воспри-

нимая производственную обстановку, 45,3 % работников считают, что на самом объекте строительства информации о правилах и обязанностях соблюдения безопасности труда недостаточно (вопрос 8). В этой связи обучение безопасности необходимо (следует из ответов на вопрос 1 и вопрос 3): при организации рабочих мест на новом объекте - 62,8 %; прохождение курса обучения технике безопасности сделает меня компетентным в вопросах безопасности труда – 58,3 %. Таким образом, работники осознают важность освоения обучающих программ по охране труда и технике безопасности. Это существенный момент аффективного компонента установки, так как он обращает внимание на необходимость и возможность формирования от-

ветственного отношения к безопасности труда в строительстве посредством психологического тренинга.

Таблица 2. Выраженность познавательного компонента установки на безопасное выполнение работ

Table 2. The severity of the cognitive component of the attitude to the safe performance of work

Вопрос	Доля ответов, %		
	А	Б	С
1. Вы изучаете в своей организации инструкции по охране труда и технике безопасности по профессиям и видам работ, включая работы на высоте?	82,3	16,4	1,3
2. Считаете ли Вы, что инструкции по охране труда и технике безопасности сложны и трудны для понимания?	20,1	67,9	12,0
3. Вы знаете, как Вам следует действовать в случае возникновения опасной ситуации на рабочем месте, участке, территории?	57,2	31,3	11,5
4. Знаете ли Вы, что Вам следует делать, если ваш коллега работает небезопасно?	48,6	23,2	28,2
5. Вас знакомят с технологической картой или другой технической документацией на выполняемую работу?	67,9	13,2	18,9
6. Проводятся ли на предприятии требуемые виды инструктажей по охране труда?	78,3	7,6	14,1
7. Предъявляются ли в организации при приеме на работу требования к квалификации работника, подтверждаемой документом о профессиональном образовании?	57,5	35,3	7,2
8. Вы знаете о возможных рисках для собственного здоровья и жизни при выполнении конкретных видов работ?	63,3	13,5	23,2

Ответы: А – Да; Б – Нет; С – Затрудняюсь ответить.

Выраженность познавательного компонента установки демонстрирует, что в организациях строительства проводится своевременное обучение работников безопасным приемам и методам выполнения работ (на вопрос 1 утвердительно ответили 82,3 % респондентов) в соответствии с порядком, установленным действующим законодательством. В организациях строительства в основном проводятся требуемые виды инструктажей по охране труда (на вопрос 6 положительно ответили 78,3 % респондентов), а инструкции по охране труда и технике безопасности не сложны для понимания (на вопрос 2, таким образом, ответили 67,9 % работников). Также работников знакомят с локальной документацией на выполняемые виды работ (на вопрос 5 утвердительно ответили 67,9% респондентов). В 57,5 % анкет на вопрос 7 ре-

спонденты утвердительно ответили, что при приеме на работу в организациях строительства от работника требуют подтвердить свою профессиональную квалификацию документом о профессиональном образовании. Следовательно, в своей массе работники знают (ответы на вопросы 3 и 4), как действовать в случае возникновения опасной ситуации и иных форсмажорных обстоятельствах на объекте строительства. Важно заметить, что сформировавшаяся *познавательная компонента* установки позволяет субъекту контролировать свою профессиональную деятельность и принимать адекватные решения в части обеспечения безопасности труда на рабочем месте.

Выраженность поведенческого компонента установки работников строительной отрасли на безопасное выполнение работ оценивалась по большему ко-

личеству ответов в вопросах анкеты. Также в анкетах допускалось высказывание респондентами уточняющих пояснений.

Вопрос 1. Вы обращаете внимание на участках производства работ на наглядную информацию по вопросам охраны труда (стенды, плакаты, таблички, надписи, знаки, разметку)? Ответили: утвердительно - 23,3 % опрошенных; нет – 48,5 %; обращают внимание - 18,2 % работников только лишь при смене рабочего места или участка производства работ; затруднились с ответом – 10 %. Можно заключить, что работники не считают нужным для себя обращать внимание на предписания по безопасности работ. Имеет место привыкание к обстановке, в которой работник находится длительное время, проявляется самоуверенность в своих знаниях и умениях избежать опасности.

Вопрос 2. Имели место с Вашей стороны нарушения в содержании рабочих мест на производственном участке строящегося объекта? Ответили: никогда не нарушали - 11,2 %; затруднились с ответом – 25,2 %; утвердительно ответили - 26,3 % опрошенных; иногда по причине недостатка времени – 37,3 %. Факт нарушения свидетельствует о том, что 63,6 % работников не рассматривают рабочее место как часть производственного участка, в пределах которого следует соблюдать правила техники безопасности. Известно, что по причине неудовлетворительного содержания и организации рабочих мест на предприятиях и в организациях Курской области происходит в среднем более 5 % травм со смертельным исходом [1].

Вопрос 3. Вам приходилось выполнять работы не по специальности (профессии). Ответили: утвердительно - 20,9 % респондентов; нет – 18,1 %; иногда (46,7 %) по причинам, обусловленными неритмичностью работ или особенностями технологии, нарушением графика

строительства, недостаточным обеспечением техникой и механизмами, дополнительной оплатой труда, нехваткой персонала, погодными условиями и пр. Затруднились с ответом – 14,3 %. Следует заметить, что по причине использования работников не по специальности на предприятиях и в организациях Курской области происходит в среднем 1,2 % травм со смертельным исходом [1].

Вопрос 4. Если бы Вы увидели, что кто-то ведет себя небезопасно, Вы будете уведомлять своего руководителя или сотрудника службы охраны труда об этом факте? Ответили: однозначно утвердительно «да» лишь 12,5 % респондентов; 21,1 % опрошенных работников ответили «нет»; затруднились с ответом – 13,1 %. Следует отметить, что 53,3% респондентов утвердительно ответили, что уведомят, но лишь при условии, если это будет угрожать их собственной безопасности. Такое поведение работника является своеобразным уходом от конфликта с членами бригадами, либо оно может быть вызвано личностными конфликтами, либо проявляется несогласие с правилами и порядками. Таким работникам свойственно уходить разбирательства, от ответственности, переиначивать ситуацию - виноват кто-то другой. Находится оправдание своему поведению - разбирательство повлечет за собой простой в работе и, соответственно, потерю заработка.

Вопрос 5. Нарушили бы Вы правила техники безопасности, чтобы уложиться в строгие сроки строительства? Ответили: нет, ни при каких условиях - 20,58 % респондентов; затруднились с ответом – 15,25 %; однозначно «да, нарушали бы» - 27%; в случае, если от этого будет зависеть срок сдачи работ и оплата труда утвердительно ответили 37,17 %. Таким образом, 64,17% работников склонны к нарушению правил техники безопасности. Имеющиеся статистические данные о расследовании причин несчастных случаев свидетельствуют, что до 75%

несчастных случаев происходит из-за нарушения работником правил техники безопасности.

Вопрос 6. Если Вы получите незначительную травму во время работы, не угрожающую здоровью, считаете ли вы необходимым сообщить об этом происшествии руководителю? Однозначно «да» ответили – 6,49 %; однозначно «нет» – 19,45 %; уведомят руководителя 53,24 % работников, но лишь в случае, если микротравма повлечет прекращение выполнения работы; затруднились с ответом – 20,82 %. Работники в своих суждениях, по всей видимости, исходят из того, что регистрировать микротравму и проводить по ней расследование работодатель обязан, но только если пострадавший сотрудник сообщил об этом ему или своему руководителю. Если это произойдет – потянется цепь действий по расследованию несчастного случая, определенных нормативно-правовыми актами [27]. Работодателю и работнику окажется экономически невыгодным запускать процесс расследования.

Вопрос 7. Вам приходилось применять механизмы, оборудование, инструмент, средства подмазывания, не соответствующие технологии выполняемых работ или неисправные? Однозначно «да» ответили – 27,2 %; однозначно «нет» – 49,1%; иногда – 17,6%; затруднились ответить – 20,82%. Причин использования неисправных машин и механизмов не-сколько.

Одна из них – увеличение потребности различного типа строительных машин в сезон наибольшего спроса, в результате чего нарушаются регламенты технического обслуживания. Вторая – обязанность подрядчика выполнить работы в полном объеме и в установленный срок, лишь тогда у заказчика возникнут обязательства по оплате выполненных работ.

Следует отметить в этой связи конструктивные недостатки, недостаточная

надежность оборудования, машин обуславливают в среднем 5,8 %, а эксплуатация неисправных машин, механизмов – 3,2% травм со смертельным исходом на предприятиях и в организациях Курской области [1].

Существенная доля однозначного ответа «нет» указывает на то, что подрядчик старается выполнить требования по безопасной эксплуатации строительных машин, в частности башенных грузоподъемных кранов, которые относятся к опасным производственным объектам, а их эксплуатация подконтрольна Ростехнадзору, что служит сильным мотивационным фактором для лица, эксплуатирующего этот вид оборудования.

Вопрос 8. Вы используете средства индивидуальной защиты (СИЗ), спецодежду и специальную обувь? Однозначно «да» ответили – 70,3 %; однозначно «нет» – 5,6 %; иногда – 18,95 %; затруднились ответить – 5,15 %. Из ответов следует, что лишь небольшая доля работников не защищена в достаточной мере от неблагоприятного воздействия производственной среды. Неприменение работником СИЗ и средств коллективной защиты предопределяет на предприятиях и в организациях Курской области в среднем 8,6 % травм со смертельным исходом [1]. Сопоставляя результаты ответов респондентов по трем составляющим установки, следует отметить, что имея сформированные аффективный и познавательный компоненты установки, большая часть работников склонна, как следует из исследований поведенческого компонента установки, не выполнять требования по охране труда. Наблюдается рассогласование аффективной, познавательной и поведенческой частей установки. Очевидно, что в зависимости от обстоятельств диапазон силы связи между утверждениями работников, отражающими установки, и их поведением может колебаться от полного ее отсутствия до сильной связи.

Работники, как следует из исследования, склонны намеренно нарушать технику безопасности на рабочих местах, и этому имеется объяснение в психологии безопасности труда. Известный психолог М.А. Котик, исследуя психологические аспекты возникновения несчастных случаев на производстве, выделил причины сознательного нарушения правил и регламентов безопасности в строительстве [27]. Из них, судя по ответам, респондентам присущи в основном три группы причин.

Первая причина – ситуационные нарушения, обусловленные производственными обстоятельствами – необходимостью выполнения задания вопреки требованиям безопасности. Недостатки в планировании строительных работ, недостаточная предварительная подготовка объектов строительства зачастую приводит к спешке и необходимости «на лету» решать неожиданно возникающие проблемы. Ситуационные нарушения вызваны неудовлетворительной организацией труда и относятся к области организации и управления производством. По-сути, эта причина – результат действий со стороны управленцев, поставивших выполнение задачи, противоречащие безопасности труда.

Вторая причина – привыкание работника к опасности. Привычка вырабатывается исходя из полученного работником жизненного опыта, когда с ним не произошло производственной травмы. Человек неправильно оценивает опасность. Известно, что адекватно он оценивает лишь 14% опасностей, 18% оказываются переоцененными и не менее 68% – недооцененными [28].

В результате возникает устойчивая уверенность, что так будет всегда. Эффективная система пропаганды безопасного труда позволяет реально идентифицировать и оценивать риски безопасности, ранжировать их по степени опасности. Этот вопрос относится к системе

управления охраной труда на предприятии, которая должна рассматривать и предавать огласке причины нарушений процесса производства работ, причины имевших место травмоопасных ситуаций и произошедших несчастных случаев.

Третья причина – привычка работника действовать вопреки правилам безопасности, обусловленная укоренившимися ошибочными убеждениями. Поведенческие привычки, такие как безответственность, недисциплинированность, пассивность и др., в работоспособном возрасте уже сформированы. Изменить их или трудно, или невозможно. Эффективная система профессионального отбора и управление мотивацией относятся к области кадровой политики и управления персоналом организации. Безопасность труда должна обеспечиваться свойствами самой организационной системы, направленной на вовлечение работников в профилактику производственного травматизма и безопасность труда: грамотное управление на уровне непосредственного руководителя; анализ существующих нарушений, прогноз возможных нарушений; формирование потока открытой информации; конструктивное обсуждение проблем организационных проблем совместно с работниками; улучшение регламентов; прямое управление; обучение; стимулирование. Выделим обучение как метод вовлечения работников в профилактику производственного травматизма. Сегодня доступны десятки видов обучения безопасности труда – от тренажеров, инструктажей, видеофильмов до форматов с элементами геймификации. Опыт ряда российских компаний свидетельствует, что уход в обучении от однообразности и монотонных программ обеспечивает формирование компетенций безопасного поведения работников [29].

Выводы

Строительство в Российской Федерации входит в число отраслей, характе-

ризующихся наиболее высоким уровнем травматизма работников. Учитывая специфику строительной отрасли, изменить условия труда персонала в строительстве в сторону улучшения только техническими и технологическими мероприятиями не представляется возможным. Анализ причин производственного травматизма свидетельствует о том, что нередко первопричиной несчастных случаев является человеческий фактор – невыполнение работниками требований охраны труда и техники безопасности. Многое зависит от квалификации, физического и психического состояния работника и от его поведения. Однако недопустимо возлагать ответственность за произошедший несчастный случай на рабочего и его заранее предполагаемую малую компетентность. Текущие задачи организации часто противоречат мероприятиям, обеспечивающим безопасность. Это подтверждает выполненное исследование.

В целом, основываясь на результатах исследования, следует формировать установку на безопасное поведение работников, что может повысить безопасность труда и снизить риск производственных несчастных случаев. Готовность участников принять безопасное поведение должна быть нормой труда. Со стороны администрации центральными элементами безопасности, основанными на поведении, должны быть: выявление небезопасного поведения на работе (аудит); разработка моделей безопасного поведения на работе; вовлечение работников в профилактику производственного травматизма; создание системы поощрения и др., которые формируют мотивацию безопасного

поведения. Для этой цели следует применять науку управления организационным поведением к практике строительства и внедрять психологическое тестирование.

Результаты свидетельствуют о том, что существует необходимость адаптировать информационное обеспечение и обучение технике безопасности для создания более прочной связи аффективного и познавательного компонентов установки с поведением. Информация и тренинг должно быть факторами, влияющими на восприятие профессионального риска, на поведенческие реакции на опасность. Методы активного обучения, направленные на развитие знаний, умений и навыков, а также социальных установок на ценность собственного здоровья и жизни должны стать одним из рабочих инструментов решения проблем безопасности. Новые обучающие технологии, такие как виртуальная реальность, в контексте безопасности строительства, могут быть полезны в этом контексте, поскольку благодаря реальному погружению в рабочую среду и моделированию несчастных случаев на производстве они способны создать более сильную эмоциональную связь с предметом.

Благодарности

Авторы выражают признательность студентам факультета строительства и архитектуры ЮЗГУ заочной формы обучения (направление подготовки «Строительство») за оказанную помощь в сборе материала в строительных организациях Курской области при проведении настоящего исследования.

Список литературы

1. Томаков В. И., Томаков М. В. Анализ показателей производственного травматизма со смертельным исходом в организациях Курской области // Безопасность жизнедеятельности. 2022. № 7 (259). С. 8-20.

2. Томаков В. И. Производственно-хозяйственная деятельность и безопасность труда в строительстве. Анализ и прогноз. Курск, 2006. 180 с.
3. Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/working_conditions (дата обращения: 02.11.2022).
4. Официальные публикации Курскстата. URL: https://kurskstat.gks.ru/publication_collection/document/39278 (дата обращения: 17.11.2022).
5. Основные положения современной политики организации в сфере безопасности труда и сохранения здоровья персонала / И. А. Томакова, М. В. Томаков, Ю. Н. Чаркина, А. В. Брежнев // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Техника и технологии. 2018. Т. 8. № 2 (27). С. 85–98.
6. Организационная культура как управленческий ресурс и инструмент в системе управления охраной труда на предприятии / И. А. Томакова, М. В. Томаков, Ю. Н. Чаркина, А. В. Брежнев // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Техника и технологии. 2017. Т. 7. № 4 (25). С. 90-99.
7. Майерс Д. Социальная психология: [пер. с англ.]. СПб.: Питер, 1997. 688 с.
8. Ловягина А. Е. Психические состояния человека. СПб.: СПбГУ, 2014. 120 с.
9. Loosemore M, Malouf N. Safety training and positive safety attitude formation in the Australian construction industry // Safety Science. 2019. No 113. P. 233-243. 10.1016 / j.ssci.2018.11.029
10. Маралов В. Г., Табунов И. А. Психологическая структура сензитивности к опасностям // Вестник Череповецкого государственного университета. 2013. Т.2. № 2. С. 122-126.
11. Маралов В. Г., Маралова Т. П. Влияние мотивационных факторов на отношение людей к опасностям // Концепт: научно-методический электронный журнал «». 2017. № 1. С. 1-7. URL: <http://e-koncept.ru/2017/170001.htm> (дата обращения: 23.10.2022).
12. Сладкова К. Безопасность, основанная на поведении людей, или что такое BBS? // Справочник специалиста по охране труда. 2014. №5. URL: <https://e.otruda.ru/339184> (дата обращения: 07.11.2022).
13. Chen D, Tian H. Behavior Based Safety for Accidents Prevention and Positive Study in China Construction Project // Procedia Engineering. 2012. No 43. P. 528-534. <https://doi.org/10.1016 / j.proeng.2012.08.092>.
14. Анкетирование как метод получения знаний о внутренней среде компании / И. В. Свиридова, Д. В. Гончаров, А. И. Подпругин, Д. Ю. Щеглов // Экономика и социум. 2021. № 5-2 (84). С. 300-303.
15. Прохоров В. В. Отношение работников и работодателей к безопасности // Формирование гуманитарной среды в вузе: инновационные образовательные технологии. Компетентностный подход. 2021. Т. 1. С. 172-176.
16. Носырева И. Г. Охрана труда и поведение работников в области сохранения и поддержания здоровья (по материалам социологического опроса) // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2010. № 2 (70). С. 99-103.
17. Насонова А. С. Анализ причин возникновения конфликтов в производственной среде // Современные научные исследования и разработки. 2016. № 7 (7). С. 455-459.
18. Производственные и непроизводственные факторы риска развития профессионального стресса у работников нефтехимических производств / З. Ф. Гимаева, В. А. Капцов, Л. К. Каримова, Л. Н. Маврина, Н. А. Бейгул // Пермский медицинский журнал. 2015. Т. 32. № 6. С. 63-70.

19. Брюханов А. М., Герасименко В. Е. Совершенствование организации служб охраны труда на угольных шахтах // Способы и средства создания безопасных и здоровых условий труда в угольных шахтах. 2019. № 3 (46). С. 4-12.
20. Полякова Е. М., Мельцер А. В. Сравнительный анализ состояния здоровья работников, выполняющих трудовые операции на открытой территории в холодный период года, по результатам анкетирования // Профилактическая и клиническая медицина. 2019. № 4 (73). С. 35-44.
21. Фесенко М. А., Зуева Е. В., Федорова Е. В. Результаты изучения состояния здоровья работников по данным анкетирования // Медицина труда и промышленная экология. 2019. Т. 59. № 9. С. 793.
22. Евстигнеев А. Н., Смольянинов Н. Г., Михина Т. В. Оперативная оценка состояния охраны труда на предприятии с помощью анкетирования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экология и безопасность жизнедеятельности. 2011. №1 (11). С. 140-144.
23. Анкетный опрос работников сменно-вахтового труда горно-обогатительной фабрики / В. О. Красовский, М. Р. Яхина, Г. И. Кашафутдинова, А. Р. Галлиулин // Медицина труда и экология человека. 2015. № 3. С. 106-113.
24. Горошко И. В. Технология проведения анкетных опросов // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2020. № 3 (77). С. 72-77.
25. Комаров О. Е. Методика и техника социологических исследований. Павлодар: ПГПИ, 2016. 180 с.
26. Мягков А. Ю. О проблеме анонимности в социологических опросах // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2003. №1 (29). 2003. С. 31-36.
27. Котик М. А. Психология и безопасность. Таллинн: Валгус, 1989. 448 с.
28. Поздняков А. Н. Методы борьбы с рискованным поведением на рабочем месте // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2011. № 6. С. 38-39.
29. Попов Ф. И. О внедрении лучших практик по разработке и реализации комплексных мер по снижению производственного травматизма и созданию безопасных условий труда. URL: https://admtyumen.ru/ogv_ru/society/social_policy/labor_protection/more.htm?id=11430464%40cmsArticle (дата обращения 12.12.2022).

References

1. Tomakov V. I., Tomakov M. V. Analiz pokazatelej proizvodstvennogo travmatizma so smertel'nyim iskhodom v organizacijah Kurskoj oblasti [Analysis of indicators of fatal occupational injuries in organizations of the Kursk region]. *Bezopasnost' zhiznedeyatel'nosti = Life Safety*, 2022, no. 7 (259), pp. 8-20.
2. Tomakov V. I. *Proizvodstvenno-hozyajstvennaya deyatel'nost' i bezopasnost' truda v stroitel'stve. Analiz i prognoz* [Industrial and economic activity and labor safety in construction. Analysis and forecast]. Kursk, KGTU Publ., 2006. 180 p.
3. Federal State Statistics Service. Available at: https://rosstat.gov.ru/working_conditions (accessed 02.11.2022).
4. Official publications of Kurskstat. Available at: https://kurskstat.gks.ru/publication_collection/document/39278 (accessed 17.11.2022).
5. Tomakova I. A., Tomakov M. V., Charkina Yu. N., Brezhnev A. V. Osnovnye polozheniya sovremennoj politiki organizacii v sfere bezopasnosti truda i sohraneniya zdorov'ya

personala [The main provisions of the modern policy of the organization in the field of occupational safety and health of personnel]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Tekhnika i tekhnologii = Proceedings of the Southwestern State University. Series: Engineering and Technology*, 2018, vol. 8, no. 2 (27), pp. 85–98.

6. Tomakova I. A., Tomakov M. V., Charkina Yu. N., Brezhnev A. V. Organizacionnaya kul'tura kak upravlencheskij resurs i instrument v sisteme upravleniya ohranoj truda na predpriyatii [Organizational culture as a management resource and tool in the occupational safety management system at the enterprise]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Tekhnika i tekhnologii = Proceedings of the Southwestern State University. Series: Engineering and Technology*, 2017, vol. 7, no. 4 (25), pp. 90-99.

7. Majers D. *Social'naya psihologiya* [Social psychology]. St. Petersburg, Piter Publ., 1997. 688 p.

8. Lovyagina A. E. *Psihicheskie sostoyaniya cheloveka* [Mental states of a person]. St. Petersburg, SPbGU Publ., 2014. 120 p.

9. Loosemore M, Malouf N. Safety training and positive safety attitude formation in the Australian construction industry. *Safety Science*, 2019, no. 113, pp. 233-243.

10. Maralov V. G., Tabunov I. A. Psihologicheskaya struktura senzitivnosti k opasnostyam [Psychological structure of sensitivity to dangers]. *Vestnik Cherepoveckogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Cherepovets State University*, 2013, vol. 2, no. 2, pp. 122-126.

11. Maralov V. G., Maralova T. P. Vliyanie motivacionnyh faktorov na otnoshenie lyudej k opasnostyam [Influence of motivational factors on people's attitude to dangers]. *Nauchno-metodicheskij elektronnyj zhurnal "Koncept" = Scientific and Methodological Electronic Journal "Concept"*, 2017, no. 1. pp. 1-7. Available at: <http://e-koncept.ru/2017/170001.htm> (accessed 23.10.2022).

12. Sladkova K. Bezopasnost', osnovannaya na povedenii lyudej, ili chto takoe BBS? [Security based on human behavior, or what is BBS?]. *Spravochnik specialista po ohrane truda = Handbook of a labor protection specialist*, 2014, no. 5. Available at: <https://e.otruda.ru/339184> (accessed 07.11.2022).

13. Chen D, Tian H. Behavior Based Safety for Accidents Prevention and Positive Study in China Construction Project. *Procedia Engineering*, 2019, no. 43. pp. 528-534. <https://doi.org/10.1016/j.proeng.2012.08.092>.

14. Sviridova I. V., Goncharov D. V., Podprugin A. I., Shcheglov D. Yu. Anketirovanie kak metod polucheniya znaniy o vnutrennej srede kompanii [Questionnaire as a method of obtaining knowledge about the internal environment of the company]. *Ekonomika i socium = Economics and Society*, 2021, no. 5-2 (84), pp. 300-303.

15. Prohorov V. V. Otnoshenie rabotnikov i rabotodatelej k bezopasnosti [Attitude of employees and employers to safety] *Formirovanie gumanitarnoj sredy v vuze: innovacionnye obrazovatel'nye tekhnologii. Kompetentnostnyj podhod = Formation of the humanitarian environment at the university: innovative educational technologies. Competence approach*, 2021, vol. 1, pp. 172-176.

16. Nosyreva I. G. Ohrana truda i povedenie rabotnikov v oblasti sohraneniya i podderzhaniya zdorov'ya (po materialam sociologicheskogo oprosa) [Occupational safety and behavior of workers in the field of health preservation and maintenance (based on the materials of a sociological survey)]. *Izvestiya Irkutskoj gosudarstvennoj ekonomicheskoy akademii = Izvestiya Irkutsk State Economic Academy*, 2010, no. 2 (70), pp. 99-103.

17. Nasonova A. S. Analiz prichin vozniknoveniya konfliktov v proizvodstvennoj srede [Analysis of the causes of conflicts in the production environment]. *Sovremennye nauchnye issledovaniya i razrabotki = Modern Scientific Research and Development*, 2016, no. 7 (7), pp. 455-459.
18. Gimaeva Z. F., Kapcov V. A., Karimova L. K., Mavrina L. N., Bejgul N. A. Proizvodstvennye i neproizvodstvennye faktory riska razvitiya professional'nogo stressa u rabotnikov neftekhimicheskikh proizvodstv [Production and nonproduction risk factors for the development of occupational stress in workers of petrochemical industries]. *Permskij medicinskij zhurnal = Perm Medical Journal*, 2015, vol. 32, no. 6, pp. 63-70.
19. Bryuhanov A. M., Gerasimenko V. E. Sovershenstvovanie organizacii sluzhby ohrany truda na ugol'nyh shahtah [Improving the organization of labor protection services at coal mines]. *Sposoby i sredstva sozdaniya bezopasnyh i zdorovyh uslovij truda v ugol'nyh shahtah = Ways and means of creating safe and healthy working conditions in coal mines*, 2019, no. 3 (46), pp. 4-12.
20. Polyakova E. M., Mel'cer A. V. Sravnitel'nyj analiz sostoyaniya zdorov'ya rabotnikov, vypolnyayushchih trudovye operacii na otkrytoj territorii v holodnyj period goda, po rezul'tatam anketirovaniya [Comparative analysis of the health status of workers performing labor operations in an open area during the cold season, based on the results of a questionnaire]. *Profilakticheskaya i klinicheskaya medicina = Preventive and clinical medicine*, 2019, no. 4 (73), pp. 35-44.
21. Fesenko M. A., Zueva E. V., Fedorova E. V. Rezul'taty izucheniya sostoyaniya zdorov'ya rabotnikov po dannym anketirovaniya [Results of studying the health status of employees according to the questionnaire data]. *Medicina truda i promyshlennaya ekologiya = Occupational medicine and industrial ecology*, 2019, vol. 59, no. 9. p. 793.
22. Evstigneev A. N., Smol'yaninov N. G., Mihina T. V. Operativnaya ocenka sostoyaniya ohrany truda na predpriyatii s pomoshch'yu anketirovaniya [Operational assessment of the state of labor protection at the enterprise using a questionnaire]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Ekologiya i bezopasnost' zhiznedeyatel'nosti = Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Ecology and life safety*, 2011, no.1 (11), pp. 140-144.
23. Krasovskij V. O., Yahina M. R., Kashafutdinova G. I., Galliulin A. R. Anketnyj opros rabotnikov smenno-vahtovogo truda gorno-obogatitel'noj fabriki [Questionnaire survey of shift workers of the mining and processing plant]. *Medicina truda i ekologiya cheloveka = Labor Medicine and Human Ecology*, 2015, no. 3, pp. 106-113.
24. Goroshko I. V. Tekhnologiya provedeniya anketnyh oprosov [Technology of conducting questionnaire surveys]. *Vestnik Universiteta prokuratury Rossijskoj Federacii = Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation*, 2020, no. 3 (77), pp. 72-77.
25. Komarov O. E. Metodika i tekhnika sociologicheskikh issledovanij [Methodology and technique of sociological research]. Pavlodar, PGPI Publ., 2016. 180 p.
26. Myagkov A. Yu. O probleme anonimnosti v sociologicheskikh oprosah [On the problem of anonymity in sociological surveys]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Bulletin of the Tambov University. Series: Humanities*, 2003, no.1 (29), 2003, pp. 31-36.
27. Kotik M. A. Psihologiya i bezopasnost' [Psychology and safety]. Tallinn, Valgus Publ., 1989. 448 p.
28. Pozdnyakov A. N. Metody bor'by s riskovannym povedeniem na rabochem meste [Methods of combating risky behavior in the workplace]. *Vestnik Kuzbasskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta = Bulletin of the Kuzbass State Technical University*, 2011, no. 6, pp. 38-39.

29. Popov F. I. *O vnedrenii luchshih praktik po razrabotke i realizacii kompleksnyh mer po snizheniyu proizvodstvennogo travmatizma i sozdaniyu bezopasnyh uslovij truda* [On the introduction of best practices for the development and implementation of comprehensive measures to reduce occupational injuries and create safe working conditions]. Available at: https://admtyumen.ru/ogv_ru/society/social_policy/labor_protection/more.htm?id=11430464%40cmsArticle (accessed 12.12.2022).

Информация об авторах / Information about the Authors

Томаков Владимир Иванович, доктор педагогических наук, профессор кафедры охраны труда и окружающей среды, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: tomakov52@mail.ru,
ORCID: 0000-0003-1051-9722

Vladimir I. Tomakov, Dr. of Sci. (Pedagogical), Professor of the Department of Labor Protection and Environment, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: tomakov52@mail.ru,
ORCID: 0000-0003-1051-9722

Томакова Ирина Александровна, кандидат технических наук, доцент кафедры экономики, управления и аудита, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: tomakova@mail.ru,
ORCID: 0000-0001-7419-1813

Irina A. Tomakova, Cand. of Sci. (Technical), Associate Professor, Department of Economics, Management and Audit, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: tomakova@mail.ru,
ORCID: 0000-0001-7419-1813

Оригинальная статья / Original article

УДК 316.612

<https://doi.org/10.21869/2223-151X-2023-13-1-174-182>

Особенности социальной ситуации развития ребенка при аллергическом заболевании

Василенко Т.Д.¹ ✉, Блюм А.И.¹, Богомазов А.Д.¹

¹Курский государственный медицинский университет
ул. Карла Маркса, д. 3, г. Курск, 305041 Российская Федерация

✉ e-mail: tvasilenko@yandex.ru

Резюме

При всем многообразии подходов к изучению социальной ситуации развития ребенка при наличии у него соматического неблагополучия, в настоящее время недостаточно внимания уделяется проблематике возникновения и течения аллергии неясного генеза. Рассмотрение аллергии неясного генеза сквозь призму психосоматической реакции невозможно без учета социальной ситуации развития ребенка. В нашем исследовании мы рассматриваем особенности социальной ситуации развития ребенка посредством изучения различных психологических характеристик, начиная от особенностей внутрисемейных конфликтов, типа воспитания, качества контакта между матерью и ребенком и заканчивая прошлым опытом взаимодействия матери ребенка с собственной матерью. Целью исследования является изучение особенностей социальной ситуации развития ребенка при проявлении аллергии как ясного, так и неясного генеза. В статье представлены результаты исследования 63 матерей с детьми, которые разделились в дальнейшем на три группы в зависимости от наличия выставленного диагноза: аллергия ясного/неясного генеза или ее отсутствие.

Учитывая поставленные цели, в нашем исследовании были использованы группы методов, ориентированные на изучение особенностей социальной ситуации развития ребенка: клиническая беседа, анализ медицинской документации, разработанная анкета, направленная на диагностическое обследование матерей и их детей, имеющих аллергию неясного генеза, а также детей, не имеющих аллергию неясного генеза, с целью выявления факторов риска нарушений психического и психосоматического здоровья, психодиагностические методы.

По результатам проведенного исследования в статье представлено дифференцированное выявление факторов нарушения социальной ситуации развития ребенка, посредством изучения качества контакта между матерью и ребенком, определения значимости влияния прошлого негативного опыта взаимодействия с собственной матерью; нарушенных внутрисемейных отношений, что в дальнейшем может выступать триггером проявления аллергии неясного генеза у детей.

Ключевые слова: аллергическое заболевание; социальная ситуация развития; контакт матери и ребенка.

Конфликт интересов: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Василенко Т.Д., Блюм А.И., Богомазов А.Д. Особенности социальной ситуации развития ребенка при аллергическом заболевании // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2023. Т. 13, № 1. С. 174-182. <https://doi.org/10.21869/2223-151X-2023-13-1-174-182>.

Статья поступила в редакцию 20.12.2022 Статья подписана в печать 03.02.2023

Статья опубликована 15.04.2023

Features of the Social Situation of a Child's Development with an Allergic Disease

Tatiana D. Vasilenko¹ ✉, Anna I. Blum¹, Alexey D. Bogomazov¹

¹Kursk State Medical University

3, K. Marx str., Kursk 305041, Russian Federation

e-mail: tvasilenko@yandex.ru

Abstract

With all the variety of approaches to the study of the social situation of a child's development in the presence of somatic distress, currently insufficient attention is paid to the problems of the occurrence and course of allergies of unclear genesis. Consideration of an allergy of unclear genesis through the prism of a psychosomatic reaction is impossible without taking into account the social situation of the child's development. In our study, we consider the peculiarities of the social situation of a child's development by studying various psychological characteristics, ranging from the characteristics of intra-family conflicts, the type of upbringing, the quality of contact between mother and child, and ending with the past experience of the child's mother interacting with her own mother. The aim of the study is to study the peculiarities of the social situation of a child's development in the manifestation of allergies of both clear and unclear genesis.

The article presents the results of a study of 63 mothers with children, who were further divided into three groups, depending on the presence of a diagnosis of allergy of clear/unclear genesis or its absence. Taking into account the set goals, our study used groups of methods focused on studying the peculiarities of the social situation of child development: clinical conversation, analysis of medical documentation, developed questionnaire aimed at diagnostic examination of mothers and their children with allergies of unclear genesis, as well as children without allergies of unclear genesis, in order to identify risk factors disorders of mental and psychosomatic health, psychodiagnostic methods.

According to the results of the study, the article presents a differentiated identification of factors of violation of the social situation of the child's development, by studying the quality of contact between mother and child, determining the significance of the influence of past negative experiences of interaction with one's own mother; disturbed intra-family relations, which in the future may act as a trigger for the manifestation of allergies of unclear genesis in children.

Keywords: allergic disease; social situation of development; mother-child contact.

Conflict of interest: The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Vasilenko T. D., Blum A. I., Bogomazov A. D. Features of the Social Situation of a Child's Development with an Allergic Disease. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*. 2023, 13(1): 174–182 (In Russ.). <https://doi.org/10.21869/2223-151X-2023-13-1-174-182>.

Received 20.12.2022

Accepted 03.02.2023

Published 15.04.2023

Введение

Несмотря на последние достижения фармакологии, заболеваемость аллергией возрастает, и за последнее десятилетие интерес к анализу роли психологических факторов в возникновении и течении заболевания привлекает все большее внимание отечественных и зарубежных исследователей [1, 2, 3]. Дискуссионным

остается вопрос содержания и роли семейных факторов в возникновении психосоматических расстройств у детей, природы и механизмов эмоциональной дезадаптации как одной из причин их возникновения [4].

Выявление предикторов аллергических реакций ясного и неясного генеза дает возможность получения перспектив-

ных междисциплинарных результатов, тем самым обнаруживая векторы эффективности оказания медико-психологической помощи.

Николаева В.В., Ковалевский В.А., выявили, что для детей, имеющих аллергические реакции, характерна качественно иная, по сравнению со здоровыми, особая ситуация социального развития, которая ограничена внутренней и внешней деятельностью ребенка, разрывом его социальных отношений (в семье, вне семьи), то есть обусловленная плохими условиями развития личности [2, 5]. В этом случае особенно важно изучить отношение родителей детей с аллергией, специфика которых вызывает деформации психического и личностного развития, а также может являться причиной дальнейших нарушений их соматического статуса [6, 7]. У детей с аллергическими реакциями может быть много признаков, которые заостряются и вызывают дезадаптацию личности в дальнейшем и, как следствие, ухудшают общее состояние.

По мнению Филипповой Г.Г. кожные нарушения могут выступать как проявления маскированной депрессии, так как при психической депривации на первом году жизни ребенок реагирует в форме маскированной или соматизированной депрессии [3]. Депривационным фактором является нарушение материнской среды (нарушение диадических отношений) [8, 9, 10]. У ребенка в семье чаще всего наблюдается дисинхрония развития, при этом некоторые направления развития остаются относительно сохраненными, а другие – «западают». Чаще относительно сохранно развитие эмоций и взаимодействия со взрослым, а больше страдают вегетативные и соматические функции.

Мы предполагаем, что определенная модель взаимодействия матери с ребенком будет влиять на формирование у него следующих психологических особенностей: наличие неудовлетворенных по-

требностей; нарушение эмоционального контакта с матерью; особая направленность привязанности, которая выражается в ненадежном типе, который будет отражаться у него через проявление невротических нарушений в виде: тревоги, страхов, недержания мочи и стула; матери будут характеризоваться недостаточным вниманием, заботой, поддержкой, нечувствительностью в отражении реакций ребенка; особенности ощущения ребенка в семье могут выражаться в чувстве отчужденности от семьи, дистанцированности.

Важную составляющую нарушенной связи со своим ребенком играет травмирующий опыт с собственной матерью. Он характеризуется наличием ненадежной привязанности с собственной матерью, которая выступает главной фигурой в актуальном времени в развитии недостаточной чувствительности к сигналам своей дочери. Такие матери отличаются крайне эмоциональной холодностью, недоверчивым поведением. В таких отношениях мало принятия, но, при этом, превалирующим фактором является отчужденность во взаимодействии с собственным ребенком. Немаловажную роль играют внутрисемейные конфликты между супругами, которые способствуют нарушению контакта с ребенком. В такой семье преобладает неупорядоченный характер: хаотичное, нечеткое распределение ролей и делегирование ответственности с одного человека к другому. Члены семьи испытывают выраженное стремление к автономии и дистанцированию, взаимоотношения носят ригидный характер. В связи с вышеописанными критериями такая мать испытывает стресс, который не имеет возможности адекватно выразиться, тем самым, стресс аккумулируется, мать не имеет адекватного способа совладания со стрессовой ситуацией, поэтому, по итогу, имеет дефицит адаптационных возможностей из-за нарушения взаимодействия в микросреде (в парных отношениях), с неразрешенными пробле-

мами внутри своей системы. В свою очередь, вышеизложенные психологические особенности, которые выражаются через мать, являются для ребенка субъективно дискомфортными, соответственно, это может поспособствовать формированию аллергической патологии в виде аллергии неясного генеза, а в дальнейшем, может и поспособствовать усугублению ее протекания.

Исходя из вышесказанного целью нашего исследования является изучение социальной ситуации развития ребенка при наличии у него аллергических реакций ясного и неясного генеза. В нашем исследовании аллергическую симптоматику мы рассматриваем как некую гиперактивную реакцию по типу защиты на стрессовые ситуации, с которыми сталкивается ребенок, посредством ненадежной привязанности, нарушенными внутрисемейными отношениями.

Для реализации поставленной цели требуется решение следующих задач:

1. Изучить теоретические основания исследований психологии привязанности; аллергических заболеваний как проявление психосоматики.

2. Выделить ряд предикторов, которые влияют на формирование особенной социальной ситуации развития ребенка при наличии у него аллергических реакций.

3. Определить специфику материнского отношения и изучить влияние материнского отношения к ребенку на психосоматическое здоровье детей.

4. На основе проведенного исследования сформулировать основные задачи клинико-психологического сопровождения родителей, воспитывающих детей с аллергическими реакциями.

Методы и организация исследования

Исследование проводилось на базе ОБУЗ «Областная детская клиническая больница», Медицинский центр «Живца», «Центр развития ребенка - детский сад №103» в период с октября 2020 по

сентябрь 2022. В ходе исследования выборка разделилась на три группы: 1) матери детей относительно здоровых (21 человек), средний возраст детей составил – 2 года 1 месяц. Пол детей: 8 девочек (38,10%), 13 мальчиков (61,90%); 2) матери детей с аллергическими заболеваниями (21 человек), средний возраст детей составил – 2 года 6 месяцев, Пол детей: 5 девочек (23,81%) 16 мальчиков (76,19%); 3) матери детей с аллергией неясного генеза (21 человек), средний возраст детей составил – 2 года 1 месяц. Пол детей: 6 девочек (28,57%), 15 мальчиков (71,43%). Диагноз аллергия ясного/неясного генеза был выставлен аллергологом на основе проведенных анализов на иммуноглобулин Е.

Учитывая поставленные цели, в нашем исследовании были использованы следующие группы методов, ориентированные на изучение особенностей социальной ситуации развития ребенка: клиническая беседа, анкета выявления признаков психического напряжения и невротических тенденций (Й. Шванцара), опросник Шкала семейной адаптации и сплоченности (Опросник FACES-3 / Тест Д. Х. Олсона), модифицированный опросник М.В. Яремчук, Опросник Анализ семейных взаимоотношений (Методика АСВ) (Эйдемиллер Э.Г., Юстицкис В. В.). Для статистического анализа были использованы методы описательной статистики (анализ средних тенденций - среднее, стандартное отклонение); сравнительной статистики (критерий Краскела-Уоллиса, параметрический χ^2 Пирсона), корреляционный анализ Спирмена.

Результаты и обсуждение

При анализе опросника «Шкала семейной адаптации и сплоченности» (табл. 1) были получены статистически значимые различия по таким критериям, как: «Эмоциональная связь» - $p=0,005$, «Семейные границы» - $p=0,010$, «Принятие решений» - $p=0,004$, «Время» - $p=0,040$, «Контроль» - $p=0,005$.

Таблица №1. Особенности семейной адаптации и сплоченности (опросник «Шкала семейной адаптации и сплоченности»)**Table1.** Features of family adaptation and cohesion (questionnaire «Scale of family adaptation and cohesion»)

Характеристика	Mean (среднее) Здоровые	Mean (среднее) Аллергия	Mean (среднее) Аллергия неясн. г.	SD(CKO) Здоровые	SD(CKO) Аллергия	SD(CKO) Аллергия неясн. г.	p-level
Эмоциональная связь	13,047	11,095	10,619	1,657	3,031	2,673	0,005
Семейные границы	8,619	7,476	7,095	1,359	1,3645	1,921	0,010
Принятие решений	4,380	3,619	3,333	0,589	1,203170	1,197219	0,004
Время	4,095	3,523	3,523	0,768	0,749	0,872	0,040
Контроль	6,619	5,523	5,333	1,0235	1,569	1,316	0,000
Реальная сплоченность	42,142	37,238	35,047	3,732	6,007	5,152	0,000

Данные результаты свидетельствуют о том, что в группе матерей детей с аллергией неясного генеза прослеживается четкое снижение прочности семейных границ, это отражается резким изменением, прежде всего, в системе внутрисемейных отношений: происходит возникновение у членов семьи чувства ненадежности, что нарушает нормальное установление семейных границ. Эмоциональные связи характеризуются отстраненностью, отчужденностью, покинутостью, что и обеспечивает возникновение проблем, связанных с психосоциальным благополучием ребенка, которое, в свою очередь, могут приводить к аллергическим реакциям. У матерей детей с аллергией ясного генеза семейные границы ниже, чем в группе матерей детей относительно здоровых, что может свидетельствовать о том, что имеются проблемы в выстраивании четких границ. Также матери через гиперопеку чрезмерно контролируют болеющего ребенка, тем самым, не обеспечивают достаточной свободы, создавая чувство небезопасности, тревожности. Время, которое проводят совместно мать и ребенок, носит характер «стационарного времяпрепровождения» -

ведь, зачастую, именно в больнице находятся в контакте, заменяя привычный семейный досуг. Семейные границы в группе матерей детей относительно здоровых характеризуются четкостью и открытостью, семейные роли неизменчивы, в семье поддерживаются гармоничные взаимоотношения. Матери детей относительно здоровых характеризуются совместным проведением свободного времени, которое приносит каждому члену семьи большую удовлетворенность, обеспечивая сплоченность всей семьи. Критерий «Реальная сплоченность» указывает на то, что у матерей детей относительно здоровых имеется достаточно высокий уровень реальной сплоченности в семье: члены семьи эмоционально взаимосвязаны друг с другом, что подтверждается по раннее упомянутым результатам. Обратное наблюдается у матерей детей с аллергией неясного генеза, у них самые низкие показатели: члены семьи автономны и дистанцированы друг от друга

При интерпретации результатов по опроснику «Анализ семейных взаимоотношений» были обнаружены различия на высоком уровне статистической значимости по показателям «Гиперпротекция»,

«Гипопротекция», «Потворствование», «Игнорирование потребностей ребенка», «Вынесение конфликта между супругами в сферу воспитания».

В группе матерей детей с аллергией ясного генеза преобладают показатели по шкалам «Гиперпротекция» - $p = 0,005$ и «Потворствование» - $p = 0,011$. В виду наличия установленного диагноза у ребенка матери чрезмерно заботятся о своем ребенке и стремятся угодить во всех аспектах, дабы снизить проявления болезни.

В группе матерей детей с аллергией неясного генеза были обнаружены статистически значимые различия по шкалам «Гипопротекция» - $p = 0,000$ и «Игнорирование потребностей ребенка» - $p = 0,033$. Данные результаты свидетельствуют о том, что неудовлетворенность потребностей вкупе с недостаточным вниманием и заботы к ребенку способствуют проявлению психосоматической симптоматики в виде кожных заболеваний (обозначение проявлений именно как психосоматической симптоматики обусловлено тем, что диагноз не установлен). Также у данной группы матерей значимые различия наблюдаются по критерию «Вынесение конфликта между супругами в сферу воспитания» ($p = 0,000$), поэтому можно сделать вывод о том, что вовлечение в конфликтные отношения значимых людей приводит к нарушению здоровья у детей.

Таким образом, в группе матерей детей с аллергией ясного/неясного генеза заболевание ребенка приводит к стабилизации отношений в семье, болея, ребенок неосознанно останавливает на время конфликт родителей, также дети при болезненном состоянии получают долгожданное внимание от своих родителей.

Анализируя привязанность к матери с помощью методики «Привязанность к родителям» был обнаружен высокий уровень значимых различий – $p = 0,005$. В семьях с относительно здоровыми детьми преобладает надежный тип привязанно-

сти - 47,62%; в семьях, где имеется ребенок с проявлением аллергии ясного генеза преобладает тревожно-амбивалентный тип привязанности - 57,14%; в семьях, где имеются проявления аллергии неясного генеза преобладает избегающий тип привязанности - 52,38%. Данные результаты указывают на то, что в прошлом детском опыте со своей матерью преобладают чувства отчужденности, покинутости, в таких диадных отношениях крайне мало близости, неуверенность в оказании поддержки со стороны собственной матери. В связи с чем можно предположить, что данная модель поведения влияет и на актуальные отношения со своим ребенком, ведь взаимодействие между матерью и дочерью было нарушено еще в раннем возрасте и сохраняется до настоящего времени.

Интерпретируя результаты методики «Признаки психического напряжения и невротических тенденций у детей» были обнаружены статистически значимые различия – $p = 0,020$. Самый высокий показатель среди трех независимых групп – у детей с аллергией неясного генеза – 23,81%. Чаще всего матери указывали на умеренно или сильно выраженные симптомы у своих детей, в качестве примера, следует указать часто упоминающиеся жалобы: грызет ногти; засыпает медленно и с трудом; жалуется на головные боли; стал тревожен; часто плачет; боится чужих людей; есть проявления недержания стула и мочи. Это указывает на наличие психического напряжения у детей, этот факт может знаменоваться и трактоваться как проявление нарушенного контакта с матерью.

При сравнении трех независимых групп с помощью корреляционного анализа Спирмена были получены следующие результаты в группе матерей детей с аллергией ясного генеза при анализе показателей «Привязанность к матери» и «Признаки психического напряжения и невротических тенденций у детей» была обнаружена положительная корреляция

((Spearman $R=0,616$) при $p=0,003$). Данный результат указывает на ранние подтвержденные выводы, установленные по критерию Пирсона, а именно наличие тревожно-амбивалентной привязанности со стороны собственной матери играет немалую роль в повышении и нарастании напряжения у ребенка, которое, в свою очередь, влияет на проявления заболевания.

Выводы

Нами была установлена степень влияния материнского отношения к ребенку через анализ типов воспитания: у матерей детей с аллергией ясного генеза преобладает гиперпротекция и потворствование; у матерей детей с аллергией неясного генеза преобладает гипопротекция и игнорирование потребностей ребенка. Данные результаты свидетельствуют о том, что неудовлетворенность потребностей вкупе с недостаточным вниманием и заботы к ребенку способствуют проявлению психосоматической симптоматики в виде кожных заболеваний неясного генеза. Через гиперопеку матери детей, страдающих аллергией ясного генеза чрезмерно контролируют болеющего ребенка, тем самым, не обеспечивают достаточной

свободы, создавая чувство небезопасности, тревожности.

Контакт с собственной матерью выступает в качестве неразрешенных эмоциональных и поведенческих конфликтов, диктуемыми из прошлых взаимоотношений с собственной матерью, в связи с чем и приводит к нарушению психосоматического здоровья в виде аллергии неясного генеза у ребенка.

Эмоциональные связи между членами семьи выстраиваются в рамках диагноза ребенка, тем самым родителями блокируются актуальные потребности самого ребенка и у него поддерживается его болезненное состояние. Он становится «носителем симптома», который позволяет стабилизировать взаимоотношения между членами семьи.

Мы предполагаем, что задачами клинико-психологического сопровождения родителей, воспитывающих детей с аллергическими реакциями, будет выступать формирование адаптивного субъективного ощущения ребенка в семье посредством установления эмоционального контакта матери с ребенком, нормализации семейных взаимоотношений между супругами, коррекции субъективного самоощущения ребенка в семье и в социуме.

Список литературы

1. Василенко Т.Д., Земзюлина И.Н. Ранние эмоциональные дефициты и психосоматическое здоровье младенца // Человек и его здоровье. 2016. №3. С. 117-124.
2. Ковалевский В.А., Груздева О.В. Соматически больной ребенок дошкольного возраста: специфика социально-психологического развития // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. 2009. № 1. URL: <http://medpsy.ru>
3. Филиппова Г.Г. Психосоматические особенности ребенка в раннем онтогенезе // Перинатальная психология и психология родительства. 2004. №2.
4. Лифинцева А.А., Холмогорова А.Б. Семейные факторы психосоматических расстройств у детей и подростков // Консультативная психология и психотерапия. 2015. № 1. С. 70-83.
5. Николаева В. В., Арина Г. А. Тяжелобольной ребенок: штрихи к психологическому портрету // Школа здоровья. 1995. N 2. С. 10-21.
6. Исаев Д.Н. Эмоциональный стресс, психосоматические и соматопсихические расстройства у детей. СПб.: Речь, 2005. 400 с.
7. Чемурзиева М.М., Погорова Р.И. Эмоциональная привязанность ребенка к матери // Кронос. 2019. Т. 2. С. 30-32.

8. Баранов А. А. Материнско-детское эмоциональное взаимодействие как фактор формирования психосоматических расстройств у детей раннего возраста // Вестник Мариинского государственного университета. 2018. Т.1. С. 128-134.

9. Блюм А.И., Василенко Т.Д. Роль материнского отношения в формировании самоповреждающего поведения у ребенка // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. 2022. Т.10, №3 (38). С. 223–232.

10. Василенко Т.Д., Воробьева М.Е. Качество взаимодействия матери и ребенка как фактор формирования здоровья // Педиатр. 2016. Т.7, №1. С. 151-155.

References

1. Vasilenko T.D., Zemzyulina I.N. Rannie ehmtsional'nye defitsity i psikhosomaticheskoe zdorov'e mladentsa [Early emotional deficits and psychosomatic health of the infant]. *Chelovek i ego zdorov'e = Man and his health*, 2016, no. 3, pp. 117-124.

2. Kovalevskii V.A., Gruzdeva O.V. Somaticheski bol'noi rebenok doskol'nogo vozrasta: spetsifika sotsial'no-psikhologicheskogo razvitiya [Somatically ill child of preschool age: specifics of socio-psychological development]. *Meditinskaya psikhologiya v Rossii: ehlektron. nauch. Zhurn = Medical Psychology in Russia: electron. scientific journal*, 2009, no. 1. Available at: <http://medpsy.ru>

3. Filippova G.G. Psikhosomaticheskie osobennosti rebenka v rannem ontogeneze [Psychosomatic features of a child in early ontogenesis]. *Zhurnal. Perinatal'naya psikhologiya i psikhologiya roditel'stva = Journal. Perinatal Psychology and the Psychology of Parenthood*. 2004, no. 2.

4. Lifintseva A.A., Kholmogorova A.B. Semeinye faktory psikhosomaticheskikh rasstroystv u detei i podrostkov [Family factors of psychosomatic disorders in children and adolescents]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya = Consultative Psychology and Psychotherapy*, 2015, no 1, pp. 70-83.

5. Nikolaeva V. V., Arina G. A. Tyazhelobol'noi rebenok: shtrikhi k psikhologicheskomu portretu [A seriously ill child: strokes to a psychological portrait]. *Shkola zdorov'ya = School of Health*, 1995, no. 2, pp. 10-21.

6. Isaev D.N. *Ehmotsional'nyi stress, psikhosomaticheskie i somatopsikhicheskie rasstroistva u detei* [Emotional stress, psychosomatic and somatopsychic disorders in children]. St. Petersburg, Speech Publ., 2005. 400 p.

7. Chemurzieva M.M., Pogorova R.I. Ehmotsional'naya privyazannost' rebenka k materi [Emotional attachment of a child to his mother]. *Kronos = Kronos*, 2019, vol. 2, pp. 30-32.

8. Baranov A. A. Materinsko-detskoe ehmtsional'noe vzaimodeistvie kak faktor formirovaniya psikhosomaticheskikh rasstroystv u detei rannego vozrasta [Maternal-child emotional interaction as a factor in the formation of psychosomatic disorders in young children]. *Vestnik Mariiskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Mari State University*, 2018, vol. 1, pp. 128-134.

9. Blyum A.I., Vasilenko T.D. Rol' materinskogo otnosheniya v formirovanii samopovrezhdayushchego povedeniya u rebenka [The role of maternal attitude in the formation of self-injurious behavior in a child]. *Lichnost' v menyayushchemsya mire: zdorov'e, adaptatsiya, razvitiye = Personality in a changing world: health, adaptation, development*, 2022, vol. 10, no. 3 (38), pp. 223–232.

10. Vasilenko T.D., Vorob'eva M.E. Kachestvo vzaimodeistviya materi i rebenka kak faktor formirovaniya zdorov'ya [The quality of interaction between mother and child as a factor in the formation of health]. *Pediatr = Pediatrician*, 2016, vol. 7, no 1, pp. 151-155.

Информация об авторах / Information about the Authors

Василенко Татьяна Дмитриевна, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей и клинической психологии Курский государственный медицинский университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: tvasilenko@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-6709-7578

Tatiana D. Vasilenko, Dr. of Sci. (Psychological), Professor, Head of the Department of General and Clinical Psychology Kursk State Medical University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: tvasilenko@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-6709-7578

Блюм Анна Ивановна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры общей и клинической психологии Курский государственный медицинский университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: bogomazov71@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4636-1819

Anna I. Blum, Cand. of Sci. (Psychological), Associate Professor, Associate Professor at the Department of General and Clinical Psychology Kursk State Medical University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: bogomazov71@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4636-1819

Богомазов Алексей Дмитриевич, кандидат медицинских наук, доцент, доцент кафедры педиатрии, Курский государственный медицинский университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: bogomazov71@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4636-1819

Alexey D. Bogomazov, Cand. of Sci. (Medical), Associate Professor of the Department of Pediatrics Kursk State Medical University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: bogomazov71@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4636-1819

К сведению авторов

1. К публикации в журнале «Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика» принимаются актуальные материалы, содержащие новые результаты научных и практических исследований, соответствующие профилю журнала, не опубликованные ранее и не переданные в редакции других журналов.

2. Авторы статей должны представить в редакцию журнала:

– статью, оформленную в соответствии с правилами оформления статей, представляемых для публикации в журнале;

– лицензионный договор;

– сведения об авторах (фамилия, имя отчество, место работы, должность, ученая степень, звание, почтовый адрес, телефон, e-mail).

3. Бумажный вариант статьи подписывается всеми авторами, что означает их согласие на передачу Университету прав на распространение материалов статьи с помощью печатных и электронных носителей информации.

4. Редакция не принимает к рассмотрению рукописи, оформленные не по правилам.

5. Публикация статей в журнале для авторов бесплатна.

6. Основной текст рукописи статьи (кроме аннотации и ключевых слов) набирают в текстовом редакторе MS WORD шрифтом «Times New Roman» размером 14 пт с одинарным интервалом, выравнивание по ширине. Поля с левой стороны листа, сверху – 2,5 см, с правой стороны – 2 см. Абзацный отступ – 1,5 см.

7. Схема построения публикации: УДК (индекс по универсальной десятичной классификации), фамилия и инициалы автора(ов) с указанием ученой степени, звания, места работы (полностью, включая адрес организации), электронного адреса (телефона), название (полужирный), аннотация (200–250 слов) и ключевые слова (5–10 слов), текст с рисунками и таблицами, литература. Авторы, название, аннотация и ключевые слова приводятся на русском и английском языках. Текст статьи должен быть структурирован по разделам:

- введение (постановка проблемы)
- результаты и обсуждение
- выводы

Например:

УДК 81-114.2

Н. А. Боженкова, д-р филол. наук, профессор, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина (Россия, 117485, Москва, ул. Академика Волгина, 6) (e-mail: natalyach@mail.ru)

Социолингвистический обзор статуса русского языка на постсоветском коммуникативном пространстве

Дезинтеграционные процессы последнего десятилетия XX века, вызванные многоплановыми геополитическими факторами, привели к трансформации информационного поля на русском языке: в каждом из четырнадцати новых постсоветских государств...

Ключевые слова: социолингвистика; коммуникативная лингвистика; постсоветское пространство; статус русского языка; языковая ситуация.

8. При формировании текста не допускается применение стилей, а также внесение изменения в шаблон или создание собственного шаблона. Слова внутри абзаца следует разделять одним пробелом; набирать текст без принудительных переносов; не допускаются разрядки слов.

9. Для набора формул и переменных следует использовать редактор формул MathType версии 5.2 и выше с размерами: обычный – 12 пт; крупный индекс 7 пт, мелкий индекс – 5 пт; крупный символ – 18 пт; мелкий символ – 12 пт.

10. Рисунки и таблицы располагаются по тексту. Таблицы должны иметь тематические заголовки. Иллюстрации, встраиваемые в текст, должны быть выполнены в одном из стандартных форматов (TIFF, JPEG, PNG) с разрешением не ниже 300 dpi и публикуются в черно-белом (градации серого) варианте. Качество рисунков должно обеспечивать возможность их полиграфического воспроизведения без дополнительной обработки. **Рисунки, выполненные в MS Word, недопустимы.**

Рисунки встраиваются в текст через опцию «Вставка-Рисунок-Из файла» с обтеканием «В тексте» с выравниванием по центру страницы без абзацного отступа. Иные технологии вставки и обтекания **не допускаются.**

11. **Список литературы к статье обязателен** и должен содержать все цитируемые и упоминаемые в тексте работы (не менее 10). Список представляется в двух вариантах: традиционный (ГОСТ Р 7.05–2008) и дополнительный с переводом русскоязычных источников на латиницу и английский язык. Применяется транслитерация по системе BSI. Ссылки на работы, находящиеся в печати, не допускаются. При ссылке на литературный источник в тексте приводится порядковый номер работы в квадратных скобках.

12. В материале для публикации следует использовать только общепринятые сокращения.

Все материалы направлять по адресу: 305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94. ЮЗГУ, редакционно-издательский отдел.

Тел. (4712) 22-25-26, тел/факс (4712) 50-48-00.

E-mail: rio_kursk@mail.ru

Изменения и дополнения к правилам оформления статей и информацию об опубликованных номерах можно посмотреть на официальном сайте журнала: <http://www.swsu.ru/izvestiya/serieslingva>.

Изменения и дополнения к правилам оформления статей и информацию об опубликованных номерах можно посмотреть на официальном сайте журнала: <https://science.swsu.ru>.